

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Совместная советско-индийская декларация

Позиция СССР по «тайваньскому вопросу»

Сложные проблемы Японии

**Социалистическое строительство
во Вьетнаме**

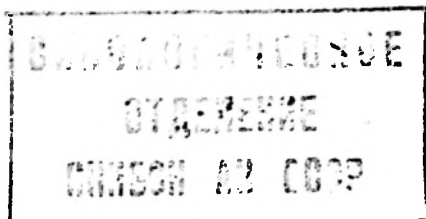
О XII съезде Компартии Китая

Китайское литературное наследие

3

1982

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Совместная советско-индийская декларация

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- 9 Советско-японские отношения
Т. Б. Гуженко
- 21 Острые социальные проблемы Японии
Т. В. Кирягина
- 32 Курсом мира и добрососедства
М. П. Исаев
- 40 Принципиальная позиция СССР по «тайваньскому вопросу»
В. Н. Барышников
- 50 Женское движение в Японии
И. И. Тамгинский

ИДЕОЛОГИЯ

- 61 Об этическом учении Сюнь-цзы
В. Ф. Феоктистов
- Критика буржуазной синологии
- 72 Лу Синь в американской синологии
А. Н. Желоховцев

ИСТОРИЯ

- Борцы за народное дело
- 82 Дэн Чжунся — видный деятель китайского рабочего движения
Т. Н. Акатова

КУЛЬТУРА

- 90 Проблемы китайского литературного наследия
Е. А. Серебряков

ПО-1486

- 94 Демократическая поэзия современной Японии
А. М. Мамонов

СООБЩЕНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ

- 102 Знаменательный юбилей
Г. В. Куликова
111 Этнический состав населения КНР:
А. М. Решетов
116 В Китае 50-х годов
И. В. Стражева
121 О словаре географических названий Китая
Я. А. Миропольский

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

- 124 О XII съезде Компартии Китая

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 127 Планы США в Азии в 80-е годы
В. И. Осич
130 Япония и Африка: экономический неоколониализм
Ю. Е. Бугаев
133 Эволюция японского милитаризма
В. Н. Бунин
136 Строительство социализма во Вьетнаме
В. А. Тригубенко
138 Китай в годы пробуждения Азии
В. А. Васильев
«Нихонтэки кэйэй» — система менеджмента в Японии
А. И. Самсин
140 Экономическое проникновение Японии в Латинскую Америку.
Ю. Е. Евгеньев
144

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 146 Конференция по вопросам литературы и культуры стран Дальнего Востока

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор).
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора).
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора).
М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВ-
ЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГА-
РЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТА-
РЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВ-
СКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

Совместная советско-индийская декларация

Союз Советских Социалистических Республик и Республика Индия, исходя из традиций дружбы и сотрудничества между народами и правительствами двух стран, выражая их волю к дальнейшему развитию и углублению советско-индийских отношений,

подтверждая свою приверженность делу обеспечения мира и сотрудничества между народами в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций,

будучи убеждены, что утверждение в международных отношениях принципов мирного сосуществования отвечает интересам всех народов, проявляя озабоченность ухудшением международной обстановки, эскалацией гонки вооружений и нарастанием угрозы войны и сознавая свою ответственность за сохранение мира и международной безопасности,

преисполненные решимости предпринимать совместные усилия в интересах международного взаимопонимания и разрядки, в поддержку национальной независимости народов, против любых проявлений империализма, колониализма, неоколониализма, расизма и апартеида,

провозглашают свое намерение и впредь неустанно развивать и укреплять существующие между ними дружественные отношения, скрепленные Договором о мире, дружбе и сотрудничестве, в интересах народов обеих стран и дела всеобщего мира.

I

Советский Союз и Индия выражают глубокое удовлетворение эффективностью их многогранного сотрудничества, которое представляет собой ценное достояние двух стран. Советско-индийские отношения характеризуются уважением и доверием между руководителями и народами, многообразием сфер и форм сотрудничества обеих стран. Эти отношения основываются на строгом соблюдении принципов суверенитета, равенства, независимости, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга в любой форме. Это яркий пример мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами.

Стороны подтверждают, что заключенный между ними Договор о мире, дружбе и сотрудничестве олицетворяет традиционную дружбу между СССР и Индией, их приверженность миру и разрядке международной напряженности.

Обе стороны с удовлетворением отмечают высокий уровень и крупномасштабность сотрудничества в экономике, торговле, науке и технике, которое осуществляется на плановой основе, носит взаимовыгодный и долгосрочный характер. Они согласились рассмотреть возможности дальнейшего расширения сотрудничества в таких отраслях, как черная и цветная металлургия, угольная и нефтяная промышленность, машиностроение и энергетика.

Обе стороны подтвердили свою решимость обеспечить увеличение объема торговли к 1986 г. в 1,5—2 раза, намеченное долгосрочной программой экономического, торгового и научно-технического сотрудничества от 14 марта 1979 г., а также поддержание высоких темпов роста торговли на период до 1990 г. В этих целях ими будут предприниматься усилия к дальнейшему расширению товарооборота и изысканию новых форм торговых отношений.

Советский Союз и Индия приветствуют расширение сотрудничества между ними в области фундаментальных и прикладных наук и технологии. Обе стороны согласны в том, что имеются возможности для расширения сотрудничества в ряде ключевых областей науки и техники. Они считают необходимым продолжать дальнейшее укрепление и совершенствование своих научно-технических связей, а также поиск новых областей и форм такого сотрудничества в интересах ускорения научно-технического прогресса обеих стран.

Обе стороны подчеркнули важную роль межправительственной советско-индийской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в организации и координировании работы, связанной с выполнением взаимных обязательств, а также поиском и выявлением новых областей и форм торгово-экономических и научно-технических связей между СССР и Индией. Они с удовлетворением отметили прогресс, достигнутый на недавно завершившемся седьмом заседании комиссии, определившем конкретные задачи организаций сторон в этой области на ближайший период.

Индийская сторона высоко оценивает значительный вклад Советского Союза в усилия Индии по достижению самообеспеченности в различных областях.

Стороны отметили успешное развитие культурного обмена между СССР и Индией. Они подтвердили, что придают большое значение дальнейшему укреплению этих связей во имя углубления взаимопонимания и взаимного обогащения духовной жизни советского и индийского народов.

II

Стороны выражают серьезную озабоченность в связи с обострением обстановки в мире, усилением гонки вооружений, прежде всего ядерных, разработкой новых видов оружия массового уничтожения, сохранением старых и возникновением новых очагов напряженности. В этой связи они призывают к новым усилиям, направленным на уменьшение напряжен-

ности, оздоровление международной обстановки, упрочение разрядки и распространение ее на все районы мира.

Советский Союз и Индия вновь подтверждают свою твердую приверженность тому, что международные отношения должны развиваться на основе строгого соблюдения таких общепризнанных основополагающих принципов, как отказ от угрозы силой и ее применения, равенство, уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности государств, нерушимость границ и невмешательство в любой форме во внутренние дела друг друга.

Советский Союз и Индия едины в том, что в нынешней тревожной обстановке в мире необходимы настойчивые усилия всех государств, независимо от различий в общественном строе, во имя укрепления мира и международной безопасности, устранения угрозы войны, обуздания гонки вооружений, прежде всего ядерных, осуществления конкретных шагов в области разоружения.

Обе стороны считают, что высшие интересы человечества настоятельно требуют неукоснительного соблюдения принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами, укрепления между ними доверия и взаимопонимания, проявления сдержанности, осуществления практических шагов в целях скорейшей ликвидации существующих и недопущения возникновения новых очагов вооруженных конфликтов и напряженности.

Советский Союз и Индия твердо убеждены, что прекращение гонки вооружений, прежде всего ядерных, и безотлагательное осуществление действенных мер в направлении всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем, а также предотвращение ядерной войны является задачей первостепенной важности, стоящей ныне перед миром. Обе стороны вновь подтверждают свое стремление в полной мере сотрудничать друг с другом и со всеми другими государствами в достижении этой цели.

Индийская сторона приветствовала заявление Советского Союза, что он не будет применять ядерное оружие первым. Обе стороны считают это важным шагом в направлении полного запрещения применения ядерного оружия или угрозы его применения. Достижению этой цели способствовало бы принятие аналогичных обязательств другими ядерными державами.

Обе стороны подчеркнули особую ответственность государств, обладающих ядерным оружием, в том, чтобы принять срочные меры в направлении всеобщего и полного разоружения, особенно ядерного разоружения. Они выразили свою готовность серьезно рассмотреть все конструктивные предложения, направленные к этой цели.

Советская сторона поддержала индийское предложение, призывающее к переговорам по разработке конвенции о неприменении ядерного оружия. Обе стороны подчеркнули важность замораживания производства и развертывания ядерного оружия, а также производства расщепляющихся ядерных материалов для целей создания ядерного оружия.

Обе стороны выступают за немедленную приостановку всех испыта-

ний ядерного оружия и за скорейшее заключение договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия.

Стороны призывают к скорейшему запрещению и уничтожению химического оружия, запрещению разработки новых видов оружия массового уничтожения.

Часть средств, которые будут высвобождены в процессе разоружения, должна направляться на оказание помощи развивающимся странам.

Советский Союз и Индия вновь подтверждают важность международного сотрудничества в сохранении и упрочении мира и стабильности в Азии, как и в мире в целом, на основе принципов мирного сосуществования. Они убеждены в том, что нерешенные международные проблемы могут и должны быть урегулированы мирными средствами, что позволило бы странам этого района посвятить свою энергию осуществлению задач национального развития.

Стороны выразили озабоченность серьезным ухудшением положения на Ближнем Востоке в результате агрессивной экспансионистской политики Израиля, которая находится в вопиющем противоречии с принципами Устава ООН и элементарными нормами международного права. Они решительно осуждают его неспровоцированное вторжение в Ливан и безжалостное истребление мирных ливанских и палестинских жителей и требуют незамедлительного и безусловного вывода израильских войск из Ливана. Обе стороны подчеркивают настоятельную необходимость всеобъемлющего, прочного и справедливого урегулирования ближневосточной проблемы на основе полного вывода войск Израиля со всех оккупированных им арабских территорий, удовлетворения справедливых требований арабского народа Палестины, единственным законным представителем которого является Организация освобождения Палестины, и обеспечения его законных прав, включая его неотъемлемое право на создание собственного государства, равно как и обеспечения права всех государств Ближнего Востока на независимое существование и развитие.

Советский Союз и Индия высказались за скорейшее мирное урегулирование вооруженного конфликта между Ираном и Ираком. Они поддерживают усилия ООН и особенно движения неприсоединения в этом направлении.

Обе стороны выражают серьезную озабоченность сохранением очагов напряженности в Юго-Западной Азии и вновь подтверждают свою убежденность в том, что проблемы этого района требуют мирных политических решений при полном уважении независимости, суверенитета, территориальной целостности и статуса неприсоединения расположенных здесь стран. Они призывают эти страны к скорейшему прекращению вооруженных конфликтов, к проявлению сдержанности и конструктивному сотрудничеству во имя уменьшения напряженности и восстановления мира. Советский Союз и Индия вновь выступают против всех форм вмешательства извне во внутренние дела стран этого района. Они убеждены, что лишь политическое решение путем переговоров может гарантировать прочное урегулирование существующих здесь проблем.

Советский Союз и Индия поддерживают стремление государств Юго-Восточной Азии к нормализации обстановки в этом районе и превраще-

нию его в район прочного мира и стабильности. Они поддерживают также усилия стран Юго-Восточной Азии, направленные на развитие отношений добрососедства и сотрудничества. Советский Союз и Индия решительно выступают против вмешательства извне во внутренние дела этих стран.

Советский Союз и Индия выражают серьезную озабоченность опасной обстановкой в Индийском океане и призывают к ликвидации всех имеющихся в этом районе иностранных военных и военно-морских баз, к недопущению создания новых баз и осуждают любые попытки наращивания иностранного военного присутствия в Индийском океане.

Обе стороны призывают к скорейшему претворению в жизнь Декларации ООН об объявлении Индийского океана зоной мира и поддерживают решение Генеральной Ассамблеи ООН о проведении конференции по Индийскому океану в первой половине 1983 года. Они вновь подтвердили свою поддержку справедливому требованию государства Маврикий о восстановлении его суверенных прав над архипелагом Чагос, включая остров Диего-Гарсия.

Советский Союз и Индия полностью поддерживают право народов, все еще находящихся под колониальным гнетом, на независимость и требуют неукоснительного соблюдения решений ООН о деколонизации. Они подтверждают свою солидарность с борьбой за полную ликвидацию расизма и апартеида на юге Африки.

Обе стороны призывают к безотлагательному и полному претворению в жизнь решений ООН о предоставлении независимости Намибии, немедленному прекращению ее оккупации и выводу с ее территории южноафриканских войск и вновь подтверждают свою полную поддержку единственному представителю намибийского народа — СВАПО. Советский Союз и Индия требуют прекращения актов вооруженной агрессии расистского режима ЮАР против независимых африканских государств.

Стороны выступают за перестройку международных экономических отношений на справедливой и демократической основе и установление нового мирового экономического порядка. Решение этой актуальной задачи отвечало бы интересам всего человечества. Они осуждают любые проявления в межгосударственном экономическом общении политики неоколониализма, дискриминации и методов давления. Обе стороны выступают за обеспечение справедливых и эквивалентных цен на товары, экспортируемые развивающимися странами. Они высказались за скорейшее начало глобальных переговоров по важнейшим экономическим проблемам в соответствии с решениями Генеральной Ассамблеи ООН.

III

Советский Союз и Индия едины в том, что регулярные контакты и взаимные дружественные визиты их руководителей стали доброй традицией в отношениях между двумя странами и вносят существенный вклад

в дальнейшее развитие дружбы и сотрудничества между ними. Стороны договорились продолжать эту практику контактов и консультаций.

Обе стороны отметили особое значение советско-индийских встреч на высшем уровне, которые способствуют продвижению вперед всего комплекса взаимоотношений между двумя странами, углубляют их взаимопонимание и сотрудничество, вносят весомый вклад в упрочение мира и безопасности во всем мире.

Стороны выразили глубокое удовлетворение результатами официального дружественного визита в Советский Союз Премьер-Министра Индии Индиры Ганди. Этот визит еще более укрепил взаимное доверие между руководителями и узлы тесной дружбы между народами СССР и Индии.

Индира Ганди выразила сердечную благодарность руководству и народу Советского Союза за радушный прием, оказанный ей и сопровождающим ее лицам. Премьер-Министр Индии пригласила Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова посетить Индию. Приглашения были с благодарностью приняты.

*Генеральный секретарь Центрального
Комитета КПСС,
Председатель Президиума Верховного
Совета СССР
Л. Брежнев*

*Премьер-Министр
Республики Индии
И. Ганди*

Советско-японские отношения

*Т. Б. Гуженко,
председатель общества «СССР — Япония»,
министр морского флота СССР*

В апреле 1982 г. в Токио проходила третья конференция «Круглого стола» представителей советской и японской общественности, организуемая Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами, Обществом японо-советской дружбы, Обществом японо-советских связей, Парламентской ассоциацией японо-советской дружбы и Ассоциацией японо-советской торговли, с одной стороны, и Союзом советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами и обществом «СССР — Япония» — с другой.

В работе конференции приняли участие свыше 500 представителей японской и советской общественности: политических деятелей, руководителей и активистов общественных организаций, ученых, журналистов, деятелей культуры, искусства, спорта, представителей деловых кругов. В работе пленарных заседаний и комиссий с японской стороны участвовали 30 депутатов парламента от правящей и оппозиционных партий.

На пленарных заседаниях и в пяти комиссиях обсуждались вопросы современного международного положения, состояние и перспективы развития политических и дипломатических отношений двух стран, пути расширения сотрудничества и обменов в области торговли, экономики, культуры и науки, спорта и туризма, роль и ответственность средств массовой информации в укреплении взаимопонимания между нашими народами, дальнейшего развития и укрепления движения за дружбу.

Важный шаг на пути к взаимопониманию

Как участник всех трех конференций «Круглого стола» представителей советской и японской общественности я прежде всего хотел бы отметить, что инициатива советских и японских общественных организаций, решивших периодически проводить в СССР и Японии откровенный диалог по проблемам международного положения и советско-японских отношений в атмосфере взаимопонимания и доброжелательства независимо от конъюнктурных соображений, получила на III конференции новое развитие и, можно сказать, уже стала хорошей традицией, которая отражает стремление наших народов жить в мире и дружбе, укреплять добрососедские отношения и сотрудничество. Это особенно важно сегодня, если учесть, что политика, проводимая администрацией США, в последнее время привела к резкому обострению международной обстановки, а советско-японские связи находятся в состоянии застоя в результате действия сил как внутри, так и вне Японии, стремящихся нанести им ущерб. Следует отметить, что организаторы встречи с советской и японской стороны приложили максимум

усилий, чтобы обеспечить высокий уровень участников и эффективную работу как конференции в целом, так и ее комиссий.

Впервые для участия в подобном мероприятии в Японию выезжала столь высокая по уровню и широко представительная советская делегация. В ее составе было 75 представителей более чем от 30 министерств, ведомств, организаций, а также организаций, непосредственно занимающихся развитием связей с Японией.

Мы высоко оценили широкое участие японской общественности в конференции, благодаря чему удалось обменяться мнениями с парламентариями, представлявшими как правящую, так и оппозиционные партии, а следовательно, выражавшими различные точки зрения, с известными общественными деятелями, журналистами и обозревателями, руководителями и членами дружественных СССР организаций, представителями кооперативных хозяйств и торговых фирм, деятелями науки, культуры и спорта.

Как свидетельство искреннего интереса к работе и результатам III конференции «Круглого стола» рассматриваем мы и участие в ней в качестве почетных гостей председателя ЦИК СПЯ И. Асуката, председателя СОХИО М. Макиэда, генерального секретаря Комэйто Д. Яно, руководителя Нового либерального клуба И. Коно, представителей других политических, женских, профсоюзных и общественных организаций.

Значительно шире, чем на предыдущих конференциях, была представлена на третьей встрече Либерально-демократическая партия (ЛДП), что обеспечило полезный обмен мнениями с видными деятелями правящей партии.

В этой связи хотелось бы отметить, что встречи и беседы с председателем палаты представителей японского парламента Х. Фукуда и председателем палаты советников Токунага, с некоторыми деятелями правящей партии, состоявшиеся уже вне рамок конференции, позволили еще раз убедиться, что многие официальные лица Японии на самом высоком уровне разделяют нашу точку зрения о необходимости для дела мира и в интересах советского и японского народов поддерживать хорошие отношения между нашими странами, продвигаться вперед по пути их позитивного развития, используя различные приемлемые для обеих сторон шаги.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не все в Японии одинаково относятся к идее укрепления и всемерного развития советско-японских контактов. С большой настороженностью, как нам показалось, к конференции «Круглого стола» относились в Министерстве иностранных дел Японии. Мы с сожалением констатировали, что в III конференции «Круглого стола», как и прежде, не приняли участия руководители ведущих японских экономических организаций, крупные редприниматели, хотя, как нам кажется, темы самой конференции и особенно ее комиссий давали возможность в неофициальной обстановке обменяться мнениями по самым различным аспектам двусторонних отношений.

Если говорить о характере выступлений и дискуссий на конференции, то, несмотря на различный подход к отдельным вопросам, они носили в целом конструктивный характер и дали возможность найти ряд новых моментов и путей, позволяющих при желании обеих сторон уже сегодня приступить к процессу оздоровления советско-японских отношений в различных областях, предпринять совместные действия по укреплению мира в Азии и на Дальнем Востоке.

Важнейшим результатом работы III конференции «Круглого стола» мы считаем совместное коммюнике по итогам ее работы, единодушно принятое всеми участниками этого форума. В нем говорится: «...участники III конференции «Круглого стола» считают, что для со-

ветского и японского народов, как и для всех людей планеты, нет сегодня более важной задачи, чем отстоять мир. Самым надежным путем к этому является ограничение и сокращение вооружений вплоть до их полной ликвидации. Мы выступаем за достижение полного и всеобщего запрещения ядерного, нейтронного, химического и всех других видов оружия массового уничтожения.

Участники конференции выступают также за то, чтобы в Азии были активизированы усилия в поисках путей утверждения в межгосударственных отношениях принципов мирного сосуществования, в особенности усилия по распространению мер доверия на Дальнем Востоке, по заключению конвенции об укреплении гарантий безопасности неядерных государств, а также соглашений о неразмещении ядерного оружия на территории тех государств, где его нет в настоящее время.

Участники конференции констатируют, что развитие и укрепление советско-японских связей полезно во всех отношениях для обеих стран и одновременно является неотъемлемым элементом упрочения мира и безопасности в Азии и во всем мире.

Участники конференции пришли к выводу, что необходимо прилагать усилия, чтобы не допустить снижения достигнутого уровня отношений между Советским Союзом и Японией, и стремиться сокращать сферу разногласий между двумя странами.

По некоторым вопросам, связанным с поисками путей упрочения советско-японских отношений, на конференции высказывались разные точки зрения. Вместе с тем участники встречи считают, что для развития советско-японских отношений важное значение имеет подведение под них прочной договорной базы. Они призывают правительства обеих стран незамедлительно приступить к обсуждению документа, который закрепил бы общепризнанные в международной практике принципы отношений между странами с различными социальными системами и облегчил бы дальнейшее продвижение двух стран к заключению мирного договора, и решили обратиться также к советской и японской общественности с призывом не жалеть усилий для развития отношений между СССР и Японией в духе дружбы и сотрудничества.

Участники конференции решили всемерно содействовать созданию атмосферы доверия и доброжелательности между нашими странами путем дальнейшего развития связей и диалогов на всех уровнях, расширять и укреплять связи между общественными организациями обеих стран, прилагать все силы для расширения политических контактов, торгово-экономического сотрудничества, стремясь к заключению межправительственного долгосрочного соглашения в этой области, развития научно-технических, культурных, спортивных, туристических и других обменов и связей.

В особенности в экономической сфере участники конференции считают, что нужно отменить экономические санкции против СССР, которые были применены в условиях ухудшения международной обстановки за последнее время, так как эти санкции препятствуют развитию японо-советского экономического сотрудничества и идут вразрез с интересами народов обеих стран.

Участники, представляющие различные организации обеих стран, стремясь к дальнейшему сотрудничеству и расширению отношений между странами и признавая продолжение диалога между представителями различных слоев общественности полезным и продуктивным, договорились провести следующую конференцию «Круглого стола» в Москве и поручить соответствующим оргкомитетам обеих сторон договориться о конкретных сроках и формах ее проведения».

Не менее важны и совместно выработанные итоговые документы каждой из пяти комиссий.

Тревога советской и японской общественности за ход развития современной международной обстановки зафиксирована в итоговом документе 1-й комиссии конференции, в котором осуждаются концепции «ограниченной ядерной войны», «превентивного ядерного удара» и другие подобные идеи, попытки реализации которых немедленно ввергнут мир в катастрофу, приведут к уничтожению человечества. Участники дискуссии решительно заявили, что не гонка, а сокращение вооружения, не нагнетание напряженности, а разрядка и конкретные шаги, направленные на обеспечение безопасности народов, — вот единственный путь к сохранению цивилизации, обеспечению мирного неба для будущих поколений.

Дискуссия во 2-й комиссии привела к важному выводу о необходимости продолжить диалог между СССР и Японией на межправительственном уровне. Участники дискуссии призвали правительства обеих стран вывести советско-японские отношения из состояния застоя, которое резко противоречит жизненным интересам наших народов. Мы полностью одобряем подобную точку зрения и считаем, что путем переговоров, исключения таких явлений, как конфронтация и нагнетание недоверия между нашими странами, под советско-японские отношения должна быть подведена договорная база. По нашему мнению, в этом вопросе на конференции был сделан важный шаг.

Исходя из понимания важности и возрастающей роли экономического сотрудничества в общем контексте советско-японских отношений, как подчеркивалось в итоговом документе 3-й комиссии, стороны выразили обоюдное стремление активизировать взаимные усилия, направленные на его дальнейшее развитие на основе равенства, взаимной выгоды. Они констатировали, что обострение международной обстановки в последнее время, в частности проведение политики «экономических санкций» в отношении Советского Союза, мешает нормальному ходу развития взаимовыгодных торгово-экономических связей между Японией и СССР.

Учитывая взаимодополняющий характер двусторонних торгово-экономических связей и фактор географической близости, стороны выразили обоюдную готовность расширять масштабы связей, совершенствовать формы их осуществления и пришли к согласию в том, что необходимо добиваться реализации следующих мероприятий:

— заключения межправительственного соглашения о принципах экономического сотрудничества и выработки долгосрочной программы такого сотрудничества;

— решения вопроса о предоставлении японской стороной общих (несвязанных) банковских кредитов, что способствовало бы более широкому участию в торговле с Советским Союзом японских фирм, в частности мелких и средних;

— совместного расширения взаимного обмена товарами по линии прибрежной и кооперативной торговли;

— изыскания новых форм и методов двусторонних торгово-экономических отношений, в частности путем осуществления сотрудничества по небольшим проектам на компенсационной основе («мини-проекты»), производственной кооперации и др.;

— положительного решения организационных вопросов, способствующих развитию торгово-экономических связей, в частности открытия отделений Торгпредства СССР и представительства В/О «Дальинторг» в Японии и на основе взаимности расширения представительств японских фирм в СССР.

В ходе обмена мнениями и в итоговом документе комиссии дана позитивная оценка советско-японским отношениям в области рыбо-

ловства и выражено пожелание их дальнейшего развития на взаимовыгодных условиях, исходя из рационального использования биохимических ресурсов северо-западной части Тихого океана. Признано целесообразным продолжать сотрудничество по совместной заготовке морепродуктов.

Стороны единодушно осудили «экономические санкции» в отношении Советского Союза, препятствующие нормальному ходу торгово-экономических связей и установлению подлинно добрососедских отношений между обеими странами. Они подтвердили решимость прилагать усилия для устранения препятствий, стоящих на пути дальнейшего развития советско-японских торгово-экономических отношений, добиваться создания климата взаимопонимания и доверия. По отдельным конкретным вопросам, требующим специального изучения, было условлено консултации продолжить в рабочем порядке.

В 4-й комиссии, обсуждавшей вопросы расширения обменов между Японией и СССР в области культуры, науки, образования, обе стороны с удовлетворением констатировали, что советско-японские связи в указанных сферах в 1981—1982 гг. развивались успешно, несмотря на различные трудности, и вместе с тем высказались за необходимость приложить совместные усилия к активизации контактов в тех областях, в которых они еще недостаточны. В итоговом документе комиссии обе стороны отметили, что успешно осуществляется обмен студентами и стажерами между университетами и институтами, и согласились в том, что существуют еще большие возможности для дальнейшего расширения обменов научными работниками, студентами, научной информацией, для проведения научных симпозиумов и выставок.

Обе стороны признали, что существуют также большие возможности для активизации обменов между писателями, композиторами, художниками, а также книгоиздательствами, особенно в области издания литературы для детей. Участники дискуссии подчеркнули особую роль культурных связей в формировании духовного облика молодежи обеих стран, в ее нравственном и эстетическом обогащении. Тем более важно обмениваться образцами вечно живого классического наследия, подлинными ценностями современной культуры Японии и Советского Союза.

Участники 5-й комиссии обсуждали вопрос о значении средств массовой информации, спортивных связей, туризма, обществ дружбы, женских организаций, контактов в области религий для дальнейшего углубления взаимопонимания и развития дружеских отношений между СССР и Японией. Как отмечено в итоговом документе этой комиссии, от деятельности печати, телевидения и радио в значительной степени зависит прогресс в советско-японских политических, экономических, культурных и других связях. Участники дискуссий констатировали, что средства массовой информации имеют немалые возможности лучше освещать жизнь народов двух стран, взаимоотношения СССР и Японии, и призвали журналистов обеих стран не жалеть для этого усилий. По их мнению, необходимо дальнейшее расширение контактов между журналистами Советского Союза и Японии как по линии связей между Союзом журналистов СССР и Ассоциацией издателей и редакторов японских газет, так и по линии прямых контактов между различными органами массовой информации двух стран.

Участники конференции с удовлетворением отметили, что, несмотря на неучастие японских спортсменов в Московской Олимпиаде, спортивные связи между СССР и Японией сохраняются на высоком уровне. С обеих сторон было выражено стремление к дальнейшему расширению форм сотрудничества, в частности к организации обменов в области спортивной науки и медицины, а также к более широкому

использованию поездок спортивных делегаций для встреч с любителями спорта в целях установления лучшего взаимопонимания и дружбы. Были обсуждены также вопросы развития туризма между Японией и СССР, при этом подчеркивалось, что туризм является самой массовой формой общения людей и играет важную роль в укреплении взаимопонимания и доверия между народами. Были высказаны конкретные предложения по дальнейшему развитию туризма между странами. Стороны единодушно отметили, что активное и объективное освещение средствами массовой информации достопримечательностей СССР и Японии способствовало бы успешному развитию туризма.

Участники 5-й комиссии одобрительно встретили предложение японской стороны о желательности увеличения числа породненных городов СССР и Японии, а также домов дружбы, библиотек и пр. Они подчеркнули также важность проведения двусторонних советско-японских женских встреч, на которых было достигнуто единство взглядов по вопросам участия женщин в борьбе за мир, за разрядку международной напряженности, по вопросу о необходимости воспитания детей в духе мира, и поддержали идею продолжения таких встреч.

Было отмечено большое значение общения православных, иных христианских церквей и объединений, а также представителей других религий в СССР и Японии. На христианах, буддистах и синтоистах, на верующих других религий лежит определенная доля ответственности за решение проблем мира, безопасности народов, разоружения.

Подводя итоги работы III конференции «Круглого стола», можно с уверенностью сказать, что она явилась важным мероприятием на неправительственном уровне, проведенном на двусторонней основе, важным шагом на пути укрепления взаимопонимания и дружбы между народами СССР и Японии.

Конференция еще раз подчеркнула важную роль общественности в развитии международных отношений, в деле укрепления мира и обеспечения безопасности народов. Об этом свидетельствует и интерес к работе и итогам III конференции советских и японских средств массовой информации. Они широко освещали ход конференции, ее итоги, публикуя комментарии и статьи, посвященные этому форуму. Этот факт, а также решение участников III конференции продолжить практику подобных встреч говорят об их важности и необходимости на нынешнем этапе развития советско-японских отношений.

В интересах народов обеих стран

В дискуссиях, протекавших в ходе конференции «Круглого стола», в многочисленных встречах и беседах советских и японских участников этой представительной встречи не раз звучали призывы к дальнейшему улучшению двусторонних отношений. При этом как советские, так и японские участники диалога зачастую обращались к истории наших послевоенных контактов. Это и естественно, ведь чтобы наметить правильные ориентиры для дальнейшего поступательного движения вперед, необходимо оглянуться на пройденный путь, оценить, где и почему произошло отклонение прямого курса, ведущего к столь желанной для обеих сторон цели — миру и добрососедству на благо народов наших стран.

Четверть века, прошедшая со времени нормализации отношений между СССР и Японией, характеризовалась своего рода «приливами» и «отливами». Были периоды активного развития связей и контактов и, наоборот, периоды спада, топтания на месте. Пожалуй, наиболее плодотворными можно было бы назвать два первых десятилетия, прошедших со дня подписания 19 октября 1956 г. Совместной декларации

о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией. В этот период в советско-японских отношениях преобладали позитивные тенденции: был заключен ряд договоров и соглашений в области торговли, воздушного и морского сообщения, рыболовства. Было положено начало регулярным политическим консультациям. В 1966 г. состоялся первый обмен визитами между министрами иностранных дел СССР и Японии и была подписана в Токио Консульская конвенция, позволившая обеим странам открыть свои Генеральные консульства соответственно в Осака и Саппоро, в Ленинграде и Находке. Были установлены связи между Верховным Советом СССР и парламентом Японии, произошли обмены делегациями парламентариев. В 1973 г. в Японии была создана Парламентская ассоциация японо-советской дружбы; одновременно и при парламентской группе Верховного Совета СССР начала работу советско-японская секция.

В соответствии с духом Совместной декларации Советский Союз отказался от всех репарационных претензий к Японии. Более того, СССР согласился поддержать просьбу Японии о принятии ее в члены ООН. Тем самым перед Японией открылись широкие возможности для участия наравне с другими странами в решении международных проблем.

Важнейшим событием этого периода стала встреча на высшем уровне, состоявшаяся в октябре 1973 г. в Москве. Во время встречи руководители обоих государств с полным на то основанием выразили удовлетворение тем, как развивались советско-японские отношения со времени их нормализации, и уверенность в том, что «укрепление добрососедских дружественных отношений между СССР и Японией на основе принципов невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и равенства не только отвечает общим интересам народов обеих стран, но и является большим вкладом в дело мира и стабилизации на Дальнем Востоке и во всем мире».

Особенно далеко шагнули в тот период торгово-экономические связи, служащие той материальной основой, на которой строится здание двусторонних отношений. С 1966 г., когда между СССР и Японией стали заключаться долгосрочные соглашения о товарообороте и платежах, объем торговли между ними стал удваиваться каждые пять лет. Положено хорошее начало сотрудничеству в освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Ряд генеральных соглашений, в том числе крупномасштабных сделок на компенсационной основе, принес обеим сторонам немалую пользу. Они способствовали развитию производительных сил восточных районов СССР и в то же время обеспечили Японию крупными заказами для ее промышленности, надежными поставками сырья.

Воплощены в жизнь уже два генеральных соглашения о разработке лесных ресурсов Дальнего Востока. Заключено третье подобное соглашение, ориентированное, в частности, на разработки гигантских лесных массивов, примыкающих к трассе БАМа. На компенсационной основе ведется разработка южнокутского угольного бассейна. Уже в ближайшее время японская индустрия сможет получить из Якутии первые партии высококачественных коксующихся и энергетических углей. Неплохие результаты дала разведка нефтяных и газовых месторождений на шельфе острова Сахалин. После завершения разведочных работ и разрешения других технических вопросов можно будет перейти к обустройству месторождений и поставке в Японию сахалинского газа и нефти.

Японо-советский и советско-японский комитеты по экономическому сотрудничеству уже обсуждали возможность совместной разработки мерных залежей Удокана, строительства горно-обогатительного комбината и металлургического завода на Дальнем Востоке. Не ме-

нее перспективными были и планы освоения асбестового месторождения «Молодежное».

Для устойчивого развития взаимовыгодных торгово-экономических отношений между СССР и Японией имеются объективные предпосылки. Прежде всего это географическая близость обеих стран, существенно влияющая на стоимость и сроки транспортных перевозок между ними. Немаловажным фактором является также возможность эффективной взаимодополняемости экономических структур. Японская экономика, как известно, испытывает огромную зависимость от импорта сырья и топлива, в то время как Сибирь может стать крупнейшим экспортером различных видов промышленного и энергетического сырья. С другой стороны, Советский Союз является вторым по значению рынком сбыта японских комплектных предприятий после районов Ближнего и Среднего Востока, в СССР поступает 60 % всего японского экспорта оборудования химической промышленности и около 50 % труб большого диаметра. Этим возможности японо-советской торговли далеко не исчерпываются: В то время как США и страны Западной Европы таможенными барьерами перекрывают доступ японским товарам на мировые рынки, Советский Союз выражает готовность и заинтересованность в значительном расширении экспортно-импортных операций с Японией.

Выгодность подобных контактов отчетливо понимают и многие представители деловых кругов Японии, не без основания полагаящие, что экспортные поставки японской продукции в СССР благотворно сказываются прежде всего на оживлении японской экономики. Так, контракт на поставку в Советский Союз в течение 1975—1977 гг. четырех установок по производству аммиака фирмами «Мицубиси буссан» и «Тоё инджиниринг» сравнивался японской прессой с «долгожданным дождем» примерно для 800 крупных, средних и мелких предприятий. Большое значение для восстановления конъюнктуры в черной металлургии имели экспортные контракты на поставку в СССР в 1976 г. 1478 тыс. т стальных труб и 1528 тыс. т различного вида проката на общую сумму 1062 млн. долл.

Однако с середины 70-х годов в советско-японских отношениях обозначились признаки спада. А на рубеже 80-х годов замораживание этих отношений обрело характер официального курса Токио.

В чем причина спада

Именно японская сторона объявила об ограничении политических контактов, затормозила переговоры о новых взаимовыгодных сделках в торгово-экономической области, уклонилась от подписания уже подготовленного соглашения о культурном сотрудничестве. Очевидным проявлением такого курса стал бойкот японской стороной Олимпийских игр, проводившихся в советской столице, что нанесло весьма ощутимый удар советско-японским контактам в области спорта. Принимаются попытки свернуть и транспортные связи между нашими странами.

Если в 70-х годах в Токио превозносили «дипломатию равных расстояний», то есть сбалансированное развитие внешних связей Японии с США, КНР и СССР, то в 80-х годах японские дипломаты стали делать упор на «солидарность западного лагеря», принадлежность к которому Япония, дескать, должна подтверждать делами. Нетрудно увидеть, что под воздействием внешних сил, а проще говоря, под нажимом Вашингтона поворот правящих кругов США от разрядки к конфронтации повлек за собой изменения и в подходе Японии к СССР.

При попустительстве, а затем и соучастии властей в Японии раз-

вернута пропаганда вражды к Советскому Союзу. В стране набирает силу провокационная кампания необоснованных территориальных притязаний к СССР (по поводу так называемых «северных территорий»), разжигание национализма и антикоммунизма. Совершенно очевидно, что такие акции, как демонстративная поездка премьер-министра для осмотра Курильских островов, имеют целью посеять неприязнь к СССР, разжечь реваншистские настроения, чтобы в угаре шовинизма осуществить милитаризацию страны, укрепить военно-политический союз Токио и Вашингтона.

Средства массовой информации Японии на все лады трубят об «угрозе с севера», используя при этом подброшенную Пентагоном информацию, изготовленные в ЦРУ схемы, диаграммы и прочие стратегические выкладки о балансе сил на Дальнем Востоке и в мире, призванные обосновать любые вымыслы. Все это настойчиво внушается обывателю, который в конце концов начинает поддаваться целенаправленной обработке.

Поощряя милитаристские амбиции японских генералов, Вашингтон все глубже втягивает Японию в орбиту своей стратегии на Дальнем Востоке, подталкивает ее к прямому участию в военных мероприятиях на Дальнем Востоке: например, к патрулированию на больших акваториях Тихого океана, милитаристскому партнерству с Южной Кореей в сфере поставок вооружений и военного строительства. Обсуждается план активного включения Японии в блокирование проливов, имеющих важное значение для торгово-экономических коммуникаций Советского Союза.

Остров Окинава стал важнейшим военным форпостом США на Тихом океане, а в последние годы превращен в базу «сил быстрого развертывания», имеющих целью вооруженное вмешательство в дела других государств. Недавно стало известно о намерении Пентагона оснастить корабль 7-го флота крылатыми ракетами с ядерными боеголовками. А ведь эти корабли базируются в японских портах. Если учесть многочисленные факты, свидетельствующие о том, что и ранее на территорию Японии ядерное оружие доставлялось неоднократно, то речь в конечном счете идет о нарушении трех неядерных принципов, провозглашенных в японской внешней политике.

Подобные действия Вашингтона направлены на то, чтобы автоматически превратить Японские острова в одну из потенциальных мишеней термоядерного конфликта и отвести тем самым угрозу возмездия от самих Соединенных Штатов.

Таким образом, под нажимом из США и не без согласия токийских руководителей Япония пристраивается в кильватер авантюристической политики Вашингтона. Пусть читатели простят мне подобное «морское» сравнение, но американским кораблем сейчас управляют люди, мало заботящиеся не только о правилах международного судоходства, но и о безопасности собственного судна. Авантюризм капитана может привести корабль на скалы. Там же могут оказаться и те, кто послушно следует за кормой корабля США. А очутившись в тяжелом положении, американцы вряд ли кинутся на помощь своим ведомым. Вспомним хотя бы трагедию «Ниссё-мару», ставшую «символом» японо-американского сотрудничества на современном этапе.

Преследуя далеко не бескорыстные цели, а именно стремясь осложнить экономическое положение своего дальневосточного союзника и конкурента и тем самым потеснить его на мировых рынках, американская администрация настояла на том, чтобы Япония примкнула к экономическим «санкциям» Вашингтона против Советского Союза. В результате развитие торгово-экономических отношений Японии с СССР заметно затормозилось, в частности были созданы искусственные трудности в кредитовании торговли с Советским Союзом, в то

время как около 60 % японского экспорта в СССР составляют товары, требующие кредитного обеспечения из средств Экспортно-импортного банка Японии.

Как показала практика, эффект этих мер оказался прямо противоположным ожидаемому. От введения экономических «санкций» пострадали прежде всего японские предприниматели (что, впрочем, весьма устроило их конкурентов из США). Япония потеряла заказы на поставки целых заводов по производству полиэтилена и уксусной кислоты, переданные Советским Союзом английским фирмам, на химический комплекс стоимостью 800 млн. долл., уступленный итальянцам, на оборудование по производству буровых установок стоимостью около 180 млн. долл. — в пользу французских фирм. По далеко не полным подсчетам, потери японских предпринимателей вследствие подобной политики превысили 5 млрд. долл.

В результате Япония оказалась отброшенной со второго на пятое место в списке торговых партнеров СССР среди капиталистических стран. И дело этим не ограничилось. Японские предприниматели такими действиями в значительной степени подорвали свой авторитет на советском рынке.

Есть ли выход из тупика?

Еще раз хочу подчеркнуть, что вина за срыв договоренностей 1973 г., предусматривающих взаимные усилия по дальнейшему улучшению советско-японских отношений, лежит на японской стороне. Советский Союз никогда не предпринимал ни единого шага в сторону дестабилизации советско-японского добрососедства, свертывания сотрудничества. Напротив, в активе советской стороны немало конкретных акций и инициатив, направленных на совершенствование связей, на упрочение мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Возьмем, к примеру, последние месяцы.

Международная пресса охарактеризовала этот период как «беспрецедентное советское мирное наступление на Японию». Действительно, впервые за послевоенные годы руководители КПСС и Советского правительства буквально в течение считанных недель неоднократно обращались к Японии с миролюбивыми предложениями.

Конкретизируя предложение о введении мер доверия на Дальнем Востоке, прозвучавшее с трибуны XXVI съезда советских коммунистов, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в марте с. г. предложил всем заинтересованным странам обсудить вопрос о распространении мер доверия на акватории морей и океанов. Бесспорно, подобная инициатива должна представлять особый интерес для Японии, стремящейся обеспечить безопасность своего морского транспорта. По сообщениям печати, японские лидеры уже неоднократно высказывали опасения в связи с тем, что пути снабжения этой страны энергетическими и другими видами промышленного сырья проходят по акваториям, которые могут быть охвачены огнем любого военного конфликта, если он вспыхнет в северо-западной части Тихого океана или в Индийском океане. Подобная же угроза может возникнуть и над экспортными перевозками из Японии. Другими словами, только безопасность морских путей может обеспечить безопасность самой Японии.

Судя по всему, японские лидеры отдают себе отчет в этом, ибо темой последней политической дискуссии в Японии стал вопрос о том, на сколько сот миль от японских берегов должна распространяться сфера охраны морских коммуникаций силами японских военных кораблей и самолетов. Миллиарды иен выделяются на укрепле-

ние «сил самообороны» Японии. (Оставим в данном случае в стороне вопрос о правомерности и законности подобных действий, несомненно идущих вразрез с Конституцией Японии, действий, вызывающих вполне обоснованную настороженность соседних стран, еще не забывших попыток создания «Великой сферы сопроцветания» в Восточной Азии. В конечном счете только сам японский народ вправе решать, быть или не быть мирной Японией.) Но не разумнее ли искать возможность обеспечения безопасности страны не на скользкой дорожке гонки вооружений, а дипломатическими путями? Ведь Советский Союз, о чем свидетельствует заявление Л. И. Брежнева, готов серьезно и ответственно за столом переговоров внести свою лепту в решение столь жизненной для Японии проблемы.

С моей точки зрения, не меньший интерес в Японии должно вызвать другое предложение советского лидера: обсудить взаимные опасения и тревоги и договориться о приемлемых для обеих сторон мерах по укреплению доверия если не на коллективной, то хотя бы на двусторонней основе. Даже самый подозрительный человек вряд ли сможет отыскать в подобной инициативе попытку навязать Японии какую-либо договоренность, ущемляющую ее суверенитет, хоть какой-то намек на неравноправность подобной договоренности для японского народа.

Как непосредственное воплощение советских инициатив об установлении мер доверия в отношениях между нашими странами следует рассматривать и готовность Советского Союза предоставить Японии, как, впрочем, и любой другой неядерной стране, гарантии неприменения против нее ядерного оружия в случае, если эта страна откажется от производства и приобретения такого оружия и не будет иметь его на своей территории. Нужно ли пояснять, что в обмен на такую гарантию Советский Союз не требует от Японии никаких политических или экономических уступок. Речь идет только о соблюдении Японией ею же самой выработанных неядерных принципов. О том, что это предложение, вновь прозвучавшее в ответе Л. И. Брежнева японским писателям, выступившим против ядерной войны, полностью учитывает интересы японского народа, свидетельствуют многочисленные выступления японской общественности против ядерной угрозы, за превращение Японии в безъядерную зону.

Соответствующие договоренности о введении мер доверия могли бы раз и навсегда перечеркнуть затасканный антисоветчиками всех мастей миф о «советской военной угрозе Японии», что самым благотворным образом сказалось бы на разрядке напряженности на Дальнем Востоке. Это могло бы стать отправной точкой в процессе улучшения взаимоотношений между нашими странами. Многочисленные встречи и беседы, проходившие в рамках III конференции «Круглого стола», показали, что не только советские, но и многие японские участники дискуссий разделяют подобную точку зрения.

Когда меня спрашивали, как мне видится выход из тупика, в который зашли ныне советско-японские отношения, я отвечал, что нужно без всяких проволочек сесть за стол переговоров и, откинув в сторону вопросы, уже решенные историей, обсудить трезво и непредвзято наиболее важные вопросы. Мы отчетливо понимаем, что японская сторона сейчас не готова к радикальной смене ориентиров в отношениях с СССР. Что ж, Советский Союз готов и на более длительный и трудоемкий процесс: медленно, но верно двигаться к намеченной цели — достижению истинного добрососедства и мира на Дальнем Востоке, отбрасывая в сторону все, что нас разъединяло, закрепляя все доброе и полезное для обеих сторон. В этом контексте было бы целесообразно вновь вернуться к советской инициативе о заключении между нашими странами Договора о добрососедстве и сотрудничестве, о чем

напомнил в феврале с. г. в интервью газете «Асахи» Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов. Этот договор, отнюдь не снимая вопроса о заключении в будущем мирного договора, смог бы закрепить весь положительный опыт, накопленный в ходе послевоенных советско-японских контактов, уберечь их от попыток противников нашей дружбы вбить клинья недоверия и розни между нашими народами.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что Советский Союз прочно удерживает инициативу в ведении миролюбивых переговоров с Японией. Но мы отнюдь не добиваемся монополии в этом вопросе. Советская сторона приветствовала бы любые конструктивные предложения и с японской стороны. Мы за диалог, за реалистический и конструктивный подход к двусторонним и международным проблемам. В этом мы и видим выход из создавшегося тупика, светлую перспективу в советско-японских отношениях.

Острые социальные проблемы Японии

Т. В. Карягина

Кризис 1974—1975 гг., обусловивший значительное замедление темпов экономического роста, положил начало новому этапу в развитии японской экономики, — этапу так называемой реиндустриализации, выражающейся в переходе на принципиально новую технологию и в модернизации структуры экономики с упором на развитие капиталоемких, энерго- и трудосберегающих отраслей хозяйства. Это, естественно, не может не вести к серьезным изменениям во всех областях социально-экономического развития современного японского общества, в том числе и в отношениях между трудом и капиталом.

Важное место в общей системе взаимоотношений труда и капитала занимает регулирование рынка наемного труда, то есть политика государства и монополий в области занятости. Сегодня, в новых условиях экономического развития Японии, значение этой политики непрерывно возрастает. Это обусловлено целым рядом причин, в том числе снижением темпов экономического роста, увеличением армии безработных, прогрессирующим процессом старения рабочей силы, серьезными сдвигами в структуре, техническом оснащении и технологии производства, усилением использования промышленных роботов (100 тысяч штук в начале 1982 г.), все большим втягиванием в производственный процесс женской рабочей силы и пр.

Система наемного труда, которая действует на большинстве японских предприятий, особенно крупных и крупнейших, оказывает существенное влияние на политику государства и монополий в рассматриваемой области. В основе сложившейся в стране специфически японской системы использования рабочей силы лежат три главных принципа: так называемый «пожизненный» наем (*сюсин коё*), особая система заработной платы (*нэнко тингин*) и пофирменная организация профсоюзов (*кигёбэцу кумнай*).

Эти три составных элемента японской системы наемного труда, особенно эффективно действовавшие в период высоких темпов экономического развития, с середины 50-х до начала 70-х годов, предприниматели называют «тремя столпами» японской экономики, «тремя священными дарами» японских производственных отношений, поскольку они обеспечивают необычную для других высокоразвитых капиталистических стран преданность рабочих «своему» предприятию, сравнительно мирный характер отношений труда и капитала и, что самое главное, высокую производительность труда. Поэтому государство и монополии стремятся во что бы то ни стало сохранить все эти элементы, с тем чтобы использовать их для дальнейшего усиления эксплуатации наемного труда. Однако в изменившейся экономической обстановке, и в частности в условиях резкого замедления темпов роста японской экономики, действие вышеуказанных факторов начинает давать все более заметные сбои.

Так, согласно японской системе «пожизненного» найма, предприниматель, выступающий в роли «отца своих детей-рабочих», должен, после того как они поступили на предприятие, обеспечить их работой вплоть до добровольного ухода на пенсию, то есть на протяжении всего периода их трудоспособности.

Анализ японской практики найма в ее развитии говорит о том, что этот принцип действовал безотказно лишь при высоких темпах экономического роста, когда предприниматели, чтобы привязать рабочих к «своему» предприятию, ежегодно могли повышать им зарплату в соответствии со стажем их работы. Предприниматели шли на это, хотя труд таких работников не приносил той выгоды, какую они могли бы получить от эксплуатации более образованных и лучше подготовленных в техническом отношении молодых рабочих. Небывало высокие прибыли японских компаний давали им возможность проводить подобную политику.

Сегодня, в условиях существенного замедления темпов экономического роста, даже самые привилегированные работники, а именно постоянные рабочие крупных и крупнейших предприятий, вынуждены покидать компанию, так как на многих предприятиях существует так называемая система предельного возраста пребывания на работе (тэйэн сэйдо). Этот возраст примерно на десять лет ниже того, в котором работники окончательно оставляют работу по собственному желанию.

Неотъемлемой частью системы «пожизненного» найма является особая система заработной платы — так называемая «нэнко тингин сэйдо». Согласно этой системе, основными параметрами при определении ставки заработной платы являются возраст и стаж работы на данном предприятии. При этом зарплата ежегодно автоматически повышается. Однако при быстром развитии НТР, ведущей к усложнению техники и требующей не столько пожилых и опытных, сколько молодых и более грамотных в техническом отношении работников, эта система экономически становится все более невыгодной предпринимателям. Она вынуждает предпринимателей ежегодно увеличивать фонд заработной платы для все более пожилой и все менее производительной рабочей силы. С другой стороны, социально-политический аспект системы нэнко по-прежнему привлекает государство и монополию, так как она привязывает работников к предприятию и тем самым снижает вероятность возникновения трудовых конфликтов. Поэтому как государство, так и монополии усиленно ищут пути модификации этой системы. Практически «модификация» сводится к тому, чтобы по возможности сохранить социально-политический аспект системы и ликвидировать ее основной экономический принцип — ежегодное автоматическое повышение заработной платы. Ярким примером такой «модификации» может служить опыт компании «Син ниппон сэйтэцу» и других крупных сталелитейных компаний, которые установили, что с апреля 1981 г. базисная ставка заработной платы рабочих в возрасте старше 50 лет будет увеличиваться, как и прежде. Однако темп прироста той ее части, которая зависит от стажа работы, будет снижен на 30%. Соотношение таких составных частей базисной ставки заработной платы, как выплаты за стаж работы на данной фирме и выплаты за проделанную работу (качество, объем и пр.), которое сейчас составляет 6:4, в последующие годы должно постепенно изменяться, пока не достигнет 5:5. Что касается поточного производства, то начальникам цехов и мастерам по достижении 55 лет будет предложено оставить занимаемые должности в пользу молодых рабочих. В принципе они могут остаться на своем рабочем месте, но с соответствующим понижением ставки заработной платы. Аналогичные предложения освободить занимаемый пост в пользу более молодых кадров могут быть сделаны и управляющим среднего и низшего звеньев (служащим и инженерно-производственным работникам). При выпла-

те выходных пособий меньшее значение будет иметь стаж работы в данной фирме. Для того чтобы поощрить уход из компании пожилых работников до достижения ими предельного возраста пребывания на работе (после 50 лет), им будут предоставляться определенные льготы¹.

Большие надежды государство и монополии возлагали и возлагают на специфически японский принцип организации профсоюзов: «на каждом предприятии — свой профсоюз». Считая, что существование в стране таких внутрифирменных профсоюзов, объединяющих всех постоянных работников данной компании независимо от их профессионального состава, обуславливает согласие их членов с политикой предпринимателей, они пытаются доказать наличие «классового мира», «затухание классовых противоречий» в современном японском обществе.

Однако подобные утверждения далеки от действительности. Несмотря на то что пофирменная структура японских профсоюзов в отличие от общепрофессионального принципа организации профсоюзов, характерного для США и стран Западной Европы, значительно затрудняет широкие единые действия их членов, послевоенное профсоюзное движение Японии, и в частности его левое крыло, решительно отвергает сотрудничество с капиталом и выступает в защиту классовых интересов трудящихся. Об этом свидетельствуют данные о забастовочной борьбе японских трудящихся, главной силой которой являются профсоюзы. Так, согласно официальным данным, в 70-е годы по сравнению с предыдущим десятилетием общее число забастовок увеличилось более чем в 2,6 раза, а число их участников — почти в 1,6 раза. При этом число серьезных забастовок (продолжительностью более 12 часов) возросло почти вдвое, а их участников — в 1,3 раза. В общей сложности за 1970—1979 гг. в Японии было зарегистрировано 61 853 забастовки, в том числе 26 315 продолжительностью более 12 часов каждая. Число их участников составило соответственно 33 877 тыс. и 16 906 тыс. человек².

Это свидетельствует о том, что в новых условиях экономического развития Японии три указанных принципа японской системы трудовых отношений переживают серьезный кризис. Положение усугубляется тем, что существующая система занятости в последнее время порождает новые серьезные проблемы. Важнейшая из них — быстрое старение рабочей силы.

Международные сравнительные данные говорят о том, что Япония занимает одно из первых мест в мире по темпам старения населения. Согласно прогнозам, к 1985 г. лица старше 40 лет составят 40,5 %, а старше 55 лет — 19,8 % всего трудоспособного населения страны. К 1995 г. эти показатели возрастут соответственно до 46 и 24,3%³. В результате уже в ближайшие годы заметно постареет рабочая сила. Развитие этого процесса, естественно, требует принятия мер как от государства, так и от монополий.

В этих условиях все больше японских компаний прибегает прежде всего к вынужденному продлению предельного возраста пребывания на работе (тэйнэн энтё). За 12 лет (1968—1980) доля компаний, продливших предельный возраст пребывания на работе от 55 до 60 лет, существенно увеличилась. Так, в начале 1980 г. удельный вес компаний, установивших возрастной лимит в 60 лет и старше, составил 39,7 % всех компаний, что превысило число тех компаний, которые установили его на уровне 55 лет (39,5 %). На начало 1968 г. аналогичные показатели составляли соответственно 22,1 и 63,2 %⁴.

¹ In: «Japan Labor Bulletin», December 1, 1980, p. 9.

² Подсчитано по: Кацуё родо токэй (Статистика по вопросам труда для практического использования). Токио, 1981, с. 151.

³ См.: Кацуё родо токэй, с. 122.

⁴ In: «Japan Labor Bulletin», December 1, 1980, p. 7.

В то же время многие компании разработали специальные программы продления срока найма (кимму энтё) и программы повторного найма (сайкоё). Повторный найм означает, что предприниматель может вторично нанять рабочих, только что ушедших из компании по достижении предельного возраста пребывания на работе. Программы продления срока найма позволяют работникам, в частности наиболее ценным для предприятия категориям трудящихся, продолжать работать в той же компании и по достижении ими предельного возраста пребывания на работе.

Указанные программы используются главным образом теми компаниями, которые устанавливают предельный возраст пребывания на работе в 59 лет и меньше и в основном выполняют роль стабилизаторов занятости рабочих пожилого возраста. В 1978 г. 79 % компаний, где действует система предельного возраста пребывания на работе (77,3 % всех японских компаний), использовали тот или иной вид программ. Из них 58,6 % практиковали только программы повторного найма, 26,4 % — только программы продления срока найма и 15 % применяли оба их вида⁵. Содержание этих программ существенно различается. Система повторного найма подразумевает, в частности, что рабочие, принятые вторично, согласны работать на худших условиях, чем до достижения ими предельного возраста пребывания на работе. При продлении срока найма условия труда остаются практически без изменений. Примечательно, что около 80 % лиц, достигающих предельного возраста пребывания на работе, продолжают свою трудовую деятельность, хотя большинство компаний (почти 80 %) постепенно перестает ежегодно увеличивать им заработную плату, а 10 % компаний при продлении срока найма даже сокращают ставки заработной платы этой категории работников⁶.

Решение проблемы старения рабочей силы, как и всей проблемы занятости, наталкивается на серьезные трудности. Государство и монополии усиленно ищут выход из создавшегося и непрерывно усугубляющегося положения. С 1974 г., то есть еще в разгар экономического кризиса, в основу экономической политики государства и монополий был положен так называемый принцип управления на основе ограничений, что предполагает особый режим экономики сырьевых, энергетических и трудовых ресурсов. Это выразилось в переходе к политике регулирования занятости (коё тёсэй), которая явилась новой ступенью в процессе регулирования рынка рабочей силы и породила новые методы сокращения издержек на ее воспроизводство. Эти методы существенно отличаются от тех, которые применялись прежде, а именно от основных методов капиталистической «рационализации» — прямых увольнений рабочих или перевода их на неполный рабочий день.

Чтобы свести к минимуму случаи прямых увольнений и нежелательные последствия увеличения армии безработных, компании в ходе «регулирования занятости» используют различные альтернативные способы снижения издержек на наемный труд: сокращение сверхурочных часов работы; прекращение или сокращение найма новых постоянных работников; перевод работников на другие нижеоплачиваемые работы внутри фирмы, часто требующие совершенно иной квалификации; распределение прежнего объема работы между большим числом работников, реорганизацию компаний, включая закрытие старых или создание новых видов производства, откомандирование работников на дочерние предприятия на более худших условиях труда, отказ от возобновления трудовых договоров с временными и сезонными работниками, предоставление принудительных отпусков постоянным работникам, требова-

⁵ См.: Родо токэй ёран (Обзор статистики по вопросам труда). Токио, 1980, с. 64.

⁶ Ип: «Japan Labor Bulletin», October 1, 1980, p. 6.

ние от работников добровольного выхода в отставку до достижения предельного возраста пребывания на работе; завуалированные увольнения и др.

Во время кризиса 1974—1975 гг. доля компаний, использовавших те или иные средства «регулирования занятости», имела постоянную тенденцию к росту и весной 1975 г. достигла наивысшего уровня, после чего стала снижаться. Так, в первом квартале 1975 г. доля предприятий в отраслях обрабатывающей промышленности, прибегавших к «регулированию занятости» рабочей силы, составила около 75 % всех предприятий. Затем, по мере улучшения общеэкономической конъюнктуры в 1977—1978 гг., эта доля постепенно снижалась и достигла 30 %. К весне 1979 г. она сократилась еще больше, а в третьем квартале 1980 г. упала до 14 %⁷. Что касается сферы оптовой и розничной торговли, то в ней масштабы «регулирования занятости» были значительно меньше. Так, в первом квартале 1975 г. соответствующий показатель равнялся только 37 %⁸.

К различным средствам «регулирования занятости» в большей степени прибегали крупные предприятия. Так, например, в первом квартале 1975 г. среди предприятий с числом занятых 30—99 человек «регулирование занятости» осуществляли 53 % предприятий, а для предприятий с числом занятых 100 человек и более этот показатель составлял 85 %⁹. При этом крупные компании прибегали в основном к сокращению сверхурочного времени, уменьшению найма новой рабочей силы, переводу работников на другие работы внутри компании и в ее отделения, отказу от заполнения вакантных мест и т. д. Другими словами, они стремились по возможности избежать прямых увольнений, используя в качестве «отдушины» свои филиалы и связи с другими компаниями, чего в большинстве случаев не могли себе позволить мелкие и средние предприятия. Последние, помимо уже перечисленных методов «регулирования занятости», основной упор делали на проведение селективных увольнений, на досрочный уход с работы «по собственному желанию», на увольнение временных работников и т. п., что в значительной степени объясняется отсутствием либо слабостью и разобщенностью профсоюзов мелких компаний. Осуществление этой политики показало, что такой способ «регулирования», как перевод работников на работу в филиалы, имеет наиболее распространенный и долговременный характер по сравнению с другими методами сокращения издержек на рабочую силу.

До 1973 г., то есть до первого нефтяного кризиса, в Японии фактически не существовало каких-либо согласованных между предпринимателями и профсоюзами формальных правил сокращения рабочей силы в связи с падением производства. В то же время японские предприниматели вынуждены были идти на снижение уровня занятости. Так, с марта 1974 по март 1978 г. 1053 крупнейшие компании отраслей обрабатывающей промышленности сократили уровень занятости на 10,4 % и лишили работы 323 тыс. человек. Например, такие компании, как «Хитати», «Канэбо», «Мацусита» и «Тосиба», за этот период сократили число занятых соответственно на 15,4 тыс., 13,4 тыс., 12,2 тыс. и 11,6 тыс. человек¹⁰. При этом в процессе «регулирования занятости» государство и предприниматели, особенно крупных компаний, сумели изыскать более или менее осуществимые и приемлемые как для предпринимателей, так и для профсоюзов пути и средства сокращения числа занятых. Это свидетельствует о способности японского капитала к социальному манев-

⁷ См.: Хидэо Сэки. Антэй сэйтэки-но коё сэйсаку. (Политика в области занятости в период стабильных темпов экономического роста). Токио, 1981, с. 74.

⁸ См. там же, с. 76.

⁹ См. там же, с. 75.

¹⁰ In: ILO. Japan Seminar on Labor Market Information. September 24, 1980, p. 31.

рированию, к созданию иллюзии существования «общих интересов» у предпринимателей и трудящихся, «возможности решения» классовых противоречий путем «согласованных действий» труда и капитала.

Многие японские и зарубежные экономисты сходятся во мнении о том, что японская система занятости, несмотря на значительное сокращение спроса на рабочую силу в период экономического спада, весьма гибко реагировала на введение «режима экономии», значительно более гибко, чем в странах Западной Европы и США. В то время как уровень занятости в этих странах бурно реагировал на падение производства, в Японии сокращение занятости происходило постепенно и сравнительно умеренными темпами.

Прогрессирующий процесс старения рабочей силы и политика «регуляции занятости», объектами которой являются прежде всего пожилые работники, привели к тому, что одной из неотложных задач государства и монополий стало обеспечение и стабилизация занятости лиц среднего и пожилого возраста. Как указывалось выше, это имело своим прямым результатом продление предельного возраста пребывания на работе, осуществление программ повторного найма и продления срока найма. Одновременно с этим государство и монополии вынуждены были улучшить организацию профессиональной подготовки и переподготовки пожилых работников.

Еще в 1971 г. был принят Закон о специальных мерах по обеспечению занятости лиц среднего и пожилого возраста (Тюко энрэйся надон коё сокусин-ни кансүру токубэцу соти хо). Он установил минимальный уровень занятости пожилых рабочих, которого должны были придерживаться все частные предприятия страны. В 1976 г. при пересмотре этого закона квота пожилых рабочих в возрасте 55 лет и старше, которых частные предприятия обязаны иметь в своем штате, была увеличена — установлена на уровне не менее 6 % всей занятой на них рабочей силы. Принимая этот закон, правительство преследовало ряд целей, в том числе обеспечение и поддержание спроса на рабочую силу среднего и пожилого возраста, стабилизацию занятости лиц этой возрастной категории, содействие их самостоятельным усилиям по устройству на работу, изменение положения, при котором существует явная диспропорция в распределении между предприятиями рабочей силы среднего и пожилого возраста, и т. д.

Ежегодно 1 июня все предприятия с числом занятых 100 человек и более обязаны представлять в министерство труда отчет об уровне занятости на них лиц в возрасте 55 лет и старше. В результате этого в последние годы произошел определенный сдвиг в решении проблемы обеспечения занятости лиц среднего и пожилого возраста. Так, средний по стране показатель фактического уровня занятости пожилых работников увеличился с 5,8 % в 1979 г. до 6,2 % в 1980 г. Однако доля предприятий, которые не придерживаются установленной законом квоты, все еще велика. В 1979 г. она составила 53,9 %, а в 1980 г. — 51,8 % всех предприятий¹¹.

Характерно, что чем крупнее предприятие, тем менее охотно его администрация придерживается установленного законом шестипроцентного уровня использования пожилых работников. Так, в 1980 г. более половины (54,3 %) предприятий с числом занятых от 100 до 299 человек придерживались установленной квоты, а среди предприятий с числом занятых 1000 человек и более этот показатель составлял менее одной трети (22,5)¹². Если рассматривать это по отраслям хозяйства, то лидерами здесь являются сфера обслуживания и строительство — там уровень занятости работников среднего и пожилого возраста составляет

¹¹ См.: Хидэо Сэки. Антэй сэйтэки-но коё сэйсаку, с. 240.

¹² См. там же.

соответственно 13,2 и 10,4 % всей занятой рабочей силы. В оптовой и розничной торговле, а также в отраслях обрабатывающей промышленности этот показатель находится на уровне ниже установленного законом.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что введение Закона о специальных мерах по обеспечению занятости лиц среднего и пожилого возраста не решило полностью проблему занятости работников этой возрастной категории. Поэтому наряду с мерами по дальнейшему увеличению числа крупных предприятий, придерживающихся шестипроцентного уровня занятости пожилых работников, и увеличению соответствующего показателя на предприятиях оптовой, розничной торговли и обрабатывающей промышленности правительство вынуждено принимать и другие меры: например, содействовать пожилым работникам в выборе профессий, соответствующих их физическим возможностям, помогать им в устройстве на работу, побуждать компании, устанавливающие предельный возраст пребывания на работе 60 лет и меньше, к повторному найму работников, которые достигли предельного возраста пребывания на работе, к продлению последнего и др.

Учитывая тот факт, что большинство компаний все еще устанавливает возрастной лимит меньше 60 лет, с 1978 г. министерство труда Японии издало специальный циркуляр, положения которого распространяются как на предпринимателей, так и на наемных работников. В соответствии с этим циркуляром предприниматели должны увеличить предельный возраст пребывания на работе сначала с 55 до 60 лет, а затем до 65 лет.

Предприятиям, которые приняли решение об увеличении границы предельного возраста пребывания на работе до 56 лет и более, а также предоставляют возможность продолжать работать лицам, уже достигшим предельного возраста пребывания на работе, государство выплачивает в качестве поощрения субсидии. Первоначально, с апреля 1976 г., эти субсидии предоставлялись только мелким и средним предприятиям, а с 1977 г. стали выплачиваться и крупным предприятиям. С июня 1979 г. вступила в действие система субсидий для предприятий, создающих новые рабочие места для лиц среднего и пожилого возраста.

Не менее важным объектом политики правительства и монополий в области занятости являются попытки решения вопроса о сокращении рабочего времени. Они преследуют цель, приблизив Японию к существующим мировым стандартам по средней продолжительности рабочего времени, увеличить таким образом число рабочих мест за счет сокращения рабочего времени и ликвидировать серьезный разрыв в показателях фактически отработанного рабочего времени в зависимости от размера предприятий, сократить время сверхурочных работ и т. д. Решением этих проблем правительство рассчитывает сократить безработицу в стране, достигшую сравнительно высокого уровня.

Время сверхурочных работ в Японии остается на высоком уровне — в среднем 13—15 час. в месяц, японские трудящиеся работают на 3—4 час. в неделю больше, чем рабочие других развитых капиталистических стран. В среднем в год они перерабатывают на 150—200 час. больше, чем рабочие США и стран Западной Европы. Решение проблемы сокращения сверхурочного времени работ, которое далеко не так просто, играет важную роль для поддержания и расширения занятости.

Для предпринимателей сверхурочные работы служат одним из средств производства абсолютной прибавочной стоимости, повышения степени эксплуатации рабочих. Как правило, для них оказывается выгоднее оплачивать сверхурочные работы, чем нанимать новую дополнительную рабочую силу. Вынужденные идти на сокращение сверхурочного времени, они рассчитывают возместить это путем повышения интен-

сивности и производительности труда рабочих. К тому же сверхурочные работы служат своего рода «смягчающим буфером» в периоды депрессии, когда путем их сокращения или полного прекращения компании могут во многих случаях обходиться без увольнения рабочих с предприятий.

Что касается трудящихся, то сокращение сверхурочных часов работы, с одной стороны, способствовало бы удовлетворению их интеллектуальных и социальных потребностей, выделению дополнительного времени для повышения образовательного уровня, профессиональной подготовки и переподготовки. Однако оно связано со значительным снижением их зарплаток и поэтому существенно ущемляет их интересы в условиях роста стоимости жизни и дороговизны. Доходы от сверхурочных работ занимают существенное место в общей сумме заработной платы рабочих, хотя они значительно ниже аналогичных цифр, которые выплачиваются в других промышленно развитых капиталистических странах.

Чрезвычайно серьезным препятствием на пути решения проблемы сокращения рабочего времени является такой специфический для Японии фактор, как существование резких различий в показателях фактически отработанного времени в зависимости от масштабов предприятия. Так, на предприятиях с числом занятых менее 100 человек средняя продолжительность рабочей недели в 1979 г. (исключая сверхурочное время) составляла 44 час. 59 мин., что на 5 час. 23 мин. больше, чем на предприятиях с числом занятых от 100 до 999 человек¹³. Таких резких амплитуд не существует ни в одной высокоразвитой капиталистической стране.

Таким образом, несмотря на сокращение средней продолжительности рабочего времени и распространение в той или иной форме практики пятидневной рабочей недели, Япония по этим показателям все еще не достигла уровня США и стран Западной Европы.

Особая важность дальнейшего сокращения рабочего времени и повсеместного введения пятидневной рабочей недели для решения общей проблемы занятости диктует необходимость учитывать эти факторы при составлении общегосударственных программ социально-экономического развития страны.

Так, в ныне действующем «Новом семилетнем плане экономического и социального развития на 1979/80—1985/86 финансовые годы» (принят в августе 1979 г.) в качестве одной из главных поставлена задача достижения «полной занятости» в течение планового периода. И «хотя достижение этой цели, — указывается в плане, — должно пониматься неоднозначно», полная занятость трактуется как «состояние, при котором предложение рабочей силы и спрос на нее находятся в полном равновесии и безработица, являющаяся следствием недостатка спроса на рабочую силу, фактически исключается»¹⁴. Решающим средством для достижения «полной занятости» при этом считается поддержание оптимальных темпов роста экономики. «Полной занятости» планируется достигнуть одновременно с обеспечением стабилизации цен в стране. Вместе с тем курс на одновременное решение обеих задач осложняется известной несовместимостью намеченных целей (так, если для достижения полной занятости требуется расширение совокупного спроса, то для ограничения роста цен, напротив, — сдерживание последнего), а также стоящей перед японской экономикой проблемой глубоких структурных сдвигов. В связи с этим в основу политики в области занятости и цен кладется поддержание оптимальных темпов экономического роста

¹³ In: «Japan Labor Bulletin», August 1, 1980, p. 5.

¹⁴ New Economic and Social Seven-Year Plan (Summary). Foreign Press Center, Japan, 1979, p. 13.

(призванных совместить между собой задачи достижения полной занятости и стабильности цен) и осуществления мер структурного характера.

Планом предусматривается также распространение в течение планового периода на государственных и частных предприятиях системы предельного возраста пребывания на работе до 60 лет. Кроме того, предусматриваются меры по фактическому увеличению срока занятости работников в возрасте 60—64 лет путем использования программ повторного найма и продления срока найма. Вместе с тем указывается на необходимость предпринимать усилия к сокращению продолжительности рабочего времени в целях поддержания и расширения занятости трудоспособного населения.

В соответствии с этим планом государство должно способствовать распространению на всех наемных работников пятидневной рабочей недели на тех предприятиях, где эта система уже частично действует, стимулировать переход на пятидневную рабочую неделю компаний, которые еще не перешли на эту систему, и распространить ее на всех государственных служащих и служащих банков и других финансовых учреждений. По данным на 1978 г., из 6 тыс. частных фирм, обследованных министерством труда, только 46 % перешли на пятидневную рабочую неделю. При этом полностью, то есть каждую неделю, ее применяли лишь 6 % обследованных компаний. Остальные компании использовали эту систему частично, в том числе 15 % — один раз в месяц, 13 % — дважды в месяц, 9 % — через неделю и 3 % — трижды в месяц¹⁵.

В соответствии с этой основной общегосударственной программой социально-экономического развития страны в августе того же 1979 г. был принят очередной «Четвертый базисный план мероприятий в области занятости», также рассчитанный на семилетний период времени.

Время покажет, насколько реальны все эти планы и в какой степени государству и монополиям удастся решить те проблемы в области занятости, которые стоят сейчас перед Японией и из года в год приобретают все большую остроту. Однако уже сегодня совершенно очевидно, что решение этих острых социально-экономических проблем, как всегда, осуществляется и будет осуществляться прежде всего в интересах монополий. Это вытекает из самого характера государственно-монополистической политики вообще и политики в области занятости в частности.

Государственно-монополистическая политика в области занятости как составная часть общегосударственного регулирования экономики развивалась и развивается в тесной взаимосвязи с необходимостью решения общеэкономических проблем японского капитализма. Начиная с середины 50-х годов эта политика все заметнее выдвигается в разряд важнейших общегосударственных задач. Повышенное внимание к проблеме занятости объясняется тем, что рынок труда всегда являлся и является сферой, где сконцентрированы основные противоречия капиталистической системы хозяйства. Для того чтобы приглушить источник социального недовольства, государство вынуждено в той или иной степени увязывать свою экономическую и социальную политику с регулированием рынка труда. Однако любая политика в области занятости, проводимая в условиях существования антагонистических классов, неизбежно носит классовый характер и используется в качестве социального маневрирования для приглушения острых классовых противоречий.

Экономический кризис середины 70-х годов, который привел к росту армии безработных, явился исходным пунктом для усиления государственно-монополистического регулирования рынка рабочей силы. Однако вместе с тем именно в этот период особенно отчетливо проявилась огра-

¹⁵ In: «Japan Labor Bulletin», August 1, 1980, p. 6.

ниченность традиционного механизма государственно-монополистической политики в области занятости. Попытки новых путей и средств контроля над рынком труда, осуществление так называемого «регулирования занятости» в условиях перехода к режиму экономии сырьевых, энергетических и трудовых ресурсов, а также в условиях несоответствия между высокими темпами старения рабочей силы и медленным решением связанных с этим процессом социально-экономических проблем не могли привести к кардинальному решению проблемы занятости и существенному сокращению уровня безработицы. Это объясняется тем, что попытки новых методов регулирования рынка рабочей силы игнорируют коренные причины слабой эффективности государственно-монополистических мероприятий в этой области. В условиях существования частной собственности государственное регулирование может осуществляться лишь в ограниченных пределах, поскольку нередко сталкивается с интересами монополий. В результате оно нацелено главным образом не на решение, а на смягчение экономических проблем, в том числе и проблемы занятости. Обострение последней, особенно с середины 70-х годов, и объясняет активизацию деятельности государства и монополий в этом направлении.

* * *

В настоящее время, в частности в связи с последствиями кризиса 1974—1975 гг., длительным экономическим застоем и переходом японской экономики к «стабильным» темпам роста, так называемые «три столпа» японской системы трудовых отношений, включая систему пожизненного найма, систему заработной платы и пофирменную организацию профсоюзов, переживают серьезный кризис. Это не может не вести к обострению проблемы занятости.

Положение в этой крайне важной области отношений труда и капитала непрерывно усугубляется в связи с появлением новых серьезных проблем. Самой острой из них является быстрый процесс старения рабочей силы. Медленное решение порожденных этим процессом социально-экономических задач создает новые серьезные трудности в развитии японской экономики.

С переходом Японии в середине 70-х годов к «управлению экономикой на основе ограничений» (гэнрё кэйэй), и в частности к «регулированию занятости», японские компании в целях сведения к минимуму прямых увольнений все шире применяют завуалированные методы снижения издержек на рабочую силу. Применение таких альтернативных методов, как сокращение сверхурочных работ, прекращение или резкое уменьшение найма новых работников, откомандирование их на дочерние предприятия, предоставление принудительных отпусков и т. п., направлено против интересов рабочего класса, так как в конечном счете означает не что иное, как косвенное увольнение «лишней» рабочей силы. В силу классового характера политики государства его усилия в области обеспечения занятости и решения сложных проблем урегулирования отношений между трудом и капиталом не могут привести к кардинальному решению все обостряющихся проблем в интересах трудящихся. На пути практического решения этих задач стоят серьезные трудности. Их корни уходят в узкоклассовые интересы японских монополий, стремящихся осуществить «урегулирование» за счет трудящихся так, чтобы при этом не снизилась степень эксплуатации рабочей силы.

Общегосударственные планы и программы монополий по «урегулированию» отношений «труд — капитал», по достижению так называемой «полной занятости» и «кардинальному решению» этой острой социально-экономической проблемы в значительной степени носят пропагандистский характер и преследуют цель отвлечь японских рабочих от классово-

вой борьбы. В силу классового характера современного японского общества, а следовательно, и классовой направленности государственно-монополистической политики регулирования рынка наемного труда они в лучшем случае могут увенчаться лишь некоторым ослаблением остроты стоящей проблемы, временным смягчением усиливающихся антагонистических противоречий между трудом и капиталом. Коренное решение проблемы занятости в интересах широких трудящихся масс возможно лишь в условиях общественной собственности на средства производства, в условиях социалистической системы хозяйства. Это, разумеется, не исключает необходимости борьбы рабочего класса капиталистических стран, в том числе и Японии, за такое решение проблемы занятости, которое в условиях капитализма в наибольшей степени отвечало бы интересам самых широких слоев трудового народа. Борьба японского пролетариата за такое решение проблемы не прекращается ни на минуту. Ее успех зависит прежде всего от сплоченности рядов самого передового и революционного класса современного японского общества.

Курсом мира и добрососедства

{V съезд КПВ о внешней политике страны}

М. П. Исаев

Состоявшийся в марте 1982 г. V съезд Коммунистической партии Вьетнама стал важной вехой в жизни братского вьетнамского народа, большим событием в международном коммунистическом и рабочем движении. Съезд мобилизовал коммунистов и народ Вьетнама на решение двух стратегических задач — на успешное строительство материально-технической базы социализма во Вьетнаме и укрепление национальной обороны СРВ во имя защиты революционных завоеваний трудящихся Вьетнама, наметил конкретные плановые задания в развитии народного хозяйства в годы третьей пятилетки (1981—1985).

V съезд КПВ продемонстрировал, что Компартия Вьетнама, используя общие закономерности научного социализма и опыт братских государств с учетом специфических особенностей своей страны, последовательно осуществляет революционно-преобразующую деятельность по строительству новой жизни. Съезд показал, что партия вьетнамских коммунистов стремится вдумчиво и творчески использовать имеющиеся в стране огромные возможности и вместе с тем самокритично подходить к оценке сделанного. Съезд вооружил вьетнамский народ четкой программой социалистического созидания и дал свидетельство тому, что трудящиеся Социалистической Республики Вьетнам полностью поддерживают эту программу, направленную на построение материально-технической базы социализма, подъем благосостояния трудящихся и укрепление обороноспособности страны.

На V съезде КПВ были сформулированы основные направления внешнеполитического курса СРВ на предстоящий период. Решения съезда подтвердили, что Вьетнам в едином ряду с СССР и другими социалистическими странами будет и далее вносить активный вклад в оздоровление международной обстановки, эффективно противодействовать враждебным для дела мира и безопасности народов акциям сил империализма и гегемонизма.

Вся внешнеполитическая деятельность КПВ на современном этапе нацелена прежде всего на обеспечение благоприятных мирных условий для быстрого восстановления и развития экономики, выполнения плановых заданий третьей пятилетки. В этом находит свое отражение тесное органическое единство внешне- и внутриполитического курса СРВ. Магистральные направления внешней политики Вьетнама законодательно закреплены в принятой 18 декабря 1980 г. Конституции СРВ: в статье 14 говорится, в частности, об укреплении Вьетнамом отношений братской дружбы и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, Лаосом, Кампучией на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

О растущем признании международным сообществом внешнеполитического курса СРВ свидетельствует то, что сейчас 110 государств ми-

ра поддерживают с Вьетнамом дипломатические отношения, а свыше 60 стран — торгово-экономические связи. СРВ — неотъемлемая часть мирового социалистического содружества, активный участник движения неприсоединения, авторитетный член Организации Объединенных Наций. В едином строю с народами соседних стран — Лаоса и Кампучии — Вьетнам превратился в надежный форпост мира и социализма в Юго-Восточной Азии.

Курс на дальнейшее укрепление и всестороннее развитие дружбы и сотрудничества СРВ с СССР и другими странами социалистического содружества остается стратегической линией КПВ и вьетнамского государства. В результате вступления СРВ в июне 1978 г. в члены Совета Экономической Взаимопомощи и заключения в период 1977—1980 гг. Договоров о дружбе и сотрудничестве с СССР, ГДР, ЧССР, МНР, НРБ отношения Вьетнама с Советским Союзом и братскими социалистическими странами поднялись на качественно новую ступень и ныне представляют собой многогранный комплекс разнообразных связей по партийной, государственной, торгово-экономической, научно-технической, культурной и иным линиям.

Годы второй пятилетки (1976—1980) и начало третьего пятилетия отмечены интенсивным развитием торгово-экономических связей Вьетнама с братскими странами, переводом этого сотрудничества на долгосрочную основу. На торговые связи с социалистическими странами приходится более двух третей товарооборота СРВ. Сейчас практически нет такой отрасли народного хозяйства СРВ, в которой братские страны не оказывали бы ей содействия. Эта помощь способствует преодолению тех трудностей, с которыми сегодня сталкивается Вьетнам в решении социально-экономических задач. Сотрудничество СРВ со странами СЭВ содействует углублению международного социалистического разделения труда, совершенствованию всей системы торгово-экономических связей Вьетнама со странами — членами СЭВ. Как указывалось в докладе товарища Ле Зуана на V съезде КПВ, Вьетнам вместе с братскими социалистическими странами будет и впредь прилагать усилия к тому, чтобы сотрудничество в рамках двусторонних договоров и соглашений успешно развивалось.

Характер братских отношений между СРВ и странами социалистического содружества особенно ясно виден на примере отношений между Вьетнамом и Советским Союзом. Сплоченность и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом, подчеркивалось на V съезде КПВ, были и являются краеугольным камнем внешней политики КПВ и вьетнамского государства. Сплоченность и сотрудничество с СССР рассматриваются КПВ как гарантия победы вьетнамского народа в защите родины и строительстве социализма, укрепления национальной независимости и позиций социализма на Индокитайском полуострове, как активный вклад в упрочение социалистического содружества, в усиление борьбы за мир и социализм во всем мире.

В докладе Ле Зуана на V съезде КПВ особо отмечалось, что Советский Союз, являясь самым могучим и надежным союзником Вьетнама, всегда решительно стоял на стороне вьетнамского народа, своевременно и щедро помогал ему в укреплении обороноспособности и защите родины. Советский Союз поставлял для вьетнамской экономики наиболее необходимые материалы, технику и товары, помог ему заложить основы материально-технической базы социализма. Расширяется сотрудничество с Советским Союзом и растет его помощь Вьетнаму в культурной, научной и технических областях, в подготовке кадров и квалифицированных рабочих, успешно развиваются внешнеторговые отношения между двумя странами¹.

¹ См.: «Нян зан», 28.III.1982.

Ныне СССР оказывает помощь Вьетнаму в развитии практически всех определяющих отраслей его народного хозяйства. На конец второй пятилетки Советский Союз оказал и продолжал оказывать техническое содействие СРВ в восстановлении, строительстве и реконструкции почти 270 народнохозяйственных объектов. В нынешней, третьей пятилетке СРВ наша страна продолжает оказывать содействие по 60 объектам и видам работ; кроме того, начато содействие еще по 40 новым объектам.

В 1981—1982 гг. был подписан ряд важных советско-вьетнамских документов, которые дали новый мощный импульс сотрудничеству СССР и СРВ в торгово-экономической и других областях. Так, в июле 1981 г. были подписаны протокол о результатах координации государственных планов двух стран на 1981—1985 гг., соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в текущей пятилетке, а также соглашение о товарообороте и платежах в 1981—1985 гг.

Советский Союз остается ведущим торговым партнером Вьетнама. В 1981 г. на долю СССР приходилось свыше половины внешнеторгового оборота СРВ.

Выполнение обязательств, предусмотренных советско-вьетнамскими документами, способствует планомерному развитию народного хозяйства и повышению эффективности производства в СРВ, более полному удовлетворению потребностей населения двух стран, создает хорошую основу для дальнейшего развития и совершенствования торгово-экономического и иного сотрудничества в текущем пятилетии.

Важное место в отношениях двух братских стран занимает состоявшаяся 31 мая 1982 г. в Кремле встреча Л. И. Брежнева с Ле Зуаном. Советский и вьетнамский руководители выразили обоюдное удовлетворение успешным ходом выполнения ранее достигнутых договоренностей о советско-вьетнамском сотрудничестве. Они подчеркнули целесообразность более тесной координации народнохозяйственных планов двух стран, повышения эффективности экономического сотрудничества, более полного использования резервов в этом важном деле.

Л. И. Брежнев и Ле Зуан, затронув вопросы международного положения, выразили горячую приверженность народов обеих стран делу мира, независимости и социального прогресса народов, стремление СССР и СРВ жить в мире и добрососедстве со всеми странами, развивать взаимовыгодное международное сотрудничество. В обеих странах решительно осуждают политику империализма и реакции, политику гонки вооружений, разжигания конфликтных ситуаций, отравления политического климата в мире. С советской стороны была выражена полная поддержка усилиям Вьетнама, Лаоса и Кампучии, направленным на урегулирование спорных вопросов в районе Юго-Восточной Азии путем переговоров. Советский Союз, подчеркнул Л. И. Брежнев, хотел бы скорейшего превращения Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности, что отвечает интересам не только народов этого района, но и всего мира².

Вьетнам заявляет о своей решимости и далее совершенствовать сотрудничество с СССР и другими странами социалистического содружества. Упрочение уз дружбы и расширение отношений сотрудничества с братскими социалистическими странами на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, указал в докладе на V съезде КПВ Ле Зуан, — это задача первостепенной важности в области внешней политики СРВ и вьетнамского государства.

В едином строю с Советским Союзом, другими странами социалистического содружества Вьетнам ведет последовательную борьбу за

² См.: «Правда», 1.VI.1982.

мир и разрядку международной напряженности. В материалах V съезда КПВ содержится тезис о том, что в 70-е годы международное революционное движение вступило в новый этап своего развития. Несмотря на неизбежные трудности в процессе движения вперед, силы социализма превосходят силы империализма и реакции. Опираясь на СССР, ускоряя свое развитие, социалистическое содружество служит решающим фактором в развитии человеческого общества, является надежным оплотом мира, мощной опорой в революционной борьбе народов мира.

Силы империализма и международной реакции, указал в докладе на V съезде КПВ Ле Зуан, сталкиваются с могучим наступлением трех революционных потоков современности, со стремлением и волей народов, вдохновленных миролюбивым ленинским внешнеполитическим курсом СССР и стран социалистического содружества. Мир, являющийся общим достижением в борьбе народов всех стран, должен быть защищен. В объединении усилий социалистических и неприсоединившихся стран, демократических и миролюбивых сил, всех народов, как отмечалось на съезде вьетнамских коммунистов, заложены огромные возможности предотвращения угрозы ядерной войны, сдерживания милитаристской и агрессивной политики сил империализма и международной реакции.

КПВ и правительство СРВ выступают на единых позициях с КПСС, Советским правительством, с партиями и правительствами других стран социалистического содружества по важнейшим международным проблемам и практическими делами подтверждают свою приверженность борьбе против агрессивной политики империализма, за разрядку международной напряженности. Одобрение и поддержку получают в СРВ конструктивные инициативы СССР по обузданию гонки вооружений. В докладе на V съезде КПВ Ле Зуан вновь заявил о высокой оценке выдвинутой на XXIV съезде КПСС Программы мира. V съезд КПВ заявил о полной поддержке последовательной миролюбивой политики СССР, приветствовал неустанную деятельность Л. И. Брежнева, конструктивные и проникнутые духом доброй воли новые предложения СССР, направленные на предотвращение «холодной войны», на укрепление разрядки, безопасности и международного сотрудничества³.

В СРВ решительно осуждают курс на взвинчивание гонки вооружений, взятый правящими кругами США и некоторых других стран НАТО, и прежде всего решение НАТО о размещении на территории некоторых западноевропейских стран нового американского ракетно-ядерного оружия средней дальности.

Вьетнам подчеркивает исключительную важность борьбы за упрочение мира и стабильности на Азиатском континенте. Во время встречи в Кремле 7 сентября 1981 г. Л. И. Брежнева с Ле Зуаном была выражена убежденность в том, что упрочение безопасности в Азии должно стать общей целью азиатских государств. Советский руководитель приветствовал рост международного влияния стран Индокитая, Индии, других азиатских стран, их деятельное участие в мировой политике. Вьетнамская сторона считает, что предложение СССР о распространении мер доверия на Дальний Восток, неуклонные усилия трех стран Индокитая, а также Индии, направленные на укрепление мира и стабильности в Азии, деятельность других миролюбивых государств получают широкую поддержку народов Азиатского континента и мировой общественности. Это свидетельствует о силе тенденции к миру в Азиатском регионе.

³ См.: «Нян зан», 28.III.1982.

В СРВ дали высокую оценку предложению МНР о подписании конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана. В послании члена Политбюро ЦК КПВ, Председателя Государственного совета СРВ Чыонг Тиня на имя Генерального секретаря ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбала указывалось, что СРВ готова тесно сотрудничать с МНР, с другими социалистическими странами Азии и сделать все возможное, чтобы содействовать совместной борьбе за мир и безопасность в Азии и во всем мире.

В СРВ считают, что путь к подлинному урегулированию проблем вокруг Афганистана лежит через прекращение интервенции извне и достижение соответствующих договоренностей между правительствами ДРА и ее соседей на основе известных предложений правительства ДРА от 14 мая 1980 г. и 24 августа 1981 г. В документах V съезда КПВ указывалось, что Вьетнам решительно поддерживают правительство ДРА и братский афганский народ, которые с помощью Советского Союза и других социалистических государств ведут борьбу против необъявленной войны империалистов и международной реакции, в защиту завоеваний Апрельской революции.

Во Вьетнаме выступают за объявление Индийского океана зоной мира в соответствии со стремлением народов этого района, осуждают эскалацию военного присутствия США в регионе. СРВ высказываются за осуществление безотлагательных практических мер по превращению Индийского океана в зону мира, включая проведение в Коломбо не позднее первой половины 1983 г. международной конференции по этому вопросу.

Вьетнамская сторона заявляет, что для решения ближневосточной проблемы и достижения справедливого и всеобъемлющего мира в этом районе необходимы вывод всех израильских войск с арабских земель, захваченных Израилем, осуществление неотъемлемых национальных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного независимого государства. В СРВ поддерживают идею созыва международной конференции по Ближнему Востоку с участием ООП. Народ Вьетнама заявил о решительной поддержке ливанского народа и патриотов Палестины, которые в июне 1982 г. стали жертвой новой агрессии Израиля. Органы массовой информации СРВ, выдвигая требования полного и безоговорочного вывода израильских войск из Ливана, подчеркивают, что агрессивные действия израильских сионистов в Ливане осуществлены с согласия, при помощи и поддержке империалистов США.

Делегация СРВ приняла активное участие во второй специальной сессии ГА ООН по разоружению, где осуществляла тесную координацию действий с делегациями Советского Союза, других миролюбивых государств во имя достижения конкретных, осязаемых сдвигов в деле обуздания гонки ядерных вооружений и достижения с этой целью конструктивных договоренностей на основе соблюдения принципа равной безопасности. В СРВ высоко оценили новые мирные инициативы по проблемам разоружения, представленные Советским Союзом на рассмотрение специальной сессии ГА ООН.

Успешно развиваются отношения Вьетнама с Лаосской Народно-Демократической Республикой и Народной Республикой Кампучией. Тесная дружба стран Индокитая стала влиятельным фактором оздоровления международного климата не только в Юго-Восточной Азии, но и в целом на Азиатском континенте.

В документах V съезда КПВ указывалось, что, претворяя в жизнь договоры о дружбе и сотрудничестве между СРВ и ЛНДР, СРВ и НРК, вьетнамский народ, КПВ, вьетнамское государство отдают все свои силы оказанию искренней поддержки и помощи этим братским

странам в духе пролетарского интернационализма. В течение последних лет боевая сплоченность между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией вступила в новый этап развития. Ле Зуан отмечал на съезде, что отношения, сложившиеся между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией, являются закономерностью революционного развития трех стран, жизненно важны для судеб этих стран.

В соответствии с договором о дружбе и сотрудничестве от 18 июля 1977 г. успешно развивается сотрудничество по всем линиям между СРВ и ЛНДР. Несмотря на немалые трудности, переживаемые вьетнамским народом, Вьетнам оказывает Лаосу посильную помощь в самых различных областях. Особое внимание две братские страны вынуждены уделять организации совместного отпора подрывной деятельности в отношении индокитайских государств. Благодаря всесторонней поддержке Вьетнама и Советского Союза за период, прошедший со времени победы революции в декабре 1975 г., в Лаосе были достигнуты существенные успехи в закладке основ социализма, развитии экономики и культуры. Пресечены попытки подорвать революционные завоевания. В целом успешно выполнен трехлетний план (1978—1980), заложивший основу для реализации первого пятилетнего плана развития народного хозяйства ЛНДР.

В докладе на состоявшемся в апреле 1982 г. III съезде Народно-революционной партии Лаоса Генеральный секретарь ЦК НРПЛ Кейсон Фомвихан, говоря об успехах, достигнутых лаосским народом за шесть лет после образования ЛНДР, подчеркнул: «Мы с удовлетворением констатируем, что после победы нового строя наша страна стала членом социалистического содружества, оплотом которого является Советский Союз... Лаос вместе с Вьетнамом и Кампучией стал форпостом социалистической системы в Юго-Восточной Азии...»⁴.

7 января 1979 г. в результате падения кровавого полпотовского режима и образования Народной Республики Кампучии была открыта новая страница в отношениях дружбы и сотрудничества между народами Вьетнама и Кампучии. В соответствии с Договором о мире, дружбе и сотрудничестве между СРВ и НРК от 18 февраля 1979 г. Вьетнам оказал Кампучии существенную помощь в деле подъема экономики, культуры, просвещения, науки, в подготовке квалифицированных кадров и др. Эта братская поддержка имела огромное значение для успеха усилий Народно-революционной партии Кампучии и правительства НРК по преодолению страшного наследия, оставленного пропекинским режимом, по стабилизации хозяйственной деятельности, улучшению жизни кампучийского народа.

В попытках подорвать единство народов трех стран Индокитая реакция, страны Запада обвиняют СРВ в «агрессии» против ЛНДР и НРК, требуют вывода находящихся там по просьбе правительства этих стран ограниченных контингентов вьетнамских войск. Отвергая наглое вмешательство в свои внутренние дела, страны Индокитая подчеркивают, что, как только исчезнет угроза суверенитету и независимости Лаоса и Кампучии, части Вьетнамской народной армии будут немедленно возвращены на родину.

Укрепление союза трех братских государств — СРВ, ЛНДР и НРК, идущих под руководством своих марксистско-ленинских партий по пути социалистического строительства, привело к созданию в Юго-Восточной Азии качественно новой политической обстановки. Огромное значение в этом смысле имеет упорная борьба Вьетнама, Лаоса и Кампучии за превращение ЮВА в зону прочного мира. На конференциях министров иностранных дел трех стран в Пномпене (январь

⁴ «Правда», 28.IV.1982.

1980 г.), во Вьентьяне (июль 1980 г.), в Хошимине (январь 1981 г.) был выдвинут целый ряд важных инициатив, направленных на налаживание диалога со странами — членами АСЕАН. Позитивное воздействие на этот процесс оказало сделанное 22 февраля 1981 г. советским руководством обращение к правительствам стран АСЕАН и ряда других азиатских государств. На IV конференции министров иностранных дел трех индокитайских государств (Вьентьян, июль 1981 г.) было сформулировано предложение о проведении региональной конференции двух групп стран — Индокитая и АСЕАН. Наконец, на состоявшейся в феврале 1982 г. во Вьентьяне V конференции министры трех стран подтвердили решимость народов Индокитая противопоставлять протектам гегемонистов свою твердую решимость отстаивать дело мира, разрешить все спорные вопросы не путем вооруженных конфликтов, а с помощью конструктивного диалога со всеми заинтересованными сторонами. Была выражена готовность Вьетнама, Лаоса и Кампучии провести переговоры с Таиландом по всем вопросам, представляющим взаимный интерес.

Несмотря на неустанные усилия СРВ, ЛНДР и НРК, обстановка в ЮВА остается напряженной. Правящие круги США, противники нормализации в Юго-Восточной Азии всячески пытаются не допустить налаживания конструктивного диалога между странами АСЕАН и Индокитая, усиленно толкают ассоциацию на путь создания военного блока, направленного против Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Проявление этих опасных тенденций вызывает чувство законной тревоги у народов Юго-Восточной Азии. В подходе к отношениям с государствами Индокитая, писала индонезийская газета «Мердека» 25 февраля 1982 г., странам АСЕАН следует встать на более реалистические позиции. Время показало, что поиски политических решений существующих проблем в соответствии с выдвинутыми ранее АСЕАН формулировками не приближают перспективу установления в регионе обстановки мира и безопасности. Нужно найти самостоятельный, выработанный не под давлением извне путь урегулирования спорных проблем.

На V съезде КПВ подчеркивалось, что, следуя принципу уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности, законных интересов друг друга, принципу равноправия и взаимного доверия, Вьетнам будет и впредь выполнять интернациональный долг по отношению к двум братским странам — Лаосу и Кампучии, развивать отношения тесного сотрудничества и взаимопомощи во всех сферах, что будет все более эффективно служить укреплению обороны, безопасности, экономическому и культурному строительству в каждой из трех стран Индокитая⁵.

По-прежнему сложный характер имеют вьетнамо-китайские отношения.

Правительство СРВ многократно подчеркивало свое стремление к восстановлению нормальных отношений с КНР на основе принципов мирного сосуществования, уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, урегулирования спорных вопросов путем переговоров. На V съезде КПВ указывалось, что Вьетнам неоднократно предлагал возобновить переговоры, прерванные Китаем в одностороннем порядке, однако китайская сторона неизменно отказывалась от этих предложений.

Народ Вьетнама, долгие годы боровшийся за свое освобождение, всегда выступал надежным союзником национально-освободительных движений, боролся за ликвидацию всех форм колониального господства. СРВ — деятельный участник движения неприсоединения. Вьетнам вносит вклад в укрепление сплоченности участников движения

⁵ См.: «Нян зан», 28.III.1982.

неприсоединения на антиимпериалистической основе и выступает за укрепление связей между ними и их союзниками — странами социалистического содружества и другими силами социального прогресса на нашей планете.

СРВ участвовала в конференции развивающихся стран «Юг — Юг» в Дели в феврале 1982 г. Вьетнамский представитель в выступлении на конференции обвинил развитые капиталистические страны, и прежде всего США, в срыве диалога «Север — Юг», в стремлении переложить бремя переживаемой ими экономической депрессии на развивающиеся страны⁶.

Примером подлинно равноправных дружественных отношений между государствами с различным общественным строем могут служить вьетнамо-индийские отношения, которые вместе с тем являются важным фактором укрепления мира и стабильности в Азии, достойным ответом тем, кто пытается подорвать единство рядов движения неприсоединения⁷.

СРВ, ставшая членом Организации Объединенных Наций 20 сентября 1977 г., активно участвует в ее деятельности. Вьетнам высоко оценивает усилия ООН, направленные на поддержание всеобщего мира. Представители СРВ в ООН вносят позитивный вклад в борьбу за мир, разрядку, сдерживание гонки вооружений, выступают в поддержку конструктивных мирных инициатив СССР и других социалистических стран.

Своей миролюбивой инициативной политикой, за проведение которой высказался V съезд КПВ, социалистический Вьетнам завоевал высокий авторитет в мировом сообществе. Мирные инициативы СРВ по укреплению мира и стабильности в ЮВА, ее реализм и готовность развивать взаимовыгодные отношения с другими странами получают все более высокую оценку в мире. Международный курс СРВ оказывает благотворное воздействие на обстановку в Азии и за ее пределами.

⁶ In: «Patriot», 24.II.1982.

⁷ См.: «Куан дой нян зан», 7.I.1982.

Принципиальная позиция СССР по «тайваньскому вопросу»

В. Н. Барышников,
кандидат исторических наук

Так называемый тайваньский вопрос возник в результате вмешательства американского империализма в гражданскую войну в Китае, которая, как известно, закончилась поражением и развалом чанкайшистского режима и образованием в 1949 г. Китайской Народной Республики.

Остатки гоминьдановской группировки бежали на Тайвань и некоторые другие острова близ китайского побережья. В этот период (до начала войны в Корее) правящие круги США, уповая на националистические настроения части руководства КПК, надеялись найти на этой почве взаимопонимание с ней и потому до поры заявляли о принадлежности Тайваня Китаю и об отсутствии у Соединенных Штатов намерений удерживать этот остров в своих руках. 22 декабря 1949 г. информационная служба США по распоряжению государственного департамента разослала американским дипломатическим представительствам в других странах директиву, которой им вменялось в обязанность разъяснять «незаинтересованность» Соединенных Штатов в обладании Тайванем. В этом документе указывалось, что остров «политически, экономически, исторически и географически является частью Китая»¹.

На проведенном 6—8 октября 1949 г. в госдепартаменте закрытом совещании по вопросу об отношениях с Китаем большинство экспертов высказалось за признание новой власти в Китае и против продолжения поддержки Чан Кайши. «Национализм,— указывали участники этого совещания, имея в виду националистическую группировку Мао Цзэдуна в руководстве КПК,— никогда не был так силен в Китае, как сегодня, и китайские коммунисты преуспели в том, чтобы сделаться лидерами китайского национализма». Поэтому участники совещания рекомендовали правительству США признать КНР и не оккупировать Тайвань².

Отражением этих настроений явилась публикация госдепартаментом США «Белой книги об американо-китайских отношениях в 1944—1949 гг.», в которой гоминьдановское правление характеризовалось как неспособное, неэффективное и коррумпированное, явно обреченное на гибель. В то время США отказались поддержать предложение Чан Кайши о создании Тихоокеанского пакта с целью продолжения борьбы против китайской революции. В январе 1950 г. президент Г. Трумэн обещал, что правительство США «не будет следовать по пути, который приведет к вовлечению в гражданский конфликт в Китае». Он заявил также об отказе США от предоставления гоминьдановцам военной помощи и от поставки военных советников на Тайвань³. Тайвань был даже исключен из периметра американской «обороны».

¹ Congressional Record, vol. 96. Washington, 1950—1951, p. 82.

² In: Institute of Pacific relations. Hearings before the Subcommittee to investigate the administration of the internal security act and other internal security laws of the Committee on the judiciary, United States Senate 82 Congress, 2 session on the Institute of Pacific relations. Washington, 1951—1952, p. 2501, 2527—2528.

³ In: «Department of State Bulletin», Washington, 1950, vol. 22, № 550.

Таким образом, в первое время после образования КНР тайваньской проблемы как бы не существовало. Более того, вопрос об этом острове и об окопавшихся на нем остатках гоминьдановского режима использовался американской администрацией как предмет торга в поисках подходов к новому китайскому руководству. Подразделения НОАК, дислоцировавшиеся в Центральном-Южном Китае, вели в тот период интенсивную подготовку к форсированию Тайваньского пролива и освобождению острова. Выступая на III пленуме ЦК КПК 6 июня 1950 г., Мао Цзэдун заявил, что Народно-освободительная армия Китая, демобилизуя часть своего состава, должна сохранить достаточные силы для освобождения Тайваня и Тибета⁴.

Положение существенно изменилось к середине 1950 г., после того как Китайская Народная Республика вошла в содружество социалистических стран, заключила договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР, а также избрала социалистический путь развития. С этого времени империалистический курс США в отношении КНР лишился какого бы то ни было камуфляжа, что выразилось в целой серии репрессивных мер — от дипломатического непризнания, которое навязывалось всем зависимым от США государствам, до экономической блокады.

Именно с этого времени администрация Г. Трумэна начала выступать с новыми официальными декларациями по вопросу о Тайване с целью воспрепятствовать возвращению этого острова Китайской Народной Республике. В заявлении президента США от 27 июня 1950 г. в связи с началом военных действий в Корее говорилось, что он отдал приказ «воспрепятствовать любому нападению на Формозу». В этом документе содержался также отказ правительства США от признания Тайваня китайской территорией. «Решение о будущем статусе Формозы, — заявил Г. Трумэн, — должно быть принято после восстановления безопасности на Тихом океане, заключения мирного договора с Японией или обсуждения этого вопроса Объединенными Нациями»⁵. Одновременно вашингтонская администрация предприняла ряд шагов в целях укрепления военных, экономических и политических позиций чанкайшистской группировки, обосновавшейся на Тайване, поддерживая, в частности, ее претензии на предстательство Китая в международных организациях.

Таким образом, тайваньская «проблема» явилась порождением империалистической политики США в отношении Китая. Ее возникновение сопровождалось вооруженной агрессией США против КНР, попытками использовать Тайвань для борьбы против революционного развития Китая.

В условиях империалистической блокады и шантажа Китайская Народная Республика в полной мере ощутила действительную поддержку со стороны СССР, других социалистических стран, а также демократических сил всего мира. Советское государство первым признало КНР, установило с ней дипломатические отношения, оказало ей срочную экономическую и военную помощь, помогло нейтрализовать попытки мирового антикоммунизма организовать вокруг нового Китая санитарный кордон. Не случайно признание Мао Цзэдуна, сделанное 14 ноября 1957 г. на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве: «Если бы не было Советского Союза, то империалисты нас могли бы проглотить»⁶.

Принципиальный и последовательный характер носила политика СССР и в вопросе о Тайване. СССР неизменно уважал суверенное право КНР на Тайвань и другие прибрежные острова, оккупированные чанкайшистской группировкой. СССР при этом исходил из того, что Тайвань,

⁴ См.: «Правда», 15.VI.1950.

⁵ «New York Times», 27.VI.1950.

⁶ КНР. Краткий исторический очерк (1949—1979 гг.). М., 1980, с. 32.

населенный в основном китайцами — выходцами из провинций Фуцзянь и Гуандун, на протяжении длительного исторического прошлого существовал в границах Китая как одна из его провинций и лишь в 1895 г. был оккупирован Японией в результате прямого вооруженного захвата, оформленного Симоносекским договором, который был навязан Китаю. Этот несправедливый, противоправный акт был отменен правительствами великих держав — участниц антигитлеровской коалиции во время второй мировой войны. Международные документы конференций в верхах явились правовой основой возвращения Тайваня Китаю. 1 декабря 1943 г. главы правительств США, Англии и Китая подписали Каирскую декларацию, которая предусматривала, чтобы «все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской Республике»⁷. Конференция глав правительств США, Англии и Китая, созванная в июле 1945 г. в Потсдаме, подтвердила каирское решение. В статье 8-й Потсдамской декларации говорилось: «Условия Каирской декларации должны быть выполнены, и суверенитет Японии должен быть ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и теми мелкими островами, в отношении которых мы примем решение»⁸.

Правительство Советского Союза 8 августа 1945 г. официально присоединилось к Потсдамской декларации⁹. Капитуляция Японии сопро- вождалась принятием ею всех положений Потсдамской декларации, и в частности пункта о Тайване. В подписанном 2 сентября 1945 г. Акте о безоговорочной капитуляции Японии согласилась с «условиями декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР»¹⁰.

Основываясь на директивных решениях глав великих держав о возвращении Тайваня Китаю, командующий вооруженными силами союзников на Тихом океане 9 февраля 1945 г. поручил китайским властям принять капитуляцию японских войск на Тайване. 30 августа 1945 г. правительство Китая опубликовало указ об образовании на Тайване провинции, назначив туда своего губернатора. В октябре состоялась официальная церемония принятия капитуляции японских войск на острове. В июле 1946 г. китайское гражданство было распространено на всех жителей острова.

Таким образом, международные соглашения, касавшиеся возвращения Тайваня Китаю, были выполнены, в результате чего эта территория вновь стала суверенной частью Китая.

Однако в начале 50-х годов Соединенные Штаты и другие империалистические державы отказались от своих обязательств, изложенных в упомянутых выше международных актах, и стали предпринимать усилия, направленные на обособление Тайваня от КНР. Остров был превращен в базу китайской контрреволюции, откуда Чан Кайши, пользуясь всесторонней поддержкой Вашингтона, надеялся начать новый поход, чтобы взять реванш и восстановить свое господство в материковом Китае.

Используя в качестве щита 7-й флот США, патрулировавший в Тайваньском проливе, чанкайшистская военщина начала вести пиратскую деятельность против кораблей КНР, а также торговых судов других стран, направлявшихся в китайские порты. Гоминьдановская авиация в связи со слабостью противовоздушной обороны КНР совершала беззаконные налеты на города Южного, Юго-Восточного и Центрального

⁷ Цит. по: «Известия», 3.XII.1943.

⁸ Там же, 30.XI.1950.

⁹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3. М., 1947, с. 363.

¹⁰ Там же, с. 480.

Китай. Особенно интенсивным бомбардировкам подвергался Шанхай. Так, 6 февраля 1950 г. 18 гоминьдановских самолетов (в том числе 12 бомбардировщиков В-24) сбросили на Шанхай 60 бомб, повредив городскую электростанцию. Было убито и ранено более тысячи мирных жителей. В марте 1950 г. во время воздушного налета на Кантон гоминьдановцы разрушили много зданий, потопили несколько судов на реке Чжуцзян. Подобным же варварским бомбардировкам чанкайшистских самолетов, которые пилотировались и наемниками из США, Японии, Западной Германии, подвергались также Нанкин, Наньчан, Ханчжоу и другие китайские города. Эта пиратская деятельность была пресечена благодаря срочной военной помощи Советского Союза. Уже 20 марта 1950 г. в Тайбэе было объявлено, что гоминьдановские самолеты были встречены в районе Шанхая советскими реактивными самолетами. Советская авиация взяла под охрану воздушное пространство КНР, что создавало условия для мирного строительства в Китае.

Одновременно СССР проявил инициативу в целях удаления из ООН гоминьдановцев и предоставления Китайской Народной Республике ее законного места в этой организации. 25 ноября 1949 г. представитель СССР, выступая в Политическом комитете IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, потребовал пригласить делегатов КНР, поскольку чанкайшисты не правомочны занимать место Китая. На заседании Совета Безопасности, созванном 10 января 1950 г. для решения вопроса о полномочиях представителя группировки Чан Кайши, советская делегация решительно поддержала заявления правительства КНР, сделанные в ноябре 1949 г. и январе 1950 г., о незаконности представительства в ООН гоминьдановцев и потребовала их исключения из Совета Безопасности, как не представляющих ни Китай, ни китайский народ. Советский проект резолюции предусматривал отказ признать полномочия чанкайшиста и исключение его из Совета Безопасности¹¹. Однако это предложение было отклонено по настоянию западных держав, которыми дирижировала делегация Соединенных Штатов Америки.

На протяжении более чем 20 лет США и некоторые их союзники придерживались этой враждебной позиции в отношении прав КНР в ООН. И на протяжении всего этого периода, вплоть до XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, когда КНР получила наконец свое законное место в этой международной организации, Советский Союз в ООН, на всех международных форумах неизменно выступал на стороне китайского народа, добиваясь устранения того ненормального положения, которое сложилось в результате попыток США организовать политическую блокаду КНР. В условиях искусственного устранения КНР из ООН прежде всего на плечи советской дипломатии пало нелегкое бремя отстаивания справедливых прав китайского народа. Эта деятельность СССР координировалась с правительством КНР в духе пролетарского интернационализма.

Выступая на пленарном заседании XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН 15 ноября 1971 г., представитель СССР Я. А. Малик заявил по поводу восстановления прав КНР в ООН: «Еще раз и в конкретной форме сама жизнь подтвердила правильность, принципиальность и дальновидность политики Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, последовательно отстаивающих принципы и цели Устава Организации Объединенных Наций, в том числе и принцип универсальности. Эта последовательность, твердость политики и позиции Советского Союза дала возможность впоследствии преодолеть обструкцию и противодействие империализма...»¹².

Столь же принципиальным характером отличалась позиция Советского Союза в отношении попыток империалистических кругов, возглавляе-

¹¹ См.: «Правда», 15.1.1950.

¹² Приветственные речи в адрес делегации КНР. Пекин, 1971, с. 128.

мых США, поставить под вопрос китайский статус острова Тайвань. Такие попытки объяснялись стремлением этих кругов подвести, так сказать, «правовую базу» под использование острова в агрессивных, экспансионистских целях.

Как известно, приказ Г. Трумэна о «нейтрализации» Тайваня положил начало превращению острова в американский военный плацдарм на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Этот остров в американском стратегическом планировании генерал Д. Макартур охарактеризовал в свое время как «главную ось передовой линии Америки на Тихом океане», «непотопляемый авианосец». «Америка, — писал Д. Макартур в августе 1950 г., — должна контролировать Тайвань для того, чтобы при помощи авиации держать под угрозой каждый азиатский порт от Владивостока до Сингапура»¹³. В соответствии с этой доктриной Тайвань был превращен в крупнейшую американскую военную базу. 7-й флот США использовал тайваньские порты в качестве якорных стоянок, 13-я американская воздушная армия была дислоцирована на тайваньских аэродромах. Под руководством американских военных советников была перевооружена, реорганизована и модернизирована 600-тысячная армия Чан Кайши, которая использовалась для подрывных действий против КНР, привлекалась к операциям в Корее, а также против ряда независимых стран Юго-Восточной Азии.

В этих условиях Соединенные Штаты были заинтересованы в том, чтобы посягать сомнения в отношении правооснований Китая, касающихся Тайваня. 25 августа 1950 г. постоянный представитель США в ООН в послании Генеральному секретарю ООН официально поднял вопрос о необходимости соответствующей международной акции в целях определения будущего статуса Тайваня, выразив готовность американского правительства рассмотреть тайваньскую проблему в ООН¹⁴. Это послание было одобрено президентом Г. Трумэном. На пресс-конференции 31 августа 1950 г. он заявил, что «формозская ситуация должна быть разрешена в мирном договоре с Японией»¹⁵. Делегация США внесла предложение включить «вопрос о Формозе» в повестку дня V сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Тем самым делалась попытка создать впечатление, будто вопрос о принадлежности Тайваня еще открыт и его вправе решать Организация Объединенных Наций.

Советский Союз выступил против рассмотрения этого вопроса в ООН. Представитель СССР заявил 5 октября 1950 г. на заседании Генерального комитета, что включение в повестку дня данного вопроса «было бы нарушением Устава ООН и представляло бы собой оскорбление великого китайского народа, который завоевал независимость после ожесточенной борьбы. Рассмотрение вопроса о Тайване означало бы вмешательство во внутренние дела Китая»¹⁶.

Несмотря на включение этого вопроса в повестку дня V сессии Генеральной Ассамблеи, его обсуждение так и не состоялось. Соединенные Штаты встретили противодействие не только со стороны Советского Союза и других социалистических стран, но и со стороны Индии, Бирмы, ряда других государств Азии и Африки, которые также готовились предпринять определенные шаги в поддержку прав КНР на Тайвань. Против США выступил и гоминьдановский представитель, поскольку американская позиция подрывала претензии группировки Чан Кайши выступать от имени Китая. Поэтому обсуждение вопроса о Тайване было «отложено», а советская делегация требовала снять его совсем.

¹³ «US News and World Report», 1.IX.1950, p. 32.

¹⁴ In: «UN Security Council, official records», 1950, p. 32.

¹⁵ «Washington Post», 1.IX.1950.

¹⁶ «Правда», 7.X.1950.

При рассмотрении внесенной Советским Союзом жалобы на агрессию США против Китая на той же сессии Генеральной Ассамблеи представитель СССР вновь поднял вопрос о неправомерности американских замыслов, касающихся Тайваня. Он на фактах показал, что Тайвань — исконная территория Китая и что вторжение на этот остров американских вооруженных сил есть не что иное, как агрессия в отношении КНР. Делегат СССР внес проект резолюции, в котором содержалось требование, чтобы Совет Безопасности принял безотлагательные меры для прекращения американской агрессии¹⁷.

28 ноября 1950 г. этот вопрос обсуждался в Совете Безопасности. В дискуссии приняла участие делегация КНР, приглашенная по настоянию Советского Союза. Выступления советского и китайского представителей обнажили перед мировой общественностью агрессивный характер действий США в отношении Тайваня. Дискуссии в ООН показали, что многие государства отказываются поддерживать эту политику. Американское правительство полностью утратило иллюзии относительно того, что ему удастся добиться санкции ООН на отторжение Тайваня от Китайской Народной Республики. Поэтому вскоре последовало заявление делегации США (21 января 1951 г.), в котором говорилось, что «вопрос о Формозе может быть исчерпан только в мирном договоре с Японией» и что «нет необходимости, чтобы он служил темой обсуждения в Объединенных Нациях»¹⁸.

Следующий раунд борьбы вокруг вопроса о Тайване развернулся в период подготовки мирного договора с Японией. Как известно, в мае 1950 г. США в одностороннем порядке начали составление указанного договора без учета позиций СССР и Китая, хотя народы этих стран внесли важнейший вклад в дело разгрома японского милитаризма. Статьи проекта договора, касающиеся территориальных вопросов, конструировались американцами таким образом, чтобы ревизовать ясные положения Каирской, Потсдамской и Ялтинской конференций. В меморандуме правительства США о мирном договоре, обнародованном 26 октября 1950 г., содержалось положение о необходимости определения статуса Тайваня и Пэнхуледао четырьмя великими державами в течение одного года, а в случае неудачи решать должна была Генеральная Ассамблея¹⁹.

Советское правительство в памятной записке правительству США от 20 ноября 1950 г. спрашивало: поскольку Каирская и Потсдамская конференции уже приняли решение о возвращении Китаю Тайваня, то как следует понимать содержащееся в американском меморандуме предложение о передаче вопроса относительно статуса этого острова на новое решение? Вместе с тем в меморандуме был поставлен вопрос и о том, что делается правительством США, чтобы выяснить точку зрения Китайской Народной Республики по всем аспектам мирного договора с Японией²⁰.

Однако Вашингтон при составлении проекта договора руководствовался исключительно интересами американского империализма. В ответ на замечания СССР от 7 мая 1951 г. по поводу положений проекта, касающихся Тайваня, Соединенные Штаты выдвинули казуистическую ссылку на то, что поскольку в Каирской декларации говорилось о передаче Китайской Республике Тайваня и Пэнхуледао, то советское требование о возвращении этих территорий Китайской Народной Республике является «неосновательным»²¹.

Подобная «аргументация» явно противоречила азбучным истинам международного права о правопреемстве государств, образовавшихся в

¹⁷ Объединенные Нации. Первый комитет. Нью-Йорк, 1950, с. 358—360.

¹⁸ «New York Times», 23.I.1951.

¹⁹ In: «Department of State Bulletin», 4.XII.1950, p. 881.

²⁰ См.: «Правда», 24.XI.1950.

²¹ «Department of State Bulletin», 28.V.1951, p. 853.

результате социальных революций и представляющих по своему классовому характеру новый тип государства. В этом случае, по международному праву, оно, несмотря на изменение названия, безусловно, является полным правопреемником прекратившего свое существование государства в отношении всей территории, а также всего его имущества, находящегося как на территории данного государства, так и на территории других государств. Изменение названия государства не влияет на его права как субъекта международного права. Оно лишь отражает появление нового внутреннего уклада в стране, а не изменение его международной правосубъектности. Смена социально-экономической системы государства является внутренним делом народа, его населяющего. Принцип невмешательства требует от остальных государств уважения к этому выражению народной воли.

Все эти положения целиком и полностью относятся и к Китайской Народной Республике. Любая попытка ограничить власть правительства КНР на любую часть китайской территории вступает в противоречие с международным правом, по которому возвращение Тайваня именно КНР как преемнице Китайской Республики является законным.

На этом основании Министерство иностранных дел СССР в своем заявлении от 10 июня 1951 г. отклонило американскую аргументацию и среди важных замечаний относительно проекта мирного договора с Японией предложило отразить в нем необходимость выполнения решений Каирской и Потсдамской конференций и Ялтинского соглашения по территориальным вопросам²². Однако в опубликованном Соединенными Штатами 12 июля 1951 г. окончательном проекте мирного договора отсутствовало положение о принадлежности Китаю Тайваня и других островов, а лишь содержался отказ Японии от этих территорий.

На мирной конференции в Сан-Франциско, проходившей с 4 по 8 сентября 1951 г., советская делегация вскрыла крупные недостатки американо-английского проекта договора. Выступая 5 сентября, глава советской делегации А. А. Громыко остановился, в частности, на проблеме Тайваня. Было подчеркнуто, что «проект грубо нарушает бесспорные права Китая на возвращение отторгнутых от него японскими милитаристами неотъемлемых частей китайской территории». «В проекте,— указал А. А. Громыко,— сознательно умалчивается о дальнейшей судьбе этих территорий». Потребовав возвращения Тайваня китайскому народу, советская делегация внесла предложение включить в проект пункт о том, что «Япония признает суверенитет Китайской Народной Республики над Тайванем»²³. Под давлением США конференция утвердила проект договора без учета советских поправок. СССР и другие социалистические страны отказались подписать договор.

Стремясь воздвигнуть новые правовые барьеры на пути воссоединения Тайваня с Китаем, Соединенные Штаты способствовали заключению мирного договора между Японией и гоминьдановцами как представителями «Китая».

2 декабря 1954 г. был подписан американо-гоминьдановский договор о «взаимной обороне», который, по словам Д. Даллеса, был призван «раз и навсегда положить конец слухам и сообщениям, будто Соединенные Штаты каким-либо образом согласятся на передачу Формозы и Пескадорских островов под контроль коммунистов»²⁴. Согласно статье 5 договора, США обязались оказать вооруженную помощь группировке Чан Кайши в случае, если НОАК начнет операции по изгнанию с Тайваня гоминьдановцев.

²² См.: «Правда», 11.VI.1951.

²³ Там же, 7.IX.1951.

²⁴ Congressional Record, vol. 101. Washington, 1955—1956, p. 1380.

МИД СССР в заявлении от 15 декабря 1954 г. охарактеризовал цель договора как отторжение от Китая Тайваня и Пэнхуледао и установление господства США над этими китайскими островами. В заявлении указывалось, что, «поскольку Тайвань представляет собой исконную китайскую территорию, задача освобождения Тайваня, естественно, является внутренним делом Китая, суверенным правом китайского народа»²⁵.

С середины 50-х годов, особенно после начала китайско-американских переговоров на уровне послов (сначала в Женеве, а затем в Варшаве), западные державы, прежде всего Соединенные Штаты Америки, все яростнее демонстрировали стремление перейти к тактике «двух Китаев», чтобы заблокировать вопрос о возвращении Тайваня КНР. Зная, что ситуация «двух Китаев» неприемлема для правительства КНР, империалистические страны стали упорно создавать ее в различных международных организациях, в которые КНР входила в качестве полноправного члена. Впервые такое положение возникло во время подготовки к XVI всемирным Олимпийским играм в Мельбурне в ноябре 1956 г. и на заседании Бюро специального комитета по проведению Международного геофизического года в июне 1957 г. Руководство этих организаций под нажимом США пригласило представителей «Китайской Республики» на Тайване принять участие в их работе, хотя КНР уже была в составе этих органов. Вслед за этим подобная же ситуация была искусственно создана на XIX Международной конференции Красного Креста, в Международной федерации футбола, на конференции по крупным энергетическим системам в Париже и т. д.²⁶. Во всех случаях протесты правительства КНР против этого империалистического заговора встречали солидарность и поддержку со стороны Советского Союза и других социалистических стран.

В США, Англии и других странах в этот период усилилась пропаганда концепций необходимости полного поворота к политике «двух Китаев», сепаратизации Тайваня и других теорий, призванных затруднить борьбу КНР за возвращение своих территорий.

СССР и все социалистические страны последовательно и решительно выступали против отделения Тайваня от КНР, против идеи «двух Китаев». На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, на всех международных конференциях они твердо отстаивали права китайского народа. В ноябре 1956 г., например, на XI сессии Генеральной Ассамблеи ООН советская делегация заявила, что в природе не было и нет «двух Китаев», а есть только один Китай — Китайская Народная Республика, правительство которой пользуется поддержкой китайского народа и осуществляет власть на всей территории страны²⁷.

В своих внешнеполитических контактах советское правительство неизменно подчеркивало необходимость возвращения острова Тайвань Китаю. Это положение, в частности, было зафиксировано в совместных заявлениях и декларациях СССР и ДРВ (декабрь 1954 г.), СССР и Индии (июнь 1955 г.), СССР и Бирмы (октябрь 1955 г.), СССР и Югославии (июнь 1955 и июнь 1956 гг.) и т. д.

Во время советско-американских переговоров в верхах в 1959 г. советская делегация настаивала на необходимости соблюдения права Китайской Народной Республики на Тайвань. В заявлении правительства СССР от 31 ноября 1959 г. подчеркивалось, что «Советскому Союзу близко и понятно стремление китайского народа и правительства КНР вернуть в состав китайского государства Тайвань и другие китайские острова, принадлежащие Китаю, но оккупированные иностранными войсками.

²⁵ «Правда», 16.XII.1954.

²⁶ См.: Против американской оккупации Тайваня и проигов США, направленных на создание ситуации «двух Китаев». Пекин, 1958, с. 85—113.

²⁷ См.: «Правда», 16.XI.1956.

Мы в этом вопросе будем полностью поддерживать правительство Китайской Народной Республики, пока оно не добьется решения этого вопроса, ибо юридические и моральные права на ее стороне». В этом же заявлении были развенчаны попытки увековечить отделение Тайваня от КНР с помощью тактики «двух Китаев». «На Западе,— говорилось в заявлении,— все еще пытаются проводить ту мысль, будто существует не один, а два Китая. Однако каждый школьник знает, что есть только один Китай и что столица Китайской Народной Республики находится в Пекине. Ныне, когда Китайская Народная Республика вступила во второе десятилетие своего существования, после того, как в ней осуществлены крупнейшие политические и социальные преобразования, достигнуты выдающиеся достижения в развитии экономики и культуры, особенно смешно выглядят те, кто отстаивает безрассудную позицию о «двух Китаях»²⁸.

Действенность советской поддержки китайский народ ощущал во время кризисных ситуаций, создававшихся в Тайваньском проливе. В начале 1954 г. Соединенные Штаты решили проверить КНР на прочность с помощью гоминьдановской группировки. Вашингтон отменил приказ Трумэна о «нейтрализации» Тайваня, предоставив армии Чан Кайши свободу рук для развязывания военных действий против КНР. Однако китайский народ, повысив с советской помощью свою обороноспособность, легко отразил гоминьдановские вылазки. В 1954 г. группировка Чан Кайши потеряла только в районе Восточного Китая 39 самолетов, было потоплено или повреждено 54 военных судна, а людские потери чанкайшистов составили около 3 тыс. солдат и офицеров²⁹. В результате США были вынуждены вновь «посадить на цепь» Чан Кайши.

В период сентябрьского кризиса 1958 г. в Тайваньском проливе³⁰ Соединенные Штаты, создав беспрецедентную со времени второй мировой войны концентрацию своих вооруженных сил, пытались шантажировать КНР. Государственный секретарь США Д. Даллес заявил, что американская администрация не считает контроль китайских коммунистов над континентом постоянным фактом и одним из тех неизбежных обстоятельств, с которым США всегда приходится соглашаться и мириться³¹. Однако и этот империалистический шантаж был сорван благодаря решительному вмешательству Советского Союза, который, исходя из принципов пролетарского интернационализма, выступил с серьезным предостережением в адрес США. «Нападение на Китайскую Народную Республику, которая является великим другом, союзником и соседом нашей страны,— говорилось в заявлении правительства СССР от 7 сентября 1958 г.,— это нападение на Советский Союз. Верная своему долгу, наша страна сделает все для того, чтобы совместно с народным Китаем отстоять безопасность обоих государств, интересы мира во всем мире»³². 15 сентября подобное предупреждение было сделано вторично. В момент острого международного кризиса СССР занял твердую позицию солидарности и поддержки своего союзника.

В то время интернациональная позиция СССР была высоко оценена в благодарственной телеграмме Мао Цзэдуна, Лю Шаоци и Чжоу Эньлая, направленной 10 октября в адрес советского правительства³³. 15 октября 1958 г. ЦК КПК направил специальное послание Центральному Комитету КПСС с выражением признательности за действенную помощь в обеспечении безопасности КНР. «Мы глубоко тронуты,— говорилось в по-

²⁸ «Правда», 1.XII.1959.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 2.I.1955.

³⁰ Подробнее см.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. 1945—1980. М., 1980, с. 166—169; М. С. Капица. КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979, с. 204—209.

³¹ Ип: «New York Times», 10.IX.1958.

³² «Правда», 9.IX.1958.

³³ Там же, 16.X.1958.

слании,— вашей безграничной преданностью принципам марксизма-ленинизма... В нашей борьбе с американцами мы сейчас получили уже мощную поддержку со стороны Советского Союза»³⁴.

Советская позиция в вопросе о Тайване никогда не менялась. В ноябре 1964 г. Л. И. Брежнев вновь заявил: «Мы стояли и стоим за то, чтобы Тайвань был воссоединен со своей Родиной — Китайской Народной Республикой»³⁵.

Позиция СССР в тайваньском вопросе остается единственно безупречной и принципиальной. СССР ни на йоту не изменил свой принципиальный подход к вопросу о принадлежности Тайваня, никогда не пытался сделать его предметом торга или просто дипломатического маневрирования. Недавно эта линия была вновь подтверждена самым авторитетным образом. «Мы никогда не поддерживали и не поддерживаем ни в какой форме так называемую концепцию «двух Китаев»,— заявил товарищ Л. И. Брежнев в Ташкенте 24 марта текущего года,— полностью признавали и признаем суверенитет КНР над островом Тайвань».

³⁴ «Правда», 21.IX.1963.

³⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1973, с. 28.

Женское движение в Японии

И. И. Тамгинский

Поражение японского империализма во второй мировой войне и социально-экономические преобразования, проведенные в стране на основе Потсдамской декларации, привели к изменению положения женщин в японском обществе. Рушились основы полуфеодального уклада в японских семьях, женщина перестала быть бесправным существом, лишенным политических и экономических прав. Японские женщины стали быстро приобщаться к новым условиям, все активнее вовлекаться в сферу материального производства, особенно в сферу услуг, выдвигаться на различные общественные посты, принимать участие в политической жизни.

В сегодняшней Японии нередко можно встретить женщину — депутата парламента, крупного ученого, врача, преподавателя высшего учебного заведения, журналиста и даже бизнесмена. Особенно большой процент женщин работает в торговле, они составляют значительную часть конторских служащих, учителей в начальных школах, медицинских работников. Значительно выросло число женщин-работниц в сфере материального производства. Если в 1960 г. работающих женщин было 6920 тыс.¹, то в 1978 г. в Японии работало уже 12 800 тыс. женщин, что составляло 33,7 % общего числа наемных рабочих².

Большие изменения произошли также в возрастном составе работающих женщин: доля работниц в возрасте до 30 лет в 1955 г. составляла 69 %, а в 1976 — 41 %. А доля замужних работниц, наоборот, увеличилась — с 35,3 % в 1955 г. до 64,9 % в 1975 г.³

Болею половины женщин (54,8 %) работает на мелких и средних предприятиях (численностью до 100 человек), где зарплата и условия труда гораздо ниже, чем на крупных предприятиях.

Значительное развитие страны на основе НТР вызвало большие изменения в жизни крестьян. Заметные сдвиги произошли в соотношении мужчин и женщин, занятых в сельскохозяйственном производстве. Число мужчин в возрасте от 30 до 39 лет уменьшилось, а число женщин этого же возраста увеличилось с 58,8 % в 1960 г. до 62,2 % в 1976⁴. 42 % женщин в возрасте от 30 до 59 лет, помимо работы в сельском хозяйстве, выполняют и другую работу, 39 % из них — поденную и временную⁵.

Весьма значительную группу населения страны составляют женщины, занятые в мелком семейном бизнесе. В 1976 г. их насчитывалось 5070 тыс., из них 2210 тыс. — владельцы и 2860 тыс. — работающие.

¹ См.: Фудзин мондай то нихон кёсанто (Женский вопрос и КПЯ). Токно, 1981, с. 29.

² См.: «Дзэнъэй» (спец. выпуск), № 989, с. 451.

³ См. там же.

⁴ См.: Фудзин мондай то нихон кёсанто, с. 30.

⁵ См. там же.

Говоря об изменениях, происшедших в положении женщин в обществе, следует указать на такой важный факт, как повышение уровня образования японских женщин в послевоенный период. Если до войны только 17 % девочек шли учиться в гимназию, то в настоящее время процент их поступления в школы повышенного типа составляет 99,5 %. Увеличилась также доля женщин, поступающих в высшие учебные заведения: с 17 % в 1950 г. до 30,8 % в 1977 г.⁶

Этому способствовала новая система образования, введенная на основе новой конституции, а также нравственно-психологические изменения, происшедшие в сознании японских женщин. В новых условиях, когда Япония вступила в период быстрого промышленного развития, повышается спрос на квалифицированную рабочую силу. Научно-техническая революция оказала большое воздействие не только на производственные процессы, но и на умонастроения миллионных масс японских тружеников.

Произошли серьезные изменения в отношении женщин к труду. Японская женщина все активнее втягивается в материальную сферу производства, где она проходит трудную школу классовой борьбы. Об изменении отношения японской женщины к участию в производственном труде свидетельствует, например, такой факт: при опросе, проведенном канцелярией премьер-министра в октябре 1979 г., 20 % женщин дали положительный ответ на вопрос: «Будете ли вы работать после того, как у вас появятся дети?» 7 лет назад во время аналогичных опросов такой ответ дали 12 % женщин⁷.

Однако положение японских женщин, особенно женщин-тружениц, продолжает оставаться тяжелым. Они все еще подвергаются различным видам дискриминации. Их труд оплачивается значительно ниже, чем труд мужчин, женщины продолжают находиться в ущемленном положении в семье, а их участие в общественно-политической жизни ограничивается все еще сохраняющимися феодальными пережитками и неразвитостью демократии. В Японии до сих пор нет закона, обеспечивающего равенство мужчин и женщин во всех сферах материальной и духовной жизни.

Среди существующих в Японии политических партий только Коммунистическая партия последовательно борется за права и интересы женщин, улучшение их положения в семье и в обществе.

Освобождение женщин Коммунистическая партия Японии всегда считала составной частью борьбы за освобождение всего народа. Еще в 1922 г. в проекте партийной программы КПЯ выдвинула требование «предоставить избирательные права всем мужчинам и женщинам, достигшим 18-летнего возраста», а в «Тезисах 1932 г.», принятых ЦК КПЯ в качестве программного документа, содержались протест против «двойной эксплуатации женщин» и требование «равной платы за равный труд»⁸.

Особенно настойчивую борьбу за права и интересы женщин, за повышение их роли в японском обществе развернула Коммунистическая партия в послевоенный период, когда она впервые за всю историю своего существования получила возможность действовать легально. На IV (первом легальном) съезде, состоявшемся в декабре 1945 г., КПЯ приняла специальную Программу действий в защиту женщин, в которой выдвигались требования предоставить женщинам избирательное право, обеспечить равную плату за равный труд, предоставлять им отпуска по родам, расширить сеть детских учреждений, ввести совместное обучение

⁶ См. Фудзиси мондай то нихон кёсанто, с. 29.

⁷ См. «Дзэнъэй» (спец. выпуск), 1980, № 452, с. 450

⁸ См. Фудзиси мондай то нихон кёсанто, с. 10.

в школах, ликвидировать унижительное положение женщин в семье⁹.

Основываясь на этой программе, КПЯ развернула большую работу по вовлечению женщин в активную общественно-политическую деятельность, принимая их в массовые организации трудящихся, приобщала к забастовочной борьбе, звала на борьбу за новую, демократическую Японию.

Японские женщины живо откликнулись на призыв КПЯ, вместе со своими мужьями, отцами и братьями поднимались на борьбу против японо-американской реакции, за проведение демократических преобразований, за мир и социальный прогресс.

Дальнейшее развитие линия партии по женскому вопросу нашла в решениях VI съезда КПЯ, состоявшегося в 1947 г. В своем обращении к народу «Во имя национальной независимости» партия предложила, чтобы все патриоты, все мужчины и женщины боролись за реализацию требований Потсдамской декларации, за демократизацию и демилитаризацию страны, улучшение жизни народа, восстановление полного суверенитета страны, против планов империалистического порабощения народов, за мир во всем мире.

VI съезд КПЯ рассмотрел и организационные вопросы, связанные с женским движением. Съезд предложил создать единый женский фронт на базе уже существовавшего Совета женских организаций борьбы за национальную независимость и мир (Нихон миндзоку-но докурису то хэйва-о мэдзасу тосо-но тамэ фудзин дантай кёгикай). Партия поставила задачу — создать такой единый фронт женщин, который составил бы надежное звено широкого общенационального демократического фронта.

Отвечая на призыв партии, в женском движении стали активно включаться женотделы профсоюзов, входивших во Всеяпонский конгресс производственных профсоюзов, стоявший на боевых революционных позициях. Женщины активно вступали в профсоюзы для того, чтобы в рядах организованного рабочего класса вести успешную борьбу против голода и разрухи, за улучшение жизни народа, за демократические права, против дискриминации, за охрану материнства. Многим женотделам профсоюзов удавалось включить эти требования в коллективные договоры.

В первые послевоенные годы на новой основе возобновили деятельность некоторые довоенные женские организации (Союз крестьянок за чистоту нравов и др.) и были созданы новые: Союз женщин новой Японии (Синнихон фудзин домэй), позже реорганизованный в Союз борьбы за права женщин (Фудзин юкэнся домэй), Лига воспитания в духе демократии (Минсю кёйку рэммэй), Женский демократический клуб (Фудзин минсю курабу), который под руководством Юрико Миямото и Тосико Хани сыграл важную роль в женском движении на демократической основе.

В 1948 г. по инициативе КПЯ был проведен съезд японских женщин, на котором был создан Совет демократических женщин Японии (Нихон минсю фудзин кёгикай, сокр. Минфукё) — первая женская демократическая организация, в которую входили не только работающие женщины, но и женщины-домохозяйки. Совет объединил в своих рядах свыше 600 тыс. женщин из 44 женских организаций, входивших до этого в различные демократические объединения. Он имел не только центральное правление, но и широкую сеть местных организаций. Минфукё входил в Международную демократическую федерацию женщин.

Совет вел активную работу в общенациональном масштабе. Он стал центром притяжения всего женского движения и инициатором проведе-

⁹ См.: И. И. Коваленко. Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны. М., 1979, с. 238—253.

ния многих крупных мероприятий общепонского характера. Минфукё впервые организованно отметил в Японии Международный женский день 8 Марта, провел женский Конгресс за мир, оказал большую поддержку забастовщикам кинокомпании «Тохо», активно поддержал борьбу рабочих государственных железных дорог, провел кампанию за увеличение ассигнований на расширение сети детских учреждений.

Однако деятельность Минфукё все же носила ограниченный характер, так как женские отделы политических партий не входили в его состав. С тем чтобы придать Совету демократических женщин более широкий характер, была достигнута договоренность между политическими партиями о создании надпартийной общенациональной женской организации. Такая организация была образована в 1949 г. на конгрессе, посвященном дню женщины, под названием Совет женских организаций Японии (Фуданкё). Его основу составили 44 женские организации, которые раньше входили в Совет демократических женщин.

После перехода японской реакции и американских оккупационных властей в наступление против демократических сил, когда КПЯ вынуждена была уйти в подполье, были предприняты нападки и на женское демократическое движение. Правительству и штабу Макартура удалось нанести серьезные удары не только по левым профсоюзам, но и по женским отделам, а Совет демократических женщин (Минфукё) фактически прекратил свою деятельность. После начала американской агрессии в Корее в руководстве Фуданкё появились серьезные разногласия, которые привели к свертыванию этой организации.

Следует сказать, что демократическое движение японских женщин шло в одном ряду с другими боевыми отрядами японских демократических сил и внесло весомый вклад в борьбу против японо-американской реакции. Демократические организации японских женщин активно участвовали в подготовке общенациональной стачки 1 февраля 1947 г., участвовали в общенародных выступлениях против реакционной деятельности японских властей и штаба Макартура, особенно ярко проявившейся в таких провокационных инцидентах, как «дело Мацукава» и «дело Митака».

Они активно боролись против раскольнической деятельности правореформистских деятелей, начавших движение за «демократизацию профсоюзов», завершившееся развалом Всеяпонского конгресса производственных профсоюзов, стоявшего на боевых классовых позициях. Женский фронт сыграл свою позитивную роль в борьбе против сан-францисской системы договоров, против использования Японии в качестве военной базы в войне против корейского народа.

После подписания мирного договора японское правительство под прикрытием политики «рационализации» промышленности продолжало наступление на права и свободы японских трудящихся, завоеванные в первые годы послевоенного периода. Правящие круги разработали широкую систему мер подавления демократического движения, усилена эксплуатация рабочего класса, трудящихся города и деревни. Не остались вне поля зрения правительства и японские женщины, составляющие более $\frac{1}{3}$ рабочего класса. Наряду с жестокой эксплуатацией женского труда, оплачиваемого в Японии в два раза ниже, чем труд мужчин, монополистический капитал усиливал давление на духовную жизнь японских женщин. Начался ускоренный процесс восстановления старой системы семейных отношений, введения в программы школьного обучения чисто женских предметов.

В этих условиях центр женского движения временно переместился на периферию страны, в сельские районы. Здесь были созданы Совет связи местных женских организаций (Тифурэн), Совет связи сельских женщин (Нофукё) и ряд других организаций и групп. На различных предприятиях, где используется в основном женский труд, возникали женские

забастовки. Внимание японской общественности было привлечено к забастовкам в универсаме «Мицукоси», в крупном магазине детских сладостей «Фудзи коронбан», на прядильной фабрике «Оми кэнси» и др. В забастовочной борьбе вместе с мужьями все чаще участвовали и их жены. Так, на угольной шахте «Мицун» жены помогли мужьям выиграть забастовку. Были созданы Ассоциация жен шахтеров (Кофукё), Общество семей рабочих-железнодорожников (Кокутэцу кадзокукай), организации домохозяек, которые все чаще объединяли свои усилия в борьбе против дороговизны, за улучшение жизненных условий.

Подъем общенародной борьбы за заключение всестороннего мирного договора, за ликвидацию американских баз, за запрещение ядерного оружия создавал необходимые предпосылки для сплочения женского фронта. В 1951 г. видные деятельницы женского движения Райтё Хирацука, Фусаэ Итикава, Тонари Камндай организовали движение за сбор подписей под обращением к сенату США с требованием прекратить гонку вооружений. Большой успех имели публичные выступления Томи Кора, которая была первым депутатом японского парламента, посетившим Советский Союз после окончания войны. Ее взволнованные и правдивые высказывания о нашей стране получили широкий отклик в Японии.

Важным событием в женском движении явилось создание в 1953 г. Федерации японских женщин (Фуданрэн), которая стала преемницей демократических традиций Минфукё. В 1954 г. ряд женских организаций — Ассоциация юристок-демократов (Фудзин хорицука кёкай), Союз защиты прав женщин (Фудзин дзинкэн ёго домэй), Союз женщин за избирательное право (Фудзин юкэнся домэй), Ассоциация домохозяек (Сюфурэн), Федерация местных женских организаций (Тифурэн) и Совет молодежных организаций (Сэйнэн дантай кёгикай) — при поддержке со стороны Федерации японских женщин (Фуданрэн) и Ассоциации женщин Сохё начали кампанию борьбы против возрождения старых семейных отношений, которая вылилась в широкие единые действия демократических сил Японии. Объединение усилий женских и молодежных организаций положительно сказалось на массовых выступлениях трудящихся против введения аттестации учителей, против нового полицейского законопроекта, ущемлявшего права народа, против законопроекта о предотвращении политических насилий. Особенно ярко проявился боевой дух японских женщин в ходе борьбы против японо-американского «договора безопасности».

Заметным событием в женском движении Японии стало ежегодное проведение Конгресса матерей (Хахаоя тайкай), на котором собирается огромное количество японских матерей, желающих счастья своим детям. Первый такой конгресс собрался в 1955 г. С тех пор он уже более 27 лет функционирует как постоянно действующая организация совместной борьбы, спланирующая 36 женских организаций.

Конгресс матерей стал важной формой участия японских женщин в политической жизни страны. На 5-м Конгрессе матерей была, например, принята Декларация протеста против японо-американского «договора безопасности». В работе 25-го Конгресса матерей (июль 1979 г.) участвовало 16 тыс. человек. У матерей Японии вызвало чувство огромной благодарности Обращение конгресса, в котором содержались следующие слова: «Любовью и действиями матерей сделаем год детей благополучным, обеспечим детям мирное и безопасное будущее»¹⁰.

Наряду с Конгрессом матерей в Японии ежегодно проводятся Конгрессы трудящихся женщин в защиту детей. В работе 24-го Центрального съезда Конгресса работающих матерей (Хатараку фудзин-но тию тайкай) участвовало более 3 тыс. делегатов. Съезд прошел под лозунгами: «За повышение места работающих женщин, играющих важную роль в

¹⁰ «Дзэн-эй» (спец. выпуск), 1980, № 452, с. 454.

производстве и хозяйстве!», «Сделаем 80-е годы годами прогресса и обновления на основе формирования единого фронта обновления!»¹¹ Съезд призвал к развитию движения за права женщины, за повышение их места в обществе.

В августе 1969 г. состоялся первый семинар организаций детского воспитания. В 1978 г. на 10-м семинаре этих организаций было принято решение о создании постоянного органа по связям с организациями детского воспитания. Так возник научный совет связи организаций детского воспитания, проводящий большую работу в области демократического воспитания подрастающего поколения.

Если первый японский конгресс матерей был созван в ответ на призыв Международного конгресса матерей развернуть борьбу за запрещение ядерного оружия, то первая Встреча трудящихся женщин была созвана в ходе подготовки к участию японской делегации в работе первого Всемирного конгресса трудящихся женщин. Это свидетельствует о том, что развитие женского движения в Японии тесно связано с деятельностью МДФЖ, которая объединяет демократические силы международного женского движения.

Большую помощь демократическому женскому движению оказала VI Национальная конференция КПЯ (1955). Она осудила имевшие ранее место попытки некоторых деятелей навязывать женскому движению политическую линию КПЯ и указала на необходимость сплочения женского фронта на основе требований самих женщин. IV пленум ЦК КПЯ (1956) назвал женское демократическое движение одной из важнейших сил национально-освободительной демократической революции и потребовал от коммунистов самого внимательного отношения ко всем отрядам женского движения независимо от их политических взглядов и партийной принадлежности.

С большими трудностями женское движение столкнулось в период интенсивного развития японской экономики, ее структурной перестройки. Монополистический капитал пытался переложить все тяготы «рационализации производства» на плечи трудящихся, в том числе женщин. Это выдвигало перед КПЯ и другими левыми силами вопрос о необходимости нового подхода к массовому движению, включая его женский отряд.

В новой программе КПЯ, принятой на VIII съезде в 1961 г., были определены направления работы партии и в области женского движения. «Партия, — подчеркивалось в программе, — борется против всякого неравноправия женщин в труде и в общественной жизни, за расширение демократических прав и повышение роли женщин в общественной жизни, за обеспечение государственной помощи матерям и за неукоснительное соблюдение «Хартии в защиту детей», за создание общественных учреждений и проведение мероприятий по охране здоровья и благополучия детей»¹².

КПЯ понимала, что реализация ее программных требований по женскому вопросу может успешно продвигаться вперед только в том случае, если будет создана широко разветвленная общенациональная организация, способная объединить и поднять на борьбу многомиллионные массы женщин. И партия приступила к созданию такой организации. В 1962 г. было создано Общество женщин новой Японии (Синнинхон фудзин-но кай), которое стало ведущей общенациональной женской организацией, объединяющей женщин различной политической ориентации. В основу своей деятельности общество положило борьбу за удовлетворение насущных нужд женщин, и прежде всего женщин-работниц: за лик-

¹¹ См.: «Дзэнзэй», 1980, № 452, с. 454.

¹² Цит. по: И. И. Коваленко. Очерки истории Коммунистической партии Японии после второй мировой войны. 1945—1961. М., 1981, с. 279—280.

видачно дороговизны, против повышения цен на рис и другие продукты, за улучшение жилищных условий, бесплатное обучение в школах, бесплатную вакцинацию детей, улучшение дела охраны материнства и т. п.

КПЯ ориентировала своих членов на то, чтобы борьба за достижение этих целей велась в неразрывной связи с борьбой против капиталистической рационализации и ее тяжелых последствий для работающих женщин. Используя конкретные факты, партия мобилизовала массы на борьбу против уродливых форм капиталистической эксплуатации и самоуправства предпринимателей. В 1964 г. работница завода «Сумитомо сэ-мэнт» возбудила дело против незаконного увольнения за то, что она вышла замуж. Профсоюз встал на ее защиту. Суд вынужден был принять решение в пользу уволенной. Подобная борьба оказывает большое влияние на сознание трудящихся женщин, стимулирует их активные выступления.

Опыт научил японских женщин, что экономическая борьба не дает должного эффекта, если она не дополняется политической борьбой. Поэтому Общество новой Японии и другие женские организации наряду с экономическими выдвигают и политические требования. Наиболее важные из них — борьба за мир, против милитаризации страны, за ликвидацию японо-американского «договора безопасности», ликвидацию американских военных баз на территории Японии. Особенно широкий размах приобрела кампания женщин против американской агрессии во Вьетнаме. Женщины — члены Общества новой Японии, Фуданрэн, Ассоциации защиты детей и других организаций проводили митинги под лозунгом: «Нет грязной войне!», проводили сбор подписей, собирали средства для героического вьетнамского народа, направляли во Вьетнам подарки для женщин и детей, в первую очередь для сирот войны.

В связи с Международным женским годом в Японии были созданы организации совместной борьбы с участием 17 различных женских организаций, выступающих за мир, за полное запрещение ядерного оружия. Они направили послание Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению с требованием запретить ядерное оружие и другие средства массового уничтожения. Женские демократические организации совместно с другими организациями японских женщин — Японским христианским обществом (Куристокё дантай), Японской ассоциацией медсестер (Нихон кангофукай) и др. — обратились с письмом к правительству, в котором содержался протест против введения в Японии чрезвычайного законодательства.

Женское демократическое движение уделяет большое внимание защите жизни детей. По инициативе Общества женщин новой Японии было организовано широкое движение против упадка культуры и морали. Участники движения требовали закрытия автоматов, продающих порнографические открытки, и прекращения порнографических передач по телевидению и т. д.

Пытаясь закрыть женщинам дорогу к политической и общественной деятельности, правящие круги используют правую социал-демократию для раскола прогрессивных женских организаций. В 1964 г. было расколото Общество трудящихся женщин, в 1970 г. произошел раскол в Женском демократическом клубе. Ряд крупных профсоюзных объединений стал отказываться принимать участие в Конгрессе матерей.

Наряду с женскими организациями, действующими под руководством КПЯ, в Японии существуют сильные организации женщин, находящиеся под влиянием реформистских партий. Конгресс японских женщин (Нихон фудзин кайги, 45 тыс. членов) находится под контролем СПЯ. К СПЯ примыкает и Женский совет Сохё (450 тыс. членов). Общество демократических женщин Японии (Нихон минсю фудзинкай, 20 тыс. членов) направляется Партией демократического социализма. Союз домохозяек (Сюфу домэй, 200 тыс. членов) примыкает к партии Комэйто. На-

званные организации также ведут значительную работу среди женщин. Однако их сектантская позиция часто мешает единым действиям всех женских организаций. Этому содействует созданный ЛДП в 1975 г. Совет японских женщин (Нихон фудзин кёгикай, 1 млн. членов), через который правящие круги пытаются воздействовать на женское движение в нужном для них направлении.

В начале 70-х годов, когда Япония вступила в полосу кризисного развития, правящие круги и монополии пытались выйти из кризиса за счет трудящихся. Особые тяготы несли женщины. Их по-прежнему в последнюю очередь брали на работу и первыми увольняли. Их семьи страдали от инфляции, высоких цен, жилищных трудностей. Крупным успехом левых партий было создание Народного комитета связи для борьбы против инфляции, повышения цен, за сохранение уровня жизни (Инфрэ босси, букка неагэ хантай, сэйкацу кики топпа). В состав этого комитета вошли КПЯ, СПЯ, Сохё — всего 69 массовых организаций.

Женщины принимали самое активное участие во всех политических акциях, проводившихся демократическими силами в этот трудный для японской экономики период. Женские организации были неизменными участницами мероприятий, направленных против автоматического продления «договора безопасности», против захода американских кораблей с ядерным оружием в японские порты, они были в первых рядах борьбы за запрещение ядерного оружия, за упрочение мира.

В условиях, когда КПЯ выработала линию на приход к власти мирным путем, еще большее значение приобретает вопрос о проведении избирательных кампаний. Избрание в парламент и местные муниципальные собрания большого числа коммунистов открывает новые возможности для улучшения жизни народа и положения японских женщин.

Японские женщины оказывают большое влияние на ход и результаты общенациональных и местных выборов. По данным переписи за 1975 г., число женщин-избирательниц составило 39 700 тыс., что на 2600 тыс. больше, чем число избирателей-мужчин. Женщины, принимая участие в выборах, оказывают воздействие на социальный состав парламента и местных органов самоуправления. Однако за КПЯ голосует сравнительно небольшой процент женщин. Исследования, осуществленные Комитетом по проведению справедливых и честных выборов в палату советников в 1977 г., показали, что 39,8 % избирательниц отдали свои голоса кандидатам от ЛДП. В сельской же местности этот процент был еще выше: 69 % женщин-избирательниц проголосовали за ЛДП. За Социалистическую партию отдали свои голоса 21,2 % женщин, за Комэйто — 7 %, за КПЯ проголосовало 5 % женщин, что на 2,4 % меньше по сравнению с выборами 1974 г. От партии отошли молодые женщины и женщины среднего возраста (от 20 до 40 лет). Исследования показали также, что процент женщин, не голосующих ни за какую партию, увеличился с 23,1 % в 1974 г. до 32,3 % в 1977 г.¹³

Приведенные данные о политических симпатиях женщин подтверждают правильность и актуальность указаний XIV съезда КПЯ о необходимости усиления работы среди женщин различных социальных групп и всех возрастов. «В женских массах накопилась большая демократическая энергия, которая может непосредственно повлиять на изменение общественной жизни, но эта демократическая энергия женщин в политическом отношении остается неиспользованной»¹⁴.

Важнейшей областью деятельности КПЯ является борьба за улучшение материального и политического положения японских женщин в обществе. В программе коалиционного демократического правительства, выдвинутой КПЯ, предусматривается повышение общественного и эко-

¹³ См.: Фудзин мондай то нихон кёсанто, с. 38.

¹⁴ «Акахата», 24.IV.1978.

номического положения женщины при этом правительстве. Депутаты-коммунисты уже сейчас ведут борьбу за улучшение жизни женщины. Они внесли на обсуждение парламента несколько важных предложений по женскому вопросу: законопроекты «Об усилении охраны материнства», «О новом тарифе оплаты содержания ребенка в детских яслях», «О новом порядке найма на работу одиноких матерей», «О повышении юридического положения жен». Японские женщины на деле убеждаются, что КПЯ отстаивает их интересы, заботится об их неотложных нуждах.

КПЯ провела большую работу в ходе подготовки и проведения Международного года женщин, который отмечался в 1975 г. Она внесла ряд важных поправок к правительственному Плану действий в год женщины и выдвинула свою комплексную программу «За улучшение положения женщин в обществе, в защиту их прав». Широкая программа действий по улучшению жизни японских женщин, представленная КПЯ, побудила и другие партии и организации выступить со своими планами. Сохё и Домэй вынуждены были представить свои предложения, выдвинув требования о равноправии женщин и охране материнства.

Можно сказать, что в связи с Международным годом женщин интерес к женскому вопросу повысился во всех слоях общества. Наметилась определенная тенденция к повышению статуса женщины в обществе. В Японии был создан комитет из 41 общественной организации по созову съезда японских женщин в связи с проведением Международного года женщин. В числе принятых съездом решений важнейшими были требования о повышении роли женщины в обществе, обеспечении равенства женщин с мужчинами при оплате труда, введении закона о трудовых стандартах, пенсионного обеспечения для женщины и др. Из числа женщин — депутатов парламента была создана надпартийная Лига депутатов, которая обратилась к правительству с конкретными предложениями об улучшении положения японских женщин. Одновременно по всей стране были проведены демонстрации протеста против попыток правительства ЛДП ухудшить закон о трудовых стандартах, ущемлявший права трудящихся женщин. В Японии ширится также движение за принятие закона о равенстве женщин с мужчинами.

КПЯ в 1978 г. разработала комплексный план усиления работы среди женщин. Он предусматривает меры по расширению круга организаций, входящих в Фуданрэн; усиление влияния Общества новой Японии и Комитета по связям за реорганизацию Женского демократического клуба; увеличение численного состава левых женских организаций; более активное привлечение к проведению совместных действий на основе общих интересов и требований таких крупных организаций женщин, как Тифурэн (6,5 млн. членов), Совет женщин — членов сельскохозяйственной кооперации (Нокё фудзин кёгикай, 2600 тыс. членов), Национальный совет организаций вдов (Дзэнкоку мибодзин дантай кёгикай, 1 млн. членов), Японский молодежный совет (Нихон сэйнэн кёгикай, 400 тыс. членов).

Особое значение КПЯ придает демократическому усилению женских отделов профсоюзов, объединяющих 340 тыс. человек, а также вовлечению неорганизованных работниц в профсоюзы. В настоящее время процент организованных женщин составляет всего 28,3 % общего числа трудящихся женщин. Большого внимания со стороны партии требует и работа среди временно нанятых женщин, число которых достигает почти двух миллионов.

Трудящиеся женщины Японии, несмотря на важную роль, которую они играют в сфере производства, продолжают оставаться в неравноправном положении. Дискриминация женщин проявляется во всем: в зарплате, найме, продвижении по службе, в первоочередном увольнении. За равный труд женщина получает 55,8 % зарплаты мужчины. На производстве и в конторах им поручают в основном вспомогательные

виды работ, не требующие высокой квалификации. До сих пор девушек, вышедших замуж, а также беременных женщин увольняют с работы. В Японии женщина, как правило, уходит на пенсию в возрасте 40 лет. Подобного рода явлений нет в других промышленно развитых капиталистических странах. В Японии женщины, занимающие ответственные посты, составляют не более 3 % доли мужчин, в то время как в ФРГ — одну треть, в США — четверть всех мужчин-руководителей.

По данным исследования, проведенного Центром народной жизни (Кокумин сэйкацу сэнта) в 1977 г., 93 % домохозяйек выразили недовольство или беспокойство в связи с дороговизной жизни, плохим обеспечением старости, дорогостоящим жильем, высоким уровнем загрязнения окружающей среды.

Япония занимает последнее место среди промышленных стран в области охраны материнства трудящихся женщин. В 1973 г. у 54,9 % женщин были ненормальные роды. То же самое можно сказать относительно декретного отпуска. Если в Италии, например, обычно отпуск по беременности составляет 8 недель до родов и 12 недель после родов, то в Японии — 6 недель до родов и 6 после родов. Однако не все японские женщины пользуются даже этим правом, так как отпуск предоставляют менее 40 % предприятий и контор.

Неравноправное положение женщин в обществе создает объективные предпосылки для их вовлечения в борьбу за широкие демократические преобразования, за мир и социальный прогресс. КПЯ ставит перед собой задачу расширить влияние партии среди 40-миллионного самостоятельного женского населения путем укрепления связей партийных организаций с широкими массами женщин, усиления борьбы за удовлетворение их насущных требований. В ноябре 1978 г. КПЯ провела национальную конференцию женщин-активисток. Конференция определила лозунги борьбы на парламентских выборах 1979 г. Было решено, что «проблема места женщины и воспитания детей» должна стать одним из моментов противоборства в борьбе за овладение парламентом.

В июле 1979 г. КПЯ предложила принять закон о равенстве мужчин и женщин на производстве и обеспечении прав женщины, а также внести поправки в закон о трудовых стандартах с целью улучшить дело охраны материнства.

В решении XIV съезда КПЯ указывается: «Наше демократическое женское движение (Фуданрэн, Синфудзин, Комитет связи за реорганизацию Женского демократического клуба) сыграло и играет большую роль на женском фронте. Однако в свете исторической задачи мобилизации всей демократической энергии японских женщин развитие женского демократического движения еще не достигло желательного результата. С учетом этого партия будет и дальше способствовать развитию демократического женского движения»¹⁵.

В решении съезда подчеркивается, что для этого необходимо укреплять те женские организации, которые поддерживают политику КПЯ, и прежде всего Синфудзин, которая идет в первых рядах женского движения. Синфудзин имеет свои отделения во всех префектурах страны и насчитывает 155 тыс. членов.

Синфудзин не обязывает своих членов поддерживать какую-либо определенную партию. Ее двери открыты для всех, кто принимает следующие лозунги: защита жизни женщин и детей от опасности ядерной войны; борьба против пересмотра конституции в худшую сторону; борьба против возрождения милитаризма; борьба за улучшение жизни и права женщин, за счастье детей; достижение подлинной независимости Японии; борьба за демократию и освобождение женщин; борьба за прочный мир на земле вместе с другими женщинами мира.

¹⁵ «Акахата», 29.II.1978.

Японские женщины, испытавшие на себе ужасы атомных бомбардировок, идут в первых рядах борцов за мир, против гонки ядерных вооружений, за спасение человечества от грозящей ему атомной опасности. Они составляют едва ли не самую активную силу в общенациональном движении за мир, развернувшемся на японских островах. Японские женщины являются неизменными участницами различных митингов и собраний, посвященных борьбе против ядерного оружия, они вместе со своими детьми составляют основную массу тех миллионов людей, которые ежедневно маршируют по стране, требуя мира и протестуя против перевооружения Японии. Женщины — активные организаторы сбора подписей под антинатомными воззваниями. В ходе борьбы за мир, за разрядку напряженности, за мирную демократическую Японию женщины проходят хорошую школу политической борьбы, повышают свое классовое самосознание, становятся одним из наиболее активных отрядов японских демократических сил.

Кроме Синфудзин, на классовых позициях стоит Федерация японских женщин (Фуданрэн). Она проводит линию на сотрудничество и единые действия в защиту мира и демократии, за повышение роли женщины в обществе с такими крупными женскими организациями, как Федерация местных женских организаций (Тифурэн), Совет женщин — членов сельскохозяйственной кооперации (Нокё фудзин кёгикай), Национальный совет организаций вдов (Дзэнкоку мибодзин дантай кёгикай), Японский молодежный совет (Нихон сэйнен кёгикай).

Синфудзин и Фуданрэн поддерживают тесный контакт с КПЯ и сотрудничают с ней, но одновременно они предоставляют своим членам свободу вероисповедания и политических убеждений. Члены КПЯ, входящие в Синфудзин, не имеют права навязывать другим членам организации платформу партии. Вместе с тем они должны активно разъяснять политику КПЯ, поднимать идейно-теоретический уровень непартийных членов организации.

Руководство КПЯ уделяет постоянное внимание приему в партию женщин. Ко времени проведения XIV съезда КПЯ женщины составляли 35 % всех членов партии. Многие женщины занимают ответственные посты в партии, например должности заведующих отделениями (ячейками), директоров отделений по распространению газеты «Акахата». От КПЯ избрано 8 женщин в японский парламент и 380 — в местные муниципальные собрания. Вместе с независимыми и прогрессивными депутатами коммунисты составляют 40 % общего числа депутатов-женщин в органах местного самоуправления.

В помощь женскому партактиву ЦК КПЯ издает с 1978 г. ежемесячный женский журнал «Дзёсэй-но хироба». В нем рассказывается о жизни и борьбе японских женщин, рассматриваются вопросы руководства женским движением со стороны КПЯ.

Партия ориентирует своих членов на активное выдвижение женщин на руководящие партийные посты. Большое число активисток учится в партийной школе при ЦК КПЯ и в школах при областных комитетах партии. Привлечение на сторону КПЯ значительного числа женщин и расширение ее влияния в рядах женского движения — это большое достижение партии в условиях Японии, где до второй мировой войны женщинам вообще запрещалось вступать в политические партии. Это результат той огромной работы, которую провела КПЯ в широких народных массах. Вместе с тем это хороший показатель действенности и популярности политики КПЯ в различных слоях общества, в том числе среди женщин. Однако предстоит еще многое сделать, чтобы японская женщина заняла в обществе достойное место, а женское движение превратилось в мощный отряд борьбы за мир, демократию и социальный прогресс страны.

Об этическом учении Сюнь-цзы

*В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук*

История китайской философии дала немало имен выдающихся мыслителей, труды которых внесли существенный вклад в духовное развитие китайского общества. Имя Сюнь-цзы (313 (?) — 238 (?) гг. до н. э.) — философа-энциклопедиста, яркого и самобытного мыслителя — занимает среди них особое место. Его учение явилось, по существу, синтезом философской и общественно-политической мысли древнего Китая, обобщившим материалистические и атеистические тенденции в китайской философии того времени, переработавшим и развившим политическое учение Конфуция (551—479 гг. до н. э.) в соответствии с новыми явлениями жизни китайского общества.

Оригинальность Сюнь-цзы как мыслителя наиболее выпукло проявилась в его этическом учении, которое послужило теоретической основой социально-политических взглядов философа и явилось фундаментом концепции правления «совершенного монарха».

Эта концепция оказала огромное влияние на идеологическое обоснование необходимости централизованного китайского государства во главе с «просвещенным монархом», поэтому научный анализ философской основы этого учения представляется крайне важным, поскольку позволяет выявить те этические компоненты, которыми Сюнь-цзы обосновывал принципы «совершенного» правления и общественных отношений в сфере управления.

* * *

В основу социально-политических взглядов Сюнь-цзы легли его представления о происхождении человеческого общества и всеобщей закономерности исторического развития, суть которых кратко сводится к следующему. Происхождение человеческого общества, способность людей «жить сообща» Сюнь-цзы выводит из разделения обязанностей между людьми, а само это разделение в свою очередь рассматривается философом как следствие нравственных качеств человека, степени обладания им «чувством долга». Закономерность же общественных процессов, по мысли Сюнь-цзы, выражается в «ритуале» и «чувстве долга», осознанных мудрыми правителями прошлого и заложенных ими в качестве принципов, призванных преодолеть «дурную природу» человека. Врожденные свойства человека, его «природа» рассматриваются философом как исходный момент общественной закономерности «дао». В соответствии с этим учение Сюнь-цзы о «дурной природе» человека выступает как общая теоретическая основа всей социально-политической концепции философа.

Под «природой человека» Сюнь-цзы подразумевал те его врожденные свойства, которые даны ему «небом» (то есть природой) и которых «нельзя добиться через учебу и практическую деятельность». Таково общее определение этого понятия, которое встречается в ряде трактатов

Сюнь-цзы («Исправление имен», «О ритуале», «Конфуцианский образец»). Однако в трактате «О дурной природе человека» появляется, как видно даже из его названия, другое определение, уже включающее в себя качественную оценку врожденных свойств человека. Какое же конкретное содержание вкладывает Сюнь-цзы в понятие «дурная природа человека»? «Человек по своей природе дурен, — пишет он в этом трактате, — его добродетели порождаются [практической] деятельностью! Ныне человек рождается с [инстинктивным] желанием наживы; когда он следует этому желанию, то в результате появляется стремление оспаривать и грабить, исчезает желание уступать. Человек рождается завистливым и злобным; когда он следует этим качествам, то в результате рождается жестокость и вероломство, исчезают верность и искренность. Человек рождается с ушами и глазами, его влекут звуки и красота; когда он следует этим желаниям, рождается распушенность, исчезают нравственность и культура. Таким образом, из природы человека, его стремления удовлетворить свои чувства рождается желание оспаривать и грабить, совершать то, что идет вразрез с его долгом, нарушаются все принципы, что ведет к беспорядку»¹. Здесь под «дурной природой» человека Сюнь-цзы понимает, по существу, неограниченное стремление человека удовлетворить свои «инстинктивные», примитивные желания и чувства, что порождает беспорядок и смуту в стране. Эта же мысль — о врожденном стремлении человека удовлетворить все свои первичные желания как о причине беспорядков в государстве — проводится Сюнь-цзы и в других его трактатах: «О ритуале», «Исправление имен», «Обогащение государства». В трактате «О ритуале» Сюнь-цзы, например, пишет: «Человек от рождения обладает желаниями; когда эти желания не удовлетворяются, неизбежно возникает стремление добиться [их удовлетворения]; когда в этом стремлении [человек] не знает границ и пределов, неизбежно возникает соперничество. Когда возникает соперничество, это приводит к смуте, а смута к нищете»².

Теория Сюнь-цзы о «дурной природе человека» была непосредственно направлена против учения Мэн-цзы о «доброй природе человека». Мэн-цзы следующим образом рассуждал о врожденных свойствах человека: «Природная доброта человека подобна [естественному] течению воды вниз: как нет воды, которая не текла бы вниз, так нет и людей, которые не стремились бы [от рождения] к добру»³. Отсюда Мэн-цзы делал вывод, что цель воспитания людей — в развитии заложенного в них доброго начала.

Против этих положений Мэн-цзы и выступил Сюнь-цзы, отстаивая прямо противоположный тезис. Эту позицию Сюнь-цзы можно объяснить как реакцию философа на реальную историческую обстановку его времени, характеризовавшуюся резким обострением социальных конфликтов, упадком нравов в среде господствовавших классов, непрерывными междоусобными войнами, сопровождавшимися грабежами и разбоем, несоблюдением традиционных ритуалов и норм поведения. Оставаясь, как и Мэн-цзы, на идеалистических позициях в толковании «природы» человека, Сюнь-цзы тем не менее показал себя более вдумчивым и реалистически мыслящим философом, в большей степени, нежели его предшественник, учитывавшим в своих взглядах действительные процессы современного ему общества. Возражая Мэн-цзы, Сюнь-цзы постоянно оперирует фактами, свидетельствующими о «неприглядном» и «дурном» в стремлениях и поступках людей. Философ убежден, что эти свойства человека заложены в нем природой, так же как и способность органов чувств воспринимать мир. «Если говорить о том, — пишет Сюнь-цзы в

¹ Чжуцзы цзинчэн, т. II. Шанхай, 1935, с. 289.

² Там же, с. 231.

³ Там же, т. I, с. 433—434.

трактате «О дурной природе человека», — что глаза [человека] любят красоту, уши — музыку, рот — [приятный] вкус, что в мыслях [человека] — стремиться к наживе, что его тело и кожа любят праздность, то это есть продукт природы человека! Все это проявляется постепенно, как результат восприятия [человеком внешнего мира]»⁴. Развивая эту мысль, Сюнь-цзы делает далее логический вывод, что все хорошее, что совершает человек, противоречит его врожденным свойствам. «Следуя своей природе, — пишет Сюнь-цзы в том же трактате, — человек стремится поесть досыта, когда он голоден; быть в тепле, когда ему холодно; отдохнуть, когда он устал от тяжелой работы. Таковы врожденные чувства человека. Когда человек голоден, он, видя рядом старшего, не осмеливается есть первым — это значит [лишь], что он уступает [это право старшему]. Когда человек устал от работы, но не осмеливается просить об отдыхе, это значит [лишь], что он стремится работать за старших. То, что сын уступает отцу, младший брат — старшему, и то, что сын работает за отца, а младший брат — за старшего, эти две категории поведения человека противоречат его природе, идут вразрез с его чувствами. Между тем именно таков путь почитания родителей, именно в этом состоит культура, рождающаяся из соблюдения ритуала и выполнения долга. Поэтому когда человек следует своей природе, своим чувствам, он невежлив и неуступчив; [и наоборот,] когда человек вежлив и уступчив, это противоречит его природе»⁵.

Средством, позволяющим преодолеть врожденные дурные свойства человека, Сюнь-цзы считал воспитание его в духе соблюдения норм ритуала и чувства долга. «Необходимо воздействие на человека с помощью воспитания, — писал он, — нужно заставить (разрядка моя. — В. Ф.) его соблюдать ритуал и выполнять свой долг — только тогда у человека появится уступчивость и он станет культурным, что приведет к порядку... Как кривой кусок дерева нуждается в зажиме для выпрямления, причем дерево нужно подогреть и выправить, только после этого оно сможет стать прямым; как тупой кусок металла нуждается в ковке и точке, только после этого он может стать острым, — так и человек, который по своей природе дурен, нуждается в воспитании с помощью [мудрого] учителя и только после этого сможет стать на правильный путь; на него необходимо воздействие ритуала и чувства долга, только тогда он сможет соблюдать порядок»⁶.

Ритуал и чувство долга, таким образом, противопоставляются у Сюнь-цзы природе человека, прививаются человеку извне как нечто противоречащее его врожденным качествам. Совершенно противоположный тезис отстаивал Мэн-цзы. «Если [человек] следует своим [врожденным] чувствам, он может стать добрым, — отмечал этот философ. — Вот что я имею в виду, когда говорю, что [человек от природы] добр. Если [человек] не становится добрым, [природные] свойства здесь не виноваты... Человеколюбие, чувство долга, соблюдение этикета, а также знания не вкладываются в нас извне, они присущи нам от рождения»⁷.

Во времена Сюнь-цзы подобная теория выглядела совершенно неправдоподобно и, что самое главное, не могла объяснить причин политического хаоса, раздиравшего страну, — хаоса, который противоречил постулату Мэн-цзы о доброй природе человека. Поэтому, отвергнув эту теорию как «нереальную», Сюнь-цзы пытается найти объяснение социальной и политической неустойчивости общества в прямо противоположном — во врожденных дурных свойствах человека. Тезис Сюнь-цзы является, на наш взгляд, более активным, предполагающим вмешательст-

⁴ Чжуцзы цзинэи, т. II, с. 291.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 289.

⁷ Там же, т. I, с. 443—446.

во в общественную жизнь людей, в то время как теория Мэн-цзы призвала лишь к пассивному упованию на «естественную доброту» человека.

Происхождение установок на ритуал и чувство долга Сюнь-цзы связывает с деятельностью «мудрецов», то есть мудрых правителей древности Яо и Шуня. Сюнь-цзы пишет в трактате «О дурной природе человека»: «Спрашивают: если человек по своей природе дурен, то как же появились ритуал и чувство долга? Отвечаю: все нормы ритуала и долга появились как результат деятельности мудрецов, а не из врожденных качеств человека. Например, гончар с помощью формочек изготавливает из глины гончарные изделия; в этом случае гончарные изделия представляют собой продукт труда человека, а не выражение их природных качеств. Ремесленник, обтесывая дерево, изготавливает из него деревянные изделия; в этом случае деревянные изделия [также] представляют собой продукт труда ремесленника, а не продукт их природных качеств. Мудрецы в результате долгих размышлений и изучения причин [людских] поступков ввели [понятия] ритуала и чувства долга и создали систему законов... Мудрецы изменили собственную [человеческую] природу и стали первыми заниматься [практической] деятельностью; после того как появилась практическая деятельность, родились ритуал и долг; после того как родились ритуал и долг, были выработаны законы. [Таким образом.] ритуал, долг, законы — все это продукты [деятельности] мудрецов! Поэтому мудрецы не отличаются от других людей по своей природе, но отличаются от них и превосходят их своей деятельностью»⁸.

В приведенном отрывке Сюнь-цзы высказывает глубокую мысль о значении человеческой деятельности для выработки социально-этических норм. При всей идеализации личности мудрецов, сумевших изменить, преодолеть свою дурную природу, философ тем не менее обращает внимание на главное, что, по его мнению, отличает их от других людей, — на их способность к практической деятельности, в ходе которой только и возможно было выработать нормы поведения человека в обществе, откуда и их способность подавать пример. «Яо и Шуня как совершенных людей, — писал Сюнь-цзы, — ценят потому, что они смогли изменить свои врожденные качества, смогли положить начало (разрядка моя. — В. Ф.) практической деятельности людей, в результате чего появились ритуал и чувство долга»⁹.

* * *

Учение Сюнь-цзы о «дурной природе человека» как изначальной необходимости в ритуале и чувстве долга имеет четко выраженную политическую направленность. Из признания врожденными дурных свойств человека Сюнь-цзы выводит не только необходимость внешних норм поведения людей, но и необходимость верховной власти монарха, его господства над ними. «Когда говорят о добром в Поднебесной в древние времена и сейчас, — пишет философ, — то имеют в виду правильное соблюдение всех принципов, мир и порядок. Когда говорят о дурном, имеют в виду отклонение от всех принципов и беспорядок... Если бы человек по своей природе действительно правильно соблюдал все принципы и стремился к миру и порядку, зачем бы нужны были мудрые правители, ритуал и чувство долга?.. Однако в действительности [дело обстоит] не так: человек по своей природе дурен. В древние времена мудрецы, видя, что человек по своей природе дурен... именно поэтому и создали власть монарха, чтобы следить за людьми; разъяснили основы ритуала и долга, чтобы воспитывать людей; выработали законы и систему

⁸ Чжунцзы цзиньцзи, т. II, с. 291—292.

⁹ Там же, с. 295.

управления, чтобы господствовать над людьми; ввели наказания, чтобы пресекать [преступные действия] людей. Все это привело к тому, что все люди в Поднебесной смогли соблюдать порядок и стать добродетельными. Таково было правление мудрых правителей... Учреждение власти монарха среди людей, — резюмирует Сюнь-цзы, — и разъяснение им норм ритуала и чувства долга было вызвано тем, что человек по своей природе дурен!»¹⁰

Но в то же время Сюнь-цзы считал, что все люди, независимо от их социального положения, могут, «накапливая практическую деятельность, стать мудрецами», то есть воспринять нормы ритуала и руководствоваться чувством долга. «[Любой обычный] человек с улицы, — писал Сюнь-цзы, — может познать человеколюбие, чувство долга, правильные нормы [поведения] и в полной мере приобрести эти качества. Отсюда становится очевидным, что [обычный] человек с улицы может стать Юем!» Обосновывая этот тезис, Сюнь-цзы рассуждает вполне логично: «Если считать, что человеколюбие, чувство долга, строгое соблюдение норм [поведения], по существу, являются принципами, которые не могут быть познаны и приобретены, тогда даже Юй и тот не смог бы познать человеколюбие, чувство долга, строгое соблюдение норм [поведения] и следовать им!»¹¹

Возможность обретения принципов правильного поведения, считал Сюнь-цзы, заложена в каждом человеке. Однако не каждый человек способен реализовать эту возможность, и в этом, по мнению философа, причина того, что не все люди, а лишь «совершенные» становятся мудрецами, то есть правильно соблюдают ритуал и выполняют свой долг. «[Некоторые,] — писал Сюнь-цзы, — говорят: «Если, накапливая [практическую деятельность], можно стать мудрецом, тогда почему же все люди не становятся мудрецами?» Отвечаю: можно [по своему желанию, накапливая практическую деятельность, стать мудрецом], но нельзя стать им насильно! Поэтому ничтожный человек может стать совершенным, но не хочет (разрядка моя. — В. Ф.) сделать этого; совершенный человек может стать ничтожным, но не хочет сделать этого... Поэтому [говорить], что обычный человек с улицы может стать Юем, будет правильно, но [говорить], что все обычные люди с улицы способны стать Юем, едва ли будет верно. Хотя не все способны стать Юем, однако это отнюдь не меняет [того положения, что] они могут им стать»¹². Объяснение «несовершенства» людей приобретает в этом отрывке уже философский смысл: оно раскрывается через понятие объективно существующей «возможности» всех людей стать «совершенными», которая может быть реализована, однако лишь при определенном субъективном условии — осознании людьми необходимости сделать это. Именно такое значение вкладывает Сюнь-цзы в выражение «нельзя стать им (мудрецом. — В. Ф.) насильно»: само «насилие» над природой человека Сюнь-цзы не только не исключает, но, как было показано выше, предполагает в качестве средства «выправления» дурных врожденных свойств. Однако чтобы это «насилие» дало положительные результаты, необходимо субъективное желание людей «перевоспитываться» и постигать нормы правильного поведения. К этому и призвал Сюнь-цзы в приведенном отрывке.

Таким образом, в социально-политическом плане теория Сюнь-цзы «о дурной природе человека» представляет собой стройную и по-своему логично построенную концепцию, основанную на антропологическом объяснении происхождения власти монарха и норм поведения человека в обществе, а также на идеализации личности «мудрых правителей

¹⁰ Чжунцзы цзинчэн, т. II, с. 293—294.

¹¹ Там же, с. 295.

¹² Там же, с. 296.

древности», сумевших «преодолеть» в себе врожденные дурные свойства и выработать «в практической деятельности» правильные этические нормы как необходимую закономерность общественной жизни людей.

* * *

В формально-логическом плане концепция Сюнь-цзы может показаться противоречивой: если «природа» человека дурна, нелогично говорить, как это делает Сюнь-цзы в иных своих трактатах, о врожденной способности человека познавать окружающее, о способности разума постичь закономерность мира, об обладании людьми чувством долга как качестве, выделяющем их из животного мира, поскольку данные свойства человека не могут быть отнесены к разряду «дурных». Эту внешнюю противоречивость этических взглядов Сюнь-цзы справедливо подметил Го Можо в работе «Критика Сюнь-цзы». Однако правильно объяснить ее он не сумел. Более того, начав с утверждения, что концепция Сюнь-цзы о дурной природе человека «определяет, собственно, всю систему его философских взглядов», Го Можо в конце своего анализа этических воззрений философа приходит к прямо противоположному выводу: «Учение Сюнь-цзы о врожденных дурных свойствах является всего лишь вставкой, инородным телом (!) в системе его философских взглядов и не имеет органической связи ни с его воззрениями в области психологии, ни с его воззрениями в области педагогики»¹³. На наш взгляд, оба утверждения Го Можо неверны. Учение о «дурной природе человека» не «определяет» в целом философские взгляды Сюнь-цзы, оно служит теоретической основой лишь его социально-политической концепции и в этом смысле органически входит в его учение о методах приобретения знаний, в его педагогику, основным положением которой выступает тезис о том, что «ритуал — это то, с помощью чего люди и спр а в л я ю т (разрядка моя. — В. Ф.) себя; учитель — это тот, с чьей помощью люди становятся на правильный путь соблюдения ритуала»¹⁴. Что касается связи этических воззрений Сюнь-цзы с его взглядами «в области психологии», в которую Го Можо, судя по его анализу, включает и гносеологические представления философа, то на этом вопросе необходимо остановиться подробнее, поскольку именно этой связи, на наш взгляд, и не понял Го Можо.

Выше было показано, что под «дурной природой» человека Сюнь-цзы понимает не его сущность вообще, а лишь неограниченное стремление человека удовлетворить все свои инстинктивные желания и чувства. «Врожденные свойства [человека] даны ему от природы; чувства — это то, что присуще врожденным свойствам; желания — следствие чувств. Считать, что все желаемое доступно, и стремиться добиться этого — это то, чего невозможно избежать человеку в своих чувствах» — так определял Сюнь-цзы «дурное» во врожденных свойствах человека. Согласно учению Сюнь-цзы, эти «естественные», врожденные желания и чувства человек может «побороть», «умерить» с помощью разума, который, таким образом, стоит над чувствами и способен повелевать ими. Разум, понимаемый как нечто неадекватное психическим свойствам человека, в данном случае его чувствам и желаниям, Сюнь-цзы не включает в «дурные свойства» человека, а противопоставляет им. Вопрос, следовательно, заключается не столько в наличии самих врожденных чувств и желаний людей, сколько в характере следования им. Поэтому Сюнь-цзы все время подчеркивает мысль, что человек может и должен контролировать свои естественные чувства и желания, такую возможность дает человеку его разум. «Порядок или смута, — писал

¹³ Го Можо. Философы древнего Китая. М., 1961, с. 319.

¹⁴ Чжуцзы цичэн, т. II, с. 20.

Сюнь-цзы в трактате «Исправление имен», — зависят от того, что считает правильным разум [человека], а не от того, что он (человек. — В. Ф.) желает»¹⁵.

Только учитывая рационализм гносеологических и особенно политических взглядов Сюнь-цзы и относительный характер его понятия «дурная природа человека», можно правильно раскрыть действительную связь учения Сюнь-цзы о «дурной природе человека» с его философской концепцией. И тогда кажущееся противоречие этических взглядов Сюнь-цзы и философской основы его системы оборачивается достаточно стройной концепцией, объединенной как единым мировоззрением, так и внутренней логикой рассуждений.

Основная методологическая ошибка критики Го Можо этических взглядов Сюнь-цзы, на наш взгляд, состоит в антидиалектическом подходе к анализу отдельных высказываний философа, что привело Го Можо к превратному истолкованию понятия «дурная природа человека» и к искусственному, метафизическому противопоставлению этического учения Сюнь-цзы его философским взглядам вообще. Обнаружив формально-логические противоречия в рассуждениях Сюнь-цзы, Го Можо не делает даже попытки объяснить их теми местами из сочинений Сюнь-цзы, где раскрывается содержание тезиса о «дурной природе человека». Приводя известную уже нам цитату из трактата «О дурной природе человека», где Сюнь-цзы говорит, что человек по своей природе дурен и что его доброта приобретается в практической деятельности¹⁶, Го Можо обрывает ее как раз перед тем местом, где философ раскрывает смысл своего положения и объясняет, что он понимает под врожденными дурными свойствами человека. А в этом вся суть вопроса, ибо, как было показано выше, под врожденными дурными свойствами человека Сюнь-цзы понимает лишь его стремление удовлетворить свои инстинктивные желания и чувства, а не всю совокупность врожденных свойств человека. Сюнь-цзы никогда не исключал, например, из «природы» человека его врожденную способность познавать мир с помощью разума (через органы чувств), постигать нормы ритуала и развивать чувство долга (то есть приобретать те черты, которые составляют сущность «совершенного человека»). Наоборот, разум человека как раз и выступает у Сюнь-цзы той внутренней силой, которая способна преодолеть врожденные дурные свойства людей, ибо если бы в самом человеке не было заложено этой возможности, бесполезно было бы говорить о приобретении человеком «добрых качеств». Следовательно, положение Сюнь-цзы «человек по своей природе дурен» нужно понимать не абсолютно, а лишь в известном смысле, как «неразвитые», по удачному выражению американского сиолога Д. Мэнро, свойства человека, «которые порождают необходимость в учителях и руководстве, реализующих заключенную в природе (hsing) человека потенцию»¹⁷. Не увидев этих рамок понимания Сюнь-цзы «дурной природы человека», Го Можо, по существу, извращенно представляет его этическое учение, которое при таком подходе действительно противоречит философским взглядам Сюнь-цзы. Тенденциозное же цитирование Го Можо сочинений Сюнь-цзы лишь усугубляет это ошибочное представление. Приведем конкретный пример. Стремясь показать противоречие этической концепции Сюнь-цзы его философским представлениям о сущности человека вообще, Го Можо цитирует следующие отрывки из трактатов «Правление [совершенного] вана» («Ван чжи») и «Против проричательства» («Фэйсян»): «Вода и огонь обладают [материальными частицами] «ци», но не имеют жизни; трава и деревья [уже] обладают жизнью, но не имеют

¹⁵ Чжунцзы цзинь, т. II, с. 284.

¹⁶ Го Можо. Указ. соч., с. 310.

¹⁷ D. Munro. The Concept of Man in Early China. Stanford, 1969. p. 80.

[способности] воспринимать; птицы и звери уже обладают [способностью] воспринимать, но лишены чувства долга; человек обладает [материальными частицами] «ци», обладает жизнью, способен воспринимать и к тому же обладает чувством долга, поэтому он — самое дорогое в Поднебесной... Человека делает человеком не то, что только он имеет две ноги и не покрыт шерстью; человеком его делает [умение] различать [вещи]. У птиц и зверей есть родители и дети, но нет той родительской и сыновней привязанности, [которая существует у людей]; [у птиц и зверей] есть самцы и самки, но нет того различия полов, [которое существует у людей]. Поэтому «дао» человека состоит в том, что он не может не различать [вещи]. Среди различий нет ничего выше, чем различия [между людьми]; среди различий [между людьми] нет ничего выше, чем [различия, устанавливаемые] ритуалом». Резюмируя смысл этих высказываний Сюнь-цзы, Го Можо пишет: «То, что человек «обладает чувством долга» и «способен различать», является исходным моментом («со ю ци») ритуала. Так разве не присуще и это прекрасное свойство самой природе человека?»¹⁸

Резюме Го Можо неверно ни в первой, ни тем более во второй его части. Алогизм второго вывода очевиден: если даже допустить, что наряду с врожденной способностью человека «различать» (что действительно соответствует взглядам Сюнь-цзы) в его «природу» входит и «обладание чувством долга», то и тогда неравномерно с точки зрения формальной логики, на которой в данном случае основывается Го Можо, делать вывод, что ритуал присущ человеку от рождения. Ведь из того, что человек способен сделать что-то (в данном примере «различать» и, следовательно, вырабатывать высшую форму различий между людьми — ритуал и тем самым выбирать оптимальную систему поведения), не следует, что это «что-то» (ритуал) как результат реализованной способности человека составляет его врожденное свойство.

Но Го Можо не прав и в толковании выражения Сюнь-цзы «человек обладает чувством долга» как свидетельства включения Сюнь-цзы чувства долга в «природу» человека. Сюнь-цзы говорит в приведенном отрывке лишь о том, что человеку присуще в отличие от животных чувство долга, не уточняя его происхождение. А ведь Сюнь-цзы различает две категории свойств, присущих человеку: врожденные («природные») и приобретаемые («накапливаемые»). Об этом пишет, кстати, и сам Го Можо, цитируя следующий отрывок из трактата «Конфуцианский образец»: «Врожденные свойства — это то, что я не могу выработать в себе сам, но то, что может быть преобразовано. Накапливаемые свойства — это то, чем я не обладаю изначально, но то, что я могу в себе создать»¹⁹. Объективности ради следует сказать, что отрывок из трактата «Правление [совершенного] вана», где Сюнь-цзы упоминает о чувстве долга как качестве, существенно отличающем человека от животных, допускает двоякое толкование, в том числе и то, которое принял Го Можо. Следовательно, чтобы не впасть в ошибку, необходимо сравнение этой цитаты с другими местами сочинений Сюнь-цзы, в том числе того же трактата, где философ уточняет свое понимание выражения «обладание человеком чувством долга». Но этого-то Го Можо и не сделал. А если обратиться к другим отрывкам из цитируемого трактата, то становится совершенно очевидным, что, как и в трактате «О дурной природе человека», который Го Можо пытается противопоставить остальным его произведениям, обладание чувством долга относится Сюнь-цзы к приобретаемым, а не врожденным свойствам человека. «Если сын или внук вана, гуна, ученого «ши» или сановника,— пишет Сюнь-цзы в трактате «Правление [совершенного] вана»,— [в своих де-

¹⁸ Го Можо. Ши пиань шу. Пекин, 1954, с. 217.

¹⁹ Го Можо. Философы древнего Китая, с. 310.

лах] не соблюдает норм ритуала и не придерживается чувства долга (разрядка моя. — В. Ф.), его следует поставить в один ряд с простолюдными. Если же сын или внук простолюдника упорно накапливает знания [в области] литературы, правильно ведет себя, соблюдает нормы ритуала и обладает чувством долга, его можно поставить в один ряд с цинем, сяном, ученым «ши» или сановником»²⁰. Как видим, «обладание чувством долга» (как, впрочем, и соблюдение ритуала) выступает у Сюнь-цзы не как врожденное свойство, а как качество, приобретаемое человеком, которое может быть ему свойственно, а может и не быть свойственно. Еще более определенно говорит об этом Сюнь-цзы в другом месте того же трактата: «Совершенный человек — начало ритуала и чувства долга»²¹. И наконец, если бы Го Можо не оборвал, а продолжил цитату, понимание Сюнь-цзы «обретаемого» характера чувства долга стало бы еще более очевидным. Говоря о том, что чувство долга в конечном итоге определяет способность человека «жить сообща» и «разделять обязанности», Сюнь-цзы пишет: «Когда в соответствии с чувством долга осуществляется разделение, это приводит к согласию; когда [среди людей] царит согласие, это приводит к единству... Если [человек] живет сообща, но [при этом] не осуществляет разделения [обязанностей], тогда возникает соперничество. Когда возникает соперничество, это приводит к беспорядку. [Отсюда видно, что] человек ни на миг не может отбрасывать (разрядка моя. — В. Ф.) ритуал и чувство долга»²². Сюнь-цзы, следовательно, и здесь рассматривает обладание чувством долга не как свойство «природы» человека, а как черту, которую человек должен приобрести и без которой невозможно обеспечить порядок и согласие в стране.

Нельзя не упомянуть и еще об одной особенности критики Го Можо этических взглядов Сюнь-цзы. Она состоит в том, что Го Можо в своем анализе учитывает все аспекты теории Сюнь-цзы о «дурной природе человека» — психологические, гносеологические и даже биологические, кроме одной, на наш взгляд, самой важной — социально-политической. А ведь только через призму политической концепции Сюнь-цзы можно правильно представить и оценить его этические воззрения, ибо они служат основной теоретической предпосылкой учения философа об идеальном государстве и «совершенном правителе». Эта ошибочная методология привела Го Можо и к неправильному, противоречащему его собственнойсылке выводу о том, что теория Сюнь-цзы о врожденных дурных свойствах человека является «инородным телом» в системе взглядов Сюнь-цзы. Причем Го Можо не допускает, судя по его анализу, даже и мысли о том, что во взглядах философа действительно могут быть противоречия, что он может быть непоследователен, рассматривая разные аспекты философских и политических проблем. Го Можо рассуждает по формуле «либо — либо»: если одно положение философа противоречит другому, одно из них непременно должно быть «инородным телом», «вставкой» и существовать вместе, в одной системе взглядов они не могут. Посчитав такой «вставкой» теорию Сюнь-цзы о «дурной природе человека», Го Можо и построил свою критику на метафизическом противопоставлении ее другим взглядам философа, не выяснив при этом главного — содержания понятия «дурная природа», употребляемого Сюнь-цзы, и связи этого содержания с его философскими и социально-политическими воззрениями.

Необходимость довольно подробного анализа критики Го Можо этической теории Сюнь-цзы объясняется тем, что сходную тенденцию — противопоставление учения Сюнь-цзы о «дурной природе человека»

²⁰ Чжунцзы цзиньчэн. т. II, с. 94.

²¹ Там же, с. 103—104.

²² Там же, с. 104—105.

остальным его взглядам — мы находим и в ряде работ западных синологов. В частности, Д. Мэнро в книге «Концепция человека в древнем Китае» высказывает (правда, более осторожно, чем Го Можо), по существу, ту же мысль: идеи, изложенные в трактате «О дурной природе человека», противоречат взглядам Сюнь-цзы. Более того, ссылаясь на исследование японского синоведа Канаиэ Осаму, он склонен, очевидно, вместе с ним считать, что этот трактат, «по крайней мере его первая часть», является поздней вставкой «учеников Сюнь-цзы, сделанной под влиянием легистской школы Хань Фэйцзы»²³. Этот вывод Д. Мэнро обосновывает следующими аргументами: «Во-первых, в остальной части сочинений (Сюнь-цзы. — В. Ф.) больше не содержится упоминаний о «дурной природе» (hsing) человека, что необычно для столь важной идеи в учении Сюнь-цзы. Во-вторых, тема, которая действительно занимает Сюнь-цзы, совершенно очевидна: как достичь баланса вещей, которых не хватает, и человеческих желаний, которых исключительно много, без требования аскетизма от каждого человека. Наконец, в остальной части сочинений природа (hsing) отчетливо выступает не как нечто дурное, а как нечто неразвитое»²⁴. Все эти аргументы, особенно второй и третий, сами по себе не вызывают возражений, но доказывать с их помощью неаутентичность трактата Сюнь-цзы, на наш взгляд, было бы неверно. Мэнро впадает, по существу, в ту же ошибку, что и Го Можо, абсолютизируя понимание Сюнь-цзы «дурного» во врожденных свойствах человека и не учитывая того конкретного содержания, которое вкладывает в понятие «дурного» философ в том же трактате «О дурной природе человека». А это содержание, как было показано выше, не противоречит взглядам Сюнь-цзы, изложенным в других частях его труда. Поскольку в данном трактате Сюнь-цзы специально рассматривает только вопрос о дурных врожденных качествах человека, он, естественно, и ставит его более резко, выпукло, нежели в других главах, где анализируются иные проблемы. Но мысль о дурном в естественных, врожденных чувствах и желаниях людей неоднократно встречается и в них.

Вторая причина ошибочного вывода Мэнро, на наш взгляд, состоит в том, что он, как и Го Можо, полагает, что «чувство долга» рассматривается Сюнь-цзы как врожденное свойство человека, определяющее и его врожденную способность «образовывать социальные организации» (так Мэнро интерпретирует выражение Сюнь-цзы «жить сообща»). «Необходимо напомнить, — пишет Мэнро, — что Сюнь-цзы рассматривал деятельность по образованию социальных организаций как постоянное [constant] и только человеку присущее [unique] свойство, как черту, тесно связанную с человеческим чувством морали... Если же рассматривать эту только человеку присущую черту образовывать социальные организации как в определенном смысле врожденную (а именно так, по мнению Мэнро, и рассматривает ее Сюнь-цзы. — В. Ф.), тогда это может показаться противоречащим традиционным интерпретациям концепции Сюнь-цзы о том, что hsing (природа. — В. Ф.) человека качественно дурна»²⁵. Но, как мы убедились выше, Сюнь-цзы считал «чувство долга» («чувство морали», по выражению Мэнро) не врожденным, а приобретаемым качеством человека. Следовательно, и вытекающая из него способность человека «жить сообща» также, по мысли Сюнь-цзы, есть приобретаемое, хотя и существенное свойство человека, выделяющее его из мира животных²⁶.

²³ D. Mungo. Op. cit., p. 77.

²⁴ Ibid., p. 78.

²⁵ Ibid., p. 77.

²⁶ В трактате «Ван чжи» Сюнь-цзы пишет: «Быть правителем — значит уметь [заставить людей] жить сообща» (Чжуцзы цзичэн, т. II, с. 105). Следовательно, способность «жить сообща» рассматривается Сюнь-цзы как приобретаемое, а не врожденное качество человека.

Правильно подметив одну из существенных черт содержания этического учения Сюнь-цзы — стремление поставить неограниченные человеческие желания в разумные рамки, Мэнро тем не менее не увидел органической связи этой части учения Сюнь-цзы с его общей политической концепцией, основанной на теории о «дурной природе» человека.

* * *

Хотя этическое учение Сюнь-цзы, особенно его концепция «дурной природы» человека, и не было признано последующей конфуцианской ортодоксией, оно тем не менее сыграло важную роль в укреплении политической доктрины конфуцианства, его концепции «совершенного правления». На это обстоятельство впервые — и вполне справедливо — обратил внимание видный идеолог реформаторского движения в Китае конца XIX в. Тань Сытун (1865—1898). Стремясь «очистить подлинное учение самого Конфуция» от той «фальсификации», которой оно, по его мнению, подверглось в последующие века, и при этом идеализируя «демократичность» взглядов Конфуция, Тань Сытун противопоставлял им этико-политическое учение Сюнь-цзы как апологию власти императора и насилия над народом. Рассматривая эволюцию китайского общества и связь этой эволюции с этико-политическими учениями, Тань Сытун пришел к выводу, что в основе идеологии и политики правящих классов императорского Китая в течение двух с лишним тысяч лет лежала официальная конфуцианская доктрина, опиравшаяся на этическое учение Сюнь-цзы. «Вышестоящие, — писал Тань Сытун, — стремились овладеть учением Сюнь-цзы, чтобы возвеличивать правителя, принижать подчиненных и одурачивать народ, а также чтобы правители творили всякого рода произвол и налагали оковы на мысли людей»²⁷. Этот политический смысл влияния учения Сюнь-цзы Тань Сытун распространяет на все периоды истории феодального Китая, в том числе и на Китай эпохи Сун (X—XIII вв.), когда окончательно оформилась конфуцианская ортодоксия (так называемое сунское неоконфуцианство). Несмотря на известное преувеличение роли учения Сюнь-цзы в политической эволюции китайского общества и очевидное упрощение процесса идеологической борьбы, сопутствующей этой эволюции, оценка Тань Сытуном социально-политических взглядов Сюнь-цзы и их влияния на формирование официальной конфуцианской доктрины в целом заслуживает серьезного внимания. Отбросив второстепенные, несущественные моменты, отличавшие учение Сюнь-цзы от взглядов других представителей конфуцианства, Тань Сытун верно указывает на главное, существенное, что объединяло Сюнь-цзы с ортодоксальным конфуцианством, — апологию власти монарха и подчинения этой власти народа. Именно в этом смысле можно утверждать, что этико-политическое учение Сюнь-цзы явилось теоретической основой последующей ортодоксальной конфуцианской доктрины и политической практики феодального Китая.

²⁷ Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени. М., 1961, с. 283.

Лу Синь в американской синологии

А. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук

Перевод и исследование творчества Лу Синя на Западе, в особенности в США, никогда не считались чисто научным делом. Им всегда придавалось сугубо политическое значение. Лу Синь был признанным вождем левого литературного движения в Китае, и это прежде всего определяло отношение к нему в США. Вместе с тем подход к Лу Синю был различным в зависимости от состояния американо-китайских отношений.

При жизни Лу Синя его творчество игнорировалось американской синологией. Реакционные круги США вообще неприязненно относились к новой китайской литературе, возникшей в ходе движения 4 мая 1919 г., считая ее «прокоммунистической». Исключением была лишь позиция Эдгара Сноу, который, впрочем, преследовал собственные цели, пропагандируя эту новую литературу Китая.

Литературный успех Лу Синя в Китае привел к определенным переменам в отношении к нему американских сиологов после кончины писателя в 1936 г. Переводы Лу Синя стали печатать в США, его творчество было признано частью современной китайской культуры. Даже гоминьдановские власти после смерти Лу Синя способствовали популяризации его творчества в США. Это типичный пример политической спекуляции на творчестве выдающегося писателя. В поисках популярности гоминьдановская реакция, которой была нужна американская помощь, не постеснялась обратиться к творчеству того, кого при жизни травила, преследовала и выслеживала. Однако американская университетская синология продолжала игнорировать Лу Синя и всю новую китайскую литературу, не признавая ее эстетически значимой. Признание Лу Синя в КНР в 50-х и 60-х годах вызвало особую предубежденность к нему в США. В этот период о Лу Сине предпочитали молчать совсем, либо высказывались крайне недоброжелательно.

Перемены в американо-китайских отношениях 70-х годов привели к пересмотру в США взгляда на творчество Лу Синя. В странах Запада началось активное изучение его творчества и публикация переводов. Это новое отношение к Лу Синю было более серьезным в научном смысле, чем прежде. При этом выявилось заметное отставание американской и вообще западной синологии от советского китаеведения в деле изучения творчества Лу Синя. Стало очевидным, что достижения советских ученых обусловлены прежде всего объективным отношением к великому китайскому писателю и систематической работой над его наследием.

Первый период, период ознакомления американцев с творчеством Лу Синя, — прижизненное издание переводов его произведений. Следует отличать переводы на английский язык, сделанные китайцами и изданные в Китае, от работ западных (в том числе американских) сино-

логов. Их объединяет только общность языка перевода. Деятельность переводчиков-китайцев не могла определять или выражать позицию научных кругов США.

Первые переводы Лу Синя были выполнены китайцами в Китае. Лян Шэцзянь перевел на английский язык и издал в Шанхае «Подлинную историю А-Кью» еще в 1926 г.¹ Издания на иностранных языках в собственной стране еще не свидетельствовали о международном признании писателя. Оно пришло значительно позже, когда произведения Лу Синя стали переводить и издавать за границей. Французский перевод Цзин Инъюя был опубликован Ромэн Ролланом в журнале «Юроп» (1926, № 5—6), а в 1929 г. переводчик, добавив к «Подлинной истории А-Кью» рассказы Лу Синя «Кун Ицзи» и «Родина», включил их в сборник рассказов современных китайских писателей и издал его в Париже. Этот сборник был переведен в Англии Э. Х. Ф. Миллзом на английский язык с французского перевода и издан в 1930 г. в Лондоне, а в 1931 г. — в США². Таким образом, в Соединенных Штатах первое знакомство с писателем оказалось из вторых рук, и Э. Сноу оценивал этот перевод весьма скептически. «Уже издано два английских перевода, — писал он в 1935 г. о переводах Лян Шэцзяня и Миллза, — но, к несчастью, оба перевода изобилуют произвольными вставками и сокращениями, а также грубыми ошибками»³.

Любопытно, что американские библиографии не упоминают издание перевода Миллза в Нью-Йорке, делая вид, что его вообще не существовало; нет упоминания о нем и в подробной библиографии Дональда А. Джибса⁴. Это издание упоминает лишь китайский литературовед Гэ Баоцюань, специально изучавший распространение «Подлинной истории А-Кью» за пределами Китая в иностранных переводах.

Из американских сиологов первым к творчеству Лу Синя обратился Э. Сноу. В 1935 г. он напечатал в журнале «Эйша» (Нью-Йорк) перевод рассказа Лу Синя «Лекарство», а в 1936 г. — рассказ «Бумажный змей». Эдгару Сноу удалось напечатать в США книгу своих переводов из Лу Синя и других современных китайских писателей. Собрание этих переводов под общим заглавием «Живой Китай» было издано им в Нью-Йорке в 1935 г. и в Лондоне в 1936 г. Туда вошли известные рассказы Лу Синя «Маленькое происшествие», «Бумажный змей», «Лекарство», «Кун Ицзи», «Развод», «Моление о счастье»⁵.

Американский журнал «Фар Ист джорнэл» (Нью-Йорк) печатал переводы Лу Синя примерно раз в год. Переводчик Ван Цзичжэнь опубликовал «Волны» и «Моление о счастье», а Дж. Кеннеди перевел «Родину»⁶. Ван Цзичжэнь в 1941 г. издал сборник рассказов Лу Синя в издательстве Колумбийского университета⁷. По существу, это первая книга Лу Синя в США, хотя перевел ее китаец, специально посланный гоминьдановским правительством для работы в области культурных связей с США во время войны. До прибытия в США Ван Цзичжэнь ра-

¹ G. K. Leung. The True Story of Ah Q. Shanghai, 1926.

² The Tragedy of Ah Q and Other Modern Chinese Stories (tr. E. H. F. Mills from the French Original of Kyn Yn Yu). London, 1930; New York, 1931.

³ Цит. по: Гэ Баоцюань. «Подлинная история А-Кью» за рубежом. Пекин, 1981, с. 28 (на кит. яз.).

⁴ D. A. Gibbs. A Bibliography of Studies and Translations of Modern Chinese Literature, 1918—1942. Cambridge, Mass., 1975.

⁵ E. Snow. Living China. Modern Chinese Stories. London, 1936; London, 1937. Э. Сноу указывает в другой своей книге, что существовало нью-йоркское издание 1935 г. (E. Snow. Red Star over China. New York, 1968, p. 245), которого я не видел и которое не зафиксировано ни американскими библиографиями Тянь-и Ли и Дональда А. Джибса, ни китайской библиографией «Ежегодник изучения Лу Синя» (Спань, 1979).

⁶ "Far East Journal", vol. 2, № 2, 3; vol. 3, № 5, 6.

⁷ Ah Q and Others: Selected Stories of Lusin. New York, 1941.

ботал в журнале «Тянься мансли» на английском языке, который издавался в Китае для иностранцев. Тот же Ван Цзичжэнь в 1943 г. издал в США сборник произведений современных китайских писателей, в который вошли рассказы Лу Синя «Праздник лета» и «Напоказ толпе»⁸.

В КНР произведения Лу Синя были переведены на английский язык Ян Сяньи и Глэдис Ян; эти переводы выходили в КНР неоднократно — например, четырехтомник избранных сочинений Лу Синя до 1980 г. издавался трижды. На основе этих переводов в 1972 г. вышло нью-йоркское издание рассказов Лу Синя в одном томе⁹. В 50-е годы рассказы Лу Синя издавались в США только один раз прогрессивным издательством «Камерон»¹⁰.

У. Дж. Ф. Дженнер включил произведения Лу Синя в книгу «Современные рассказы китайских писателей», изданную в Нью-Йорке в 1974 г. (в 1970 г. она вышла в Лондоне)¹¹. Совместной китайско-американской акцией было издание в 1974 г. в США книги «Соломенные сандалии»¹². Это сборник рассказов китайских писателей 1918—1933 гг., подготовленный в свое время Лу Синем и Мао Дунем для издания в США по просьбе Гарольда Р. Айзекса. Книга была подготовлена, но не издана, рукописи пролежали в США без движения 40 лет, прежде чем увидели свет. Причиной столь запоздалой публикации явилось, конечно, не внезапное осознание эстетической ценности современной китайской литературы, а желание подкрепить культурной акцией восстановление связей США с Китаем. В подробном предисловии к книге ее составитель Г. Р. Айзекс сообщает: «Это собрание китайских рассказов было создано в 1934 г. Его целью было показать развитие литературной революции в Китае, которая к тому времени продолжалась уже пятнадцать лет. Рассказы были отобраны по указаниям Лу Синя, одного из деятелей этой революции и ее первого настоящего писателя, а также его молодого друга Мао Дуня, который в то время считался самым выдающимся писателем после Лу Синя. В намерение составителей входило проследить на конкретных примерах переход литературного движения в Китае от гуманистических и романтических устремлений к началу той политической и идеологической насыщенности, которое оно приняло под воздействием потрясавших страну великих событий тех лет. Как указал в своем предисловии Лу Синь, другой целью сборника было представить западному читателю произведения писателей, пострадавших от жестоких репрессий гоминьдановского режима Чан Кайши».

Далее Айзекс сообщает, что первоначально сборник был задуман под острым заглавием «Задушенные голоса из Китая», которое он поменял на «Соломенные сандалии». Теперь, спустя много лет, сам американский составитель и инициатор издания понимает, насколько символическим и справедливым было первоначальное название: «События и метаморфозы за те многие годы, пока рукопись лежала в архиве, теперь придают особую силу иронии этому заглавию»¹³.

Лу Синь и Мао Дунь отобрали для сборника, который, как они надеялись, откроет китайскую литературу англоязычному читателю, прежде всего американскому, лучшие произведения передовых писателей Китая. Авторы в сборнике было шестнадцать. У нас многие из них хо-

⁸ Wang Chi-chen (tr.). Contemporary Chinese Stories. New York, 1943.

⁹ Lu Hsün. Selected Works, vol. 1—4. Peking, 1980; Lu Hsün. Selected Stories. New York, 1972.

¹⁰ Lu Hsün, Teacher of Chinese Revolutionary Literature. New York, 1957 (по данным упомянутого «Ежегодника изучения Лу Синя»).

¹¹ W. J. F. Jenner (ed.). Modern Chinese Stories. New York, 1974; London, 1970.

¹² Straw Sandals. Chinese Short Stories 1918—1933. Ed. by Harold R. Isaacs. Foreword by Lu Hsün. Cambridge, Mass., 1974.

¹³ Ibid., p. XI, XII.

рошо известны по неоднократным переводам на русский язык. В СССР книги большинства из этих писателей были изданы еще в 50-е годы. Тем не менее сам сборник является в полном смысле слова литературным памятником эпохи 30-х годов. Судьбы китайских писателей, участников сборника, поистине символичны в истории китайской литературы. Айзекс прав, когда видит в этом отражение трагических событий китайской истории: «К моменту составления сборника в начале тридцатых годов пятеро из них уже умерли: трое были казнены гоминьдановскими палачами в 1931 г., один умер тогда же от болезни, и один погиб во время похищения его агентами гоминьдановской охраны в 1933 г. Лу Синь умер от туберкулеза в 1936 г. Двое писателей были убиты японцами в сороковых годах. Двое стали должностными лицами коммунистического режима, многие годы ничего не писали и скончались в пятидесятых годах, вероятно от естественных причин. Трое были членами творческих союзов и исчезли без следа во время «культурной революции», и двое самых известных из всех — Мао Дунь и Дин Лин — подверглись чистке: Дин Лин в 1957, а Мао Дунь — в 1965 г. Из шестнадцати писателей остался один стареющий Го Можо, личный друг Мао Цзэдуна и важное должностное лицо режима»¹⁴. Введение Айзекса было написано в 1973 г., время внесло некоторые поправки к написанному им тогда. Теперь нет и Го Можо, и Мао Дуня, но реабилитирована, жива и активна в китайской литературе Дин Лин, которая переиздает свои прежние произведения, пишет к ним новые предисловия и публикует газетные статьи. Жив и не упомянутый Айзексом Е Шаоцзюнь, которого недавно чествовали в КНР как выдающегося педагога и писателя.

Сам Айзекс называет публикацию «Соломенных сандалий» в США «воскрешением». Он опубликовал также свою переписку с Лу Синем и Мао Дунем по поводу готовившейся книги, которая была немедленно перепечатана в КНР не только в специальных научных изданиях, но и в газетах¹⁵. Нет сомнения, что в 30-х годах Айзекс искренне старался издать составленную Лу Синем книгу. Его усилия оказались безрезультатными, и причина неудачи ясна: провозглашенные в предисловии к сборнику цели — дать право голоса жертвам гоминьдановских репрессий и показать передовую, прогрессивную китайскую литературу 1918—1933 гг. — никак не совпадали с тогдашней американской политикой в отношении Китая. Как писал Айзекс, «известный нью-йоркский издатель», по договоренности с которым составлялся сборник рассказов, когда рукопись была готова, «утратил к ней энтузиазм», поскольку «ситуация изменилась». Далее «Соломенные сандалии» отвергались одним издателем за другим в течение двух лет. После выхода сборника китайских рассказов, подготовленного Э. Сноу, Айзекс прекратил бесполезные хлопоты¹⁶.

Айзекс, видимо, сознает прямую зависимость между публикацией китайской литературы в США и американским политическим курсом, когда пишет, что «книги, как и идеи, ждут своего времени, и время для этой книги в конце концов настало именно сейчас»¹⁷. Разумеется, после визита президента Р. Никсона в Пекин в 1972 г. «настало время» опубликовать сборник, пролежавший сорок лет. Здесь все ясно до очевидности, и не стоило бы упоминать об этом, если бы не попытка Айзекса свалить ответственность за сорок лет пренебрежения китайской литературой в США на ...коммунистов! Невероятно, но, по Айзексу, получается, что сборник рассказов прогрессивных писателей Китая, многие из которых сами были коммунистами и революционерами, жертвами реак-

¹⁴ Ibid., p. XV.

¹⁵ См.: «Гуанмин жибао», 5.XII.1979.

¹⁶ In: *Straw Sandals...*, p. XLIV.

¹⁷ Ibid., p. XLV.

ционного террора и героями китайской революции, не вышел в свет в США из-за противодействия коммунистов, которые, оказывается, влияли на нью-йоркских издателей! Не менее саморазоблачающими выглядят и те пассажи во введении Айзекса, где он старается изобразить самого Лу Синя антикоммунистом: «Последний год его жизни был наполнен упорным и отчаянным сопротивлением функционерам коммунистической партии»¹⁸. На самом деле речь здесь идет о полемике Лу Синя с догматиками внутри революционного движения, что не раз становилось предметом внимания литературоведов, в том числе и советских¹⁹. Попытки Айзекса противопоставить Лу Синя китайским коммунистам в целом можно отнести за счет его стремления облегчить издание книги в США беспринципными фразами, которые должны были прийтись по вкусу антикоммунистически настроенным американским издателям.

Недоброжелательность в США к Лу Синю была причиной того, что творчество писателя никогда широко не популяризовалось в этой стране. Его произведения печатались в малотиражных изданиях или в специальной политической периодике скорее в качестве символического жеста культурных связей. Книга Э. Миллза, переведенная с французского, не может всерьез считаться представляющей творчество Лу Синя. Переводы Э. Сноу — это уже другое дело, но и здесь Лу Синь не получил отдельной книги.

Собственно первая книга Лу Синя в США, как мы упоминали выше, была переведена Ван Цзинчжэнем с политической целью и не поступила в широкое обращение. Творчество Лу Синя в США не стало поэтому частью литературной жизни и не вышло за пределы специально синологических исследований и интересов, оставшись, по существу, неизвестным массовому читателю. Даже восстановление китайско-американских отношений после визита президента Р. Никсона не открыло Лу Синю доступ к широкому американскому читателю.

Научное исследование творчества Лу Синя в США долгое время практически не проводилось. При жизни Лу Синя Э. Сноу предпринял попытку пропагандировать его творчество и опубликовал статью «Лу Синь — мастер литературы на байхуа»²⁰. Положительный отзыв о Лу Сине содержался также в статье Ним Уэлз, супруги Э. Сноу. Эта статья вошла в составленную им книгу «Живой Китай»²¹.

Впоследствии эти статьи даже в 1968 г. не учитывались библиографами США именно потому, что в них о Лу Сине говорилось с должным уважением. Зато американские библиографы охотно учитывали работы, превратно представляющие творчество Лу Синя²². Впрочем, и таких работ выходило немного, потому что творчество Лу Синя в США сознательно замалчивалось. Автор вышедшей в 1968 г. библиографии китайской художественной прозы Тянь-и Ли смог назвать только три статьи — Т. А. Ся, Лю Цзюньжо и Дж. Уикленда²³. Специально отмеченные библиографом как важные работы того же Т. А. Ся и Харриэт Корнелии Миллз оставались неизданными: первая напечатана на мимеографе, вто-

¹⁸ Ibid., p. XIII.

¹⁹ См.: В. И. Семанов. Лу Синь и догматики. — «Народы Азии и Африки», 1968, № 2, с. 64—73.

²⁰ E. Snow. Lu Hsun, Master of Pai-Hua. — "Asia", 1935, vol. 35, № 1.

²¹ N. Wales. The Modern Chinese Literary Movement. — In: E. Snow. Living China. Modern Chinese Short Stories. London, 1937.

²² Tien-yi Li. Chinese Fiction. A Bibliography of Books and Articles in Chinese and English. New Haven, Conn., 1968.

²³ T. A. Hsia. Aspects of the Power of Darkness in Lu Hsün. — "Journal of Asian Studies", 1964, vol. 23, № 2; Chün-jo Liu. The Heroes and Heroines of Modern Chinese Fiction; From Ah Q to Wu Tzu-hsü. — "Journal of Asian Studies", 1957, vol. 16, № 2; J. H. Wealand. Lusin's (Lu Hsün) Ah Q: a Rejected Image of Chinese Character. — "Pacific Spectator", 1956, № 10.

рая хранится как неизданная диссертация²⁴. Это ли не доказательство пренебрежительного отношения к творчеству Лу Синя в США?

Отсутствие средств на публикацию подготовленных в Америке диссертаций о творчестве Лу Синя не могло быть случайностью; это стало еще одним симптомом общего недоброжелательства к китайскому писателю. Впрочем, после визита президента Р. Никсона в США сразу же нашлись средства, и работы о Лу Сине стали публиковаться. Диссертация Перл Ся Чэнь, написанная в 1953 г., увидела свет в 1976 г., через 23 года после завершения²⁵. Диссертация Уильяма Р. Шульца так и осталась неопубликованной до сих пор, хотя была завершена в 1955 г. Судя по названию, она была посвящена самому интенсивному периоду творчества Лу Синя²⁶. Т. А. Ся напечатал свою работу о Лу Сине в сборнике собственных эссе, вышедшем в 1968 г.²⁷, а Х. К. Миллз, оставив диссертацию 1963 г. неопубликованной, продолжила работу и напечатала статью в сборнике Гарвардского университета в 1977 г.²⁸ Работа Т. А. Ся ждала публикации 9 лет, работа Х. К. Миллз — 11 лет, диссертация П. С. Чэнь — 23 года, а У. Р. Шульца осталась неопубликованной, хотя ссылки на эту работу в статьях американских сиологов свидетельствуют, что с ней следует считаться в научной деятельности.

Восстановление китайско-американских отношений застало американскую синологию совершенно не подготовленной для исследования современной китайской литературы, и состояние дел с изучением творчества Лу Синя было красноречивым тому примером. Пришлось быстро и без полемики признать Лу Синя тем, кем он был всегда — великим писателем Китая. Началась активная деятельность по изучению современной китайской литературы. В 70-е годы американские синологи начали активно печатать работы о Лу Сине, переиздавая книги прошлых лет, как залежавшиеся в самой Америке, так и выходившие за границей. Кроме уже упоминавшейся диссертации Перл Ся Чэнь, была опубликована важная статья П. Хэнена²⁹ о литературном мастерстве Лу Синя, подробный раздел о Лу Сине в книге С. Т. Ся³⁰. Была переиздана выходившая в 1957 г. в Амстердаме монография Хуан Сун Кана³¹ и издана новая книга У. А. Лайеля-младшего «Видение реальности Лу Синем»³².

Неудивительно, что при сложившихся обстоятельствах (усиленное внимание к Лу Сину, возникшее внезапно в условиях политической конъюнктуры при общем отставании американской синологии в этом деле) последовало обращение к опыту и достижениям советского китаеведения в изучении Лу Синя.

В США было переведено на английский язык и издано исследование советского китаеведа, ныне профессора МГУ В. И. Семанова «Лу Синь

²⁴ T. A. Hsia. Lu Hsün and the Dissolution of the League of Leftist Writers (mimeo). Seattle, 1959; H. C. Mills. Lu Hsün: 1927—1936—the Years on the Left. Doctoral Diss. New York, 1963.

²⁵ Pearl Hsia Ch'en. The Social Thought of Lu Hsün (1881—1936). New York, 1976.

²⁶ W. R. Schultz. Lu Hsün: the Creative Years. Ph. D. Diss. Univ. of Washington, 1955.

²⁷ T. A. Hsia. The Gate of Darkness. Studies on the Leftist Literary Movement in China. Seattle—London, 1968.

²⁸ M. Goldman (ed.). Modern Chinese Literature in the May Fourth Era. Cambridge, Mass.—London, 1977.

²⁹ P. D. Hsuan. The Technique Lu Hsün's Fiction. — "Harvard Journal of Asiatic Studies", 1974, vol. 34, p. 53—96.

³⁰ C. T. Hsia. A History of Modern Chinese Fiction. 1917—1957. New Haven, 1961.

³¹ Huang Sung K'ang. Lu Hsün and the New Culture Movement of Modern China. Westport, Conn., 1975.

³² W. A. Lyell, Jr. Lu Hsün's Vision of Reality. Berkeley, Calif., 1976.

и его предшественники» (М., 1976)³³. Это не такой уж частый случай в области гуманитарных наук. С одной стороны, сам по себе он свидетельствует об отставании американской синологии в изучении проблем современной литературы и культуры Китая. Переводчик Чарльз Дж. Альбер вынужден был признать это: «Меня всегда поражало, что количество систематических исследований Лу Синя на английском языке столь незначительно и прежде всего отсутствует индекс к его сочинениям. Проблема в том, что таких работ нет и на китайском, несмотря на значительное число изданий. Многое еще предстоит сделать в изучении этого великого писателя, и я горд внести в него даже скромный вклад»³⁴. Переводом книги В. И. Семанова Ч. Альбер действительно внес вклад в американское китаеведение, и его усилия заслуживали бы признательности, если бы не другая сторона дела.

Переводчик и автор вступительной статьи Ч. Альбер не только китаевед, но и советолог. Диссертация, которую он в 1971 г. защитил в университете штата Индиана, — «Советская критика о Лу Синя». (В настоящее время Ч. Альбер — профессор университета в штате Южная Каролина.) «Восполняя» очевидный пробел в американской синологии, переводчик во вступительной статье старался всячески очернить советское китаеведение вообще и китаеведческие труды о Лу Синя в особенности. Неприятно удивляет апломб, с которым Ч. Альбер берется судить о советских научных работах, апломб тем менее основательный, что американской синологии нечем гордиться в изучении творчества Лу Синя.

Пренебрежительное отношение к творчеству Лу Синя на Западе длилось полстолетия, такое не может быть случайностью, и напрасно Ч. Альбер демонстрирует свое удивление по этому поводу. Причина ясна любому непредвзято мыслящему читателю: революционность Лу Синя, его переход на марксистские позиции, пропаганда им советской литературы и марксистско-ленинской литературной теории раздражают буржуазных сиологов. Политические пристрастия лишили их способности рационального суждения. В одной из работ по истории китайской литературы, изданных в США, о Лу Синя говорится: «Его внимание скоро было привлечено к многочисленным коммунистическим сочинениям в японских и немецких переводах. Его приветствовали левые как старейшину революционной литературы. Он ушел в подполье в международном сеггльменте Шанхая и под бесконечно сменявшимися псевдонимами клеймил националистическое правительство. Лу Синь постоянно получал инструкции и директивы от работников китайской коммунистической партии»³⁵. Вот в чем причина демонстративного отказа американской синологии заниматься изучением творчества Лу Синя. Однако это не помешало Ч. Альберу свысока отозваться о советских исследователях творчества Лу Синя.

Между тем в СССР еще в 1929 г. «Подлинная история А-Кью» вышла двумя изданиями, в Москве и Ленинграде³⁶, когда ни в Англии, ни в США еще не было переведено это крупнейшее произведение Лу Синя, но Ч. Альбера не устраивают тогдашние оценки писателя в СССР. Конечно, сейчас у нас творчество Лу Синя оценивают иначе, и никто не считает Лу Синя «идеологом мелкобуржуазного радикализма»³⁷, но истина познается в поисках, а поисков-то в те времена не было ни в Англии, ни

³³ V. I. Semanov. Lu Hsün and his Predecessors. Tr. and ed. by Charles J. Alber. New York, 1980, 175 p.

³⁴ Ibid., p. XXVI.

³⁵ Ch'ên Shou-yi. Chinese Literature. A Historical Introduction. New York, 1961, p. 644.

³⁶ Правдивая история А-Кея. Л., «Прибой», 1929; Правдивое жизнеописание. Повести и рассказы. М., 1929.

³⁷ Б. А. Васильев. Иностранное влияние в китайской литературе эпохи империализма. — Труды Института востоковедения АН СССР, вып. 1. М., 1932, с. 36.

в США. Ч. Альбер вынужден признать, что уже в 1938 г. имя Лу Синя высоко почиталось в СССР, но тут же злорадствует, что в юбилейном томе 1938 г.³⁸ «статьи и переводы были очень плохи». Снова приходится напоминать, что в то время в США никаких переводов вообще не было.

О старшем поколении советских китаеведов американский автор позволил себе сказать, что они «не обладали подготовкой для занятий литературой на байхуа», а книги по современной китайской литературе, написанные позже, назвал «поверхностными и неточными, с очевидной упрощенческой идеологией». Такую характеристику может позволить себе только автор, чуждый действительному научному исследованию. Тогда, в 1956 г., современная китайская литература в США не изучалась вообще из-за политической враждебности к КНР.

Во второй половине 50-х годов изучение Лу Синя в СССР приняло широкие масштабы, качество выполненных работ резко повысилось, они получили международное признание. Даже Ч. Альбер вынужден признать, что труд Л. Д. Позднеевой³⁹ «далеко превзошел выполненные на Западе исследования и оказал влияние в Китае и Японии», ссылаясь при этом на японского рецензента⁴⁰. Книги В. В. Петрова и В. Ф. Сорокина⁴¹ Ч. Альбер признает «литературным вкладом» в изучение творчества Лу Синя, тут же сопровождая похвалу оговорками, что их литературное значение умаляется соционистическим подходом у первого и социопсихологическим у второго автора. Недоброжелательность заводит так далеко, что даже слово «народолюбец», примененное В. В. Петровым в отношении Лу Синя, американский автор иронически назвал «петровским неологизмом». Любовь Лу Синя к своему народу делает сарказмы такого свойства недостойными. Кроме того, знатоку неологизмов русского языка из США следовало бы знать, что слово «народолюбец» бытует в русской литературе по крайней мере с начала XIX в. — у П. А. Вяземского, а позже у Г. И. Успенского, Г. В. Плеханова.

Ч. Альбер попытался представить американскому читателю советское китаеведение примитивным, ненаучным и искажающим объективную истину, но не справился с задачей и стал впадать в противоречия с самим собой. Уже книги В. Ф. Сорокина и В. В. Петрова оказались настолько разными, что списать их под рубрикой упрощенчества американскому советологу не удалось. Но наибольшая трудность встала перед ним, когда пришлось писать о книге В. И. Семанова, которая была выбрана для перевода в силу ее очевидных достоинств и как новейшая работа, в которой были учтены достижения предшествовавших исследований. Ч. Альбер оказался вынужден прибегнуть к примитивной демагогии: «Что, по-моему, поражает, так это не степень извращения, а масштаб авторской объективности. В отдельных частях труда, особенно в литературном анализе главы III, просто не чувствуешь, что работает советский критик». Эта попытка противопоставить различные советские работы о Лу Синя несерьезна. Антиисторический подход к советскому китаеведению в сочетании с политической предвзятостью окончательно лишили Ч. Альбера способности к объективным суждениям.

Книга В. И. Семанова, изданная в 1967 г., получила высокую оценку советской научной общественности⁴². Справедливо оценена книга

³⁸ Лу Синь. 1881—1936. Сб. статей и переводов, посвященный памяти великого писателя современного Китая. М.—Л., 1938.

³⁹ Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881—1936). М., 1959.

⁴⁰ Каваками Кюдзю. Исследования китайской литературы в Советской России. — «Дзэнбун кэнкю», 1964, т. XXVII, № 19.

⁴¹ В. В. Петров. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М., 1960; В. Ф. Сорокин. Формирование мировоззрения Лу Синя. (Ранняя публицистика и сборник «Ключ»). М., 1958.

⁴² В. Ф. Сорокин. Рецензия на книгу: В. И. Семанов. Лу Синь и его предшественники. — «Народы Азии и Африки», 1968, № 1, с. 195—197; Soviet Sinology in the Past Fifty Years (Literature). Moscow, 1967.

В. И. Семанова и в рецензии венгерского китаевода Э. Галла, который специально указал, что «исследование Семанова использует более ранние выдающиеся работы советской школы изучения Лу Синя»⁴³ и, следовательно, никак не может быть противопоставляема им.

В американском синологическом журнале недавно появилась рецензия Эллен Видмер (Гарвардский университет) на книгу В. И. Семанова, на сей раз свободная от советологических спекуляций⁴⁴. Автор ответил рецензенту на страницах того же журнала, полемизируя с ней по поводу характера зависимости творчества Лу Синя от традиции китайского обличительного романа конца XIX — начала XX вв.⁴⁵ Так что и в американской синологии вполне возможен серьезный подход к советской научной работе, который, к сожалению, оказался непосилен для Ч. Альбера.

Издание труда советского китаевода в США вызвало широкий отклик американской научной общественности, причем большинство рецензентов не принимают «советологическую» позицию Ч. Альбера. «Рожденный революционным веком Лу Синь стал великим как человек и творец литературы, осознав пафос революции. Именно этот пафос сформировал созданную им литературу. В этом и подразумевает ценность его Семанов», — пишет Ариф Дирлик в рецензии на книгу⁴⁶.

Рецензент из специального китаеведческого журнала прямо опровергает Ч. Альбера, указывая, что книга В. И. Семанова разрушает сложившееся в США предубежденное и догматическое представление о характере работ советских китаеведов, поскольку она оказалась совершенно непохожей на созданный советологами миф о типичной советской научной работе. Рецензент правильно понял, что расхождение существует не между советской наукой и автором книги, а между ходячими представлениями в США о советской науке и действительностью⁴⁷.

В 1981 г. во всем мире отмечалось столетие со дня рождения великого китайского писателя. По этому поводу Вера Шварч опубликовала интервью с китайским литературоведом Юань Лянцзюнем, автором монографии о Лу Сине, изданной в КНР в 1978 г. «Спустя 30 лет мы снова начали разговаривать, — пишет Вера Шварч. — «Как Лу Синь стал марксистом?» — такой вопрос не был ни актуальным, ни обычным для западных ученых, занимающихся историей современного Китая»⁴⁸. В. Шварч права, когда говорит, что американская синология 30 лет не разговаривала с китайскими учеными и не интересовалась Лу Сином. Вот какие поразительные перемены способна принести в американскую синологию политическая спекуляция. Журнал, издающийся учеными, способен теперь интересоваться проблемой, как Лу Синь стал марксистом, и всерьез обсуждать ее с литературоведом из КНР. Позиция собеседника В. Шварч, правда, страдает упрощенчеством: Юань Лянцзюнь категорически отрицает все, что писалось о Лу Сине в период «господства банды четырех» — вот и весь его нехитрый вклад в науку.

Подход к Лу Синю американской синологии за последние пятьдесят лет с очевидностью показывает доминирующее влияние политической конъюнктуры в науке этой страны. Лу Синь как творческий феномен был понят и оценен еще Э. Сноу — стало быть, писателя и его творчество с тех пор игнорировали сознательно по политическим мотивам. Только в 70-х годах синологи США активизировались в изучении современной ки-

⁴³ E. Galla. В. И. Семанов. Лу Синь и его предшественники. — "Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae", 1969. Т. XXII, Fasc. 3, S. 390—392.

⁴⁴ E. Widmer. Lu Xun and His Predecessors (Lu Sin' i ego predshestvenniki. Moscow, 1967). — "Modern Chinese Literature Newsletter", 1975, vol. 1, № 2, p. 8—15.

⁴⁵ "Modern Chinese Literature Newsletter", 1976, vol. 2, № 1.

⁴⁶ "Pacific Affairs", 1981, vol. 54, № 1, p. 146.

⁴⁷ In: "Chinese Literature", 1981, № 1, p. 283—285.

⁴⁸ V. Schwarcz. How Lu Xun Became a Marxist: Conversations with Yuan Liangjun. — "Bulletin of Concerned Asian Scholars", 1981, vol. 13, № 3, p. 146.

тайской литературы. Сразу же появилась возможность и публиковать хранившиеся в архивах рукописи, переиздать прежние работы, выпустить журнал «Чайниз литеречер», в котором современная тема заняла важное место.

Американская синология теперь не оспаривает литературную значимость творчества Лу Синя. В августе 1981 г. в Монтерее (Калифорния) была намечена конференция «Лу Синь и его наследие» с приглашением ученых из КНР. Творчество Лу Синя преодолело барьер предубежденности в странах Запада. Теперь Лу Синя там можно изучать. Но будут ли издавать его для широкого читателя? До сих пор этого не делалось. Великий писатель пока еще остается для читающей Америки либо вовсе неизвестным, либо связанным с общими расхожими представлениями о далекой китайской экзотике.

Заслуги советского китаеведения в изучении и популяризации творчества Лу Синя неоспоримы. Для нас он понятен и близок, его имя известно всем, с 1929 по 1981 г. общий тираж его произведений превысил 1 млн. 750 тыс. экземпляров. Только в 1981 г. избранные произведения великого китайского писателя были изданы на русском (тираж — 75 тыс.) и украинском (30 тыс.) языках. Такая известность и популярность китайского писателя немыслима в США.

ИСТОРИЯ

Борцы за народное дело

Дэн Чжунся — видный деятель китайского рабочего движения

Т. Н. Акатова,

доктор исторических наук

В жизни каждой страны, каждого народа бывают периоды великого духовного пробуждения, колоссальной интенсификации политической жизни, подъема революционной борьбы. Именно таким периодом было в Китае первое десятилетие новейшей истории — время предреволюционного подъема 1919—1924 гг. и революции 1925—1927 гг.

Это было время могучего влияния великой победы Октябрьской революции и создания первого в мире государства рабочих и крестьян. В новой международной обстановке с особой силой проявились социально-экономические сдвиги, происшедшие к этому времени в Китае. Отныне нарастание революционной борьбы в стране было неразрывно связано с национальным, политическим, классовым пробуждением китайского рабочего класса, с распространением марксизма-ленинизма и идей международной пролетарской солидарности, с общим потоком мирового революционного процесса. Полное бурных революционных событий время породило целую плеяду выдающихся деятелей, аккумулировавших лучшие качества своего народа и в то же время воспринявших новые идеи пролетарского интернационализма. К таким деятелям нового в Китае типа и принадлежал Дэн Чжунся — марксист-интернационалист, активный поборник дружбы с Советским Союзом.

Его столь недолгая (он погиб в 36 лет), но удивительно яркая, полная напряженной борьбы жизнь неотделима от судеб страны, судеб китайской революции.

Дэн Чжунся родился в 1897 г. в провинции Хунань в помещичье-чиновничьей семье. Для того чтобы обеспечить ему традиционную в семье карьеру чиновника, родные отправили его на учебу в Пекинский университет. Но юность Дэн Чжунся совпала с духовным пробуждением китайского общества. Передовая китайская интеллигенция настойчиво искала пути обновления и возрождения отечества. Наиболее последовательные, наиболее революционные ее представители обращались к опыту Великой Октябрьской социалистической революции, к марксистско-ленинским идеям переустройства жизни.

В формировании взглядов Дэн Чжунся, становлении его как марксиста огромную, определяющую роль сыграл профессор Пекинского университета Ли Дачжао, первый в Китае ученый-марксист, образованнейший человек своего времени, один из основателей коммунистического движения в Китае. Дэн Чжунся становится не только ближайшим, доверенным учеником, но и соратником Ли Дачжао. «Боевое крещение» стало для Дэн Чжунся активнейшее участие в мощном патриотическом «движении 4 мая» 1919 г. Это политическое движение явилось вспышкой протеста против империалистического произвола, против продиктованных империалистическими державами унижительных для Китая условий Версальского мирного договора. «Движение 4 мая» имело огромное историческое значение для развития национально-революционной борьбы китайского народа. Оно всколыхнуло всю страну и стало знаменательно тем, что в нем впервые выступил как новая политическая сила в национально-освободительной борьбе молодой рабочий класс Китая. «Движение 4 мая» открыло также период острой идеологической борьбы в среде китайской интеллигенции. Все большее распространение получали идеи марксизма-ленинизма. Но научное познание марксизма-ленинизма и постижение практического опыта Октября весьма затруднились и осложнились в Китае чрезвычайной социально-экономической отсталостью страны, малочисленностью пролетариата, засильем феодальных догм и традиций общественной жизни. В отличие от многих революционно-демократических деятелей Китая тех лет, считавших себя марксистами, но воспринявших марксизм односторонне, не преодолевших национальной ограниченности, Дэн Чжунся не только уверовал в могучую силу освободительных марксистско-ленинских идей, но и осознал классовую сущность научного социализма и его интернациональный характер. С самого начала он решил посвятить свою жизнь

делу организации и политического просвещения китайского рабочего класса. Вся революционная деятельность Дэн Чжунся была направлена на осуществление основных установок ленинской стратегии национальной революции: развитие самостоятельного рабочего движения и превращение китайского пролетариата в организованную политическую силу, в авангард национальной революции, создание подлинно пролетарской коммунистической партии в Китае, установление прочных международных связей китайского пролетариата с международным рабочим и коммунистическим движением.

Еще будучи студентом, он под руководством Ли Дачжао начал изучать положение китайского пролетариата и развернул революционную пропаганду в рабочих массах. Родные воспротивились революционной деятельности Дэна. Он порвал с семьей и стал профессиональным революционером. На каждом шагу подвергаясь смертельной опасности в условиях милитаристского беззакония и призыва иностранных империалистов, он вел жизнь, полную лишений. О его стойкости, находчивости, беззаветной храбрости ходили легенды.

Весной 1920 г. Ли Дачжао и Дэн Чжунся организовали в Пекине празднование 1 Мая, впервые отмечавшегося в Китае. Интересно, что, стремясь приобрести к празднованию 1 Мая самые широкие народные массы, его организаторы использовали древние обычаи традиционных китайских праздников. Манифестантам раздавались ритуальные хлебцы, на которых были изображены иероглифы «Труд священен!»¹.

В 1920 г. при непосредственной помощи Коминтерна в Китае стали организовываться первые марксистские кружки. Дэн Чжунся был одним из основателей возглавленного Ли Дачжао коммунистического кружка в Пекине и деятельно участвовал в подготовке I съезда КПК. Он вел большую организационную работу, готовя объединение отдельных коммунистических кружков в единую партию, и в то же время боролся против идейных противников марксизма. Как раз в период подготовки I съезда КПК Ли Дачжао и Дэн Чжунся решительно выступали против реформистов и анархистов из революционно-демократической организации «Шаонянь Чжунго» («Молодой Китай»), боровшихся с марксистами за руководство молодежью. Дэн Чжунся — член КПК с момента ее основания.

С именем Дэн Чжунся неразрывно связаны первые шаги китайских коммунистов в создании революционных рабочих профсоюзов и бурный размах профсоюзного движения в период китайской революции 1925—1927 гг.

Интересна история создания им первого в Китае революционного профсоюза железнодорожников в Чансиньдяни. Еще до создания первых коммунистических кружков сразу же после «движения 4 мая» при Пекинском университете по инициативе Дэн Чжунся была создана в 1919 г. Лекторская группа просвещения народа. Члены этой группы установили контакты с рабочими Чансиньдяни — узлового пункта Пекин-Ханькоуской железной дороги, находившегося в 23 км от Пекина, где в железнодорожном депо и на других предприятиях работало более 3 тыс. человек². Создано осенью 1920 г. пекинского марксистского кружка положило начало систематической работе коммунистов по организации и просвещению рабочих. В годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, осенью 1920 г., Дэн Чжунся и Ли Дачжао организовали в Пекине выпуск первого номера еженедельника «Лаодун инь» («Эхо труда»), посвященного проблемам организации и просвещения китайских рабочих. Это издание просуществовало до весны 1921 г., когда было закрыто пекинским правительством³.

Организация в Чансиньдяни общеобразовательной рабочей школы явилась первым практическим шагом в создании рабочих профсоюзов. Китайские рабочие были почти поголовно неграмотны и чрезвычайно отстали. Поэтому был избран путь постепенного приобщения их к азам социально-политических знаний, сочетания революционной пропаганды с обучением элементарным основам грамоты и общим просвещением. Дэн Чжунся помог создать для рабочих специальный учебник, написанный с учетом их конкретных жизненных интересов и уровня развития⁴. Средства для оборудования школы были собраны Лекторской группой просвещения народа и Студенческим союзом Пекинского университета. Днем школу посещали дети рабочих, а вечером — взрослые, сначала около 20 молодых рабочих, позднее их число увеличилось. Первыми иероглифами, которые изучали в школе, стали «работа», «железная дорога», «рабочий», «эксплуатация», «предприниматель» и т.п. Это было не просто обучение грамоте, а постижение основ политических и экономических знаний. На конкретных, взятых из жизни примерах рабочим показывали необходимость создания самостоятельной организации, знакомили их с развитием рабочего движения и антиимпериалистической борьбы во всем мире.

Дэн Чжунся переехал из Пекина в Чансиньдянь. Рабочая школа была его детищем, первым опытом классового воспитания рабочих, практического соединения марксизма с рабочим движением в столь трудных, своеобразных условиях Китая.

¹ См.: Мужественный май. Гуанчжоу, 1926, с. 3—5 (на кит. яз.).

² In: "The Chinese Trade Unions", 1961, № 3, p. 10.

³ См.: Борьба за русский Дальний Восток. М., 1922, с. 159.

⁴ In: "The Chinese Trade Unions", 1961, № 3, p. 10—11.

Создание на базе рабочей школы Чансиньдяни рабочего клуба (название «клуб» для обозначения профсоюза было распространённым в то время) Дэн Чжунся приурочил к празднованию 1 Мая 1921 г. В этот день в Чансиньдяни были организованы грандиозный рабочий митинг, а затем демонстрация. На транспарантах были начертаны призывы к сплочению рабочих. В Чансиньдяни и Пекине коммунисты раздавали демонстрантам листовки с призывом бороться за осуществление «трех восьмерок» (восьмичасовой рабочий день, восемь часов отдыха, восемь часов сна)⁵.

В Чансиньдянь приезжали делегаты рабочих из других городов и железнодорожных узлов. Создание и деятельность рабочей школы, а затем профессионального клуба стали хорошим примером становления классового профдвижения в Китае, упрочения связи молодой КПК с рабочими массами. Опыт Чансиньдяни был чрезвычайно важен для китайских коммунистов, для становления КПК как пролетарской партии. Не случайно первыми рабочими-коммунистами стали активисты этого клуба во главе с Ши Вэньпином, вступившие в КПК осенью 1921 г.⁶

Под руководством Дэн Чжунся профсоюзы Пекин-Ханькоуской железной дороги зимой 1922 г. создали Северное бюро помощи гонконгской забастовке моряков. Специальная агитбригада на паровозе, украшенном транспарантами, призывами к помощи бастующим морякам, провела рейс Пекин — Ханькоу и обратно. Были собраны значительные суммы рабочих пожертвований⁷.

Для координации усилий в развитии пролетарского профдвижения по всей стране летом 1921 г. коммунисты основали Всекитайский секретариат профсоюзов. Дэн Чжунся наряду с Чжан Готао и Ли Циханем был одним из его создателей и руководителей. Он принял самое деятельное участие в подготовке и проведении весной 1922 г. I Всекитайского съезда профсоюзов. Съезд был открыт в знаменательный день 1 Мая. Он проходил в Кантоне легально, с разрешения правительства Сунь Ятсена. В день открытия съезда по улицам древнего Кантона прошла первомайская демонстрация трудящихся города и делегатов съезда. На транспарантах были начертаны призывы к объединению рабочих всего Китая и всего мира. Очень популярен был лозунг «Профсоюзы — это судьба китайских рабочих».

Спецификой развития профсоюзного движения в Китае была борьба между новыми, организуемыми КПК рабочими профсоюзами, стоявшими на позициях классового объединения и классовой борьбы, и издавна существовавшими цеховыми, гильдейскими, а также земляческими корпорациями, в которые входили и рабочие, и подрядчики, и предприниматели. Съезд имел важное значение для укрепления связей молодой КПК с рабочими массами и для развития классового принципа организации китайских рабочих. На нем было принято решение о подготовке к созданию на классовой основе Всекитайской федерации профсоюзов (ВКФП). Ее организационные принципы были разработаны и доложены съезду Дэн Чжунся⁸.

Съезд назначил Дэн Чжунся ответственным секретарем Всекитайского секретариата профсоюзов. Секретариату было поручено установить связи с Красным Интернационалом профсоюзов. Примечательно, что 2 мая 1922 г., во время работы съезда, Исполбюро Профинтерна в обращении «К рабочим Китая» призывало их присоединиться к борьбе международного пролетариата⁹.

Сразу же после I Всекитайского съезда профсоюзов Всекитайский секретариат профсоюзов приступает к определению своей программы улучшения условий труда и жизни рабочих. Этот первый в истории Китая проект «Рабочего законодательства» был разработан под руководством Дэн Чжунся. Он отразил такие радикальные требования, как право рабочих на организацию в профсоюзы и проведение забастовок. Предусматривалось также установление минимума заработной платы, восьмичасового рабочего дня, оплаченных отпусков и пр. Характерно, что в этом проекте имелся пункт о праве китайских рабочих на «интернациональное объединение», то есть на связь с организациями международной пролетарской солидарности¹⁰. Содержание проекта послужило основой для выработки последующими Всекитайскими съездами профсоюзов конкретных экономических и политических требований китайского рабочего класса.

Летом 1922 г. созданные по примеру Чансиньдяни профсоюзы рабочих Северного Китая под руководством Дэн Чжунся развернули забастовочную борьбу за улучшение условий труда. Особенно крупной была забастовка в Чансиньдяни, благодаря которой рабочие добились значительного увеличения заработной платы.

Осенью 1922 г. Дэн Чжунся руководил забастовкой 50 тыс. шахтеров английских

⁵ In: "The Chinese Trade Unions", 1961, № 3, p. 13; «Новый Дальний Восток», 1923, № 9, с. 132—136.

⁶ In: "The Chinese Trade Unions", 1961, № 3, p. 12.

⁷ См.: Дэн Чжунся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952, с. 80.

⁸ См.: Документы Всекитайских съездов профсоюзов. Пекин, 1957, с. 5—6 (на кит. яз.).

⁹ См.: «Красный Интернационал профсоюзов», 1922, № 4, с. 387—388.

¹⁰ См.: Первый китайский ежегодник труда, ч. II Пекин, 1928, с. 437—438 (на кит. яз.).

угольных копей в Кайлуани. Своей кровью написал он обращение к бастующим, призывая их к стойкости в борьбе¹¹.

Работа Ли Дачжао и Дэн Чжунся по организации профсоюзов на Пекин-Ханькоуской железной дороге, являвшейся главной железнодорожной магистралью страны, имела большое значение для укрепления связей КПК с рабочими массами. Вслед за Чансиньдянью к концу 1922 г. профсоюзы были созданы во всех 16 узловых пунктах дороги, их влияние охватило почти 20 тыс. железнодорожников. Под непосредственным руководством Дэн Чжунся велась подготовка объединенного съезда этих профсоюзов. Съезд открылся 1 февраля 1923 г. на станции Чжэнчжоу. Однако милитарист У Пэйфу, обеспокоенный ростом активности железнодорожников, направил в Чжэнчжоу войска, которые разогнали съезд и только что созданный на нем Совет профсоюзов. В ответ под руководством коммунистов началась всеобщая политическая забастовка протеста, охватившая всю Пекин-Ханькоускую железную дорогу. Главным требованием бастующих была свобода профсоюзного движения. Правительство У Пэйфу, открыто поощряемое представителями иностранных держав, жестоко подавило забастовку. Расстрел забастовщиков вошел в историю китайского рабочего движения под названием «кровавые события 7 февраля 1923 г.»

Мужество забастовщиков было высоко оценено Коминтерном и Профинтерном. В специальном воззвании Исполкома Коминтерна говорилось: «Товарищи железнодорожники! Вашей борьбой и жертвами в последней забастовке вы присоединились к классу мирового пролетариата, борющегося против эксплуататоров во всех странах мира... Вы правильно начали свою борьбу. Только отвоевав право на организацию своих сил, мы сможем вести дальнейшую борьбу за раскрепощение китайского пролетариата и за освобождение китайского народа от иностранных империалистов и их слуг — отечественных феодалов»¹².

Жестокий разгром Пекин-Ханькоуской забастовки вызвал спад рабочего движения в Китае. Некоторые коммунисты стали сомневаться в революционных возможностях китайского рабочего класса, не веря в возрождение его сил. В этот тяжелый период многочисленные статьи Дэн Чжунся в партийной печати доказывали, что рабочий класс — самая верная сила китайской революции, что КПК должна уделять самое серьезное внимание организации пролетариата, готовить его к новым боям. Анализируя практический опыт коммунистов в создании рабочих профсоюзов и руководство забастовочной борьбой, он делал вывод о настоятельной необходимости всемерного усиления самой КПК, превращения ее в подлинно пролетарскую партию, вовлечения в нее рабочих.

В 1923 г. ЦК КПК направил Дэн Чжунся в Шанхай. Крупнейший промышленный город страны и в то же время главная цитадель империализма в Китае, Шанхай стал центром острейших столкновений полярных сил — империализма и молодого рабочего класса Китая, для которого иностранные порабитатели были олицетворением и национального, и социального угнетения. До разгрома Пекин-Ханькоуской забастовки, в период становления классового профдвижения 1921—1923 гг., авангардную роль играли рабочие железных дорог Северного и Центрального Китая. Теперь же на передний план выдвигался 800-тысячный пролетариат Шанхая.

Вместе с Цюй Цюбо и другими выдающимися деятелями КПК Дэн Чжунся в 1923 г. участвует в создании Шанхайского университета — учебного заведения, ставшего центром подготовки коммунистических кадров. По рекомендации Ли Дачжао Дэн Чжунся был назначен начальником его Общего отдела. В Шанхайском университете преподавали Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Дэн Чжунся, Цай Хэсэнь, Чжан Тайлэй и другие известные руководители КПК¹³. Связь с рабочими Шанхая, просвещение и организация их были важной задачей университета.

С самого начала развития коммунистического движения в Китае Дэн Чжунся становится активным деятелем марксистско-ленинского интернационалистского ядра КПК, стремившегося к тесной связи с международным рабочим и коммунистическим движением и его руководящими органами — Коммунистическим интернационалом и Профинтерном. Исполком Коминтерна настоятельно указывал КПК на необходимость развития профдвижения, укрепления руководства коммунистов в организации и борьбе китайского пролетариата, подчеркивая, что это «первейшая обязанность коммунистов»¹⁴.

Уже с начала 20-х годов Коминтерн и Профинтерн стали оказывать самую непосредственную практическую помощь становлению коммунистического и рабочего движения в Китае. Деятельность Дэн Чжунся была направлена на всемерное использование помощи организаций международной пролетарской солидарности и на воспитание китайских рабочих в духе интернационализма.

¹¹ См.: Дэн Чжунся. Краткая история профсоюзного движения в Китае, с. 100—106.

¹² «Правда», 5.III.1923.

¹³ Подробнее см.: М. Ф. Юрьев. Китайская революция 1925—1927 гг. М., 1968, с. 110—113.

¹⁴ См.: Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая (Сборник документов). М., 1934, с. 114.

По инициативе и при содействии Коминтерна впервые в мировой истории в Китае был создан единый национальный антиимпериалистический фронт. Решение о создании единого фронта с суньятсеновским гоминьданом было принято III съездом КПК (июнь 1923 г.). На этом съезде Дэн Чжунся был введен в состав ЦК КПК.

Дэн Чжунся был непосредственно связан с важнейшим направлением деятельности партии — использованием условий единого фронта для укрепления силы и организации китайского рабочего класса, усиления его роли в общенациональной борьбе. Ленинская стратегия единого фронта, проводимая Коминтерном в Китае, была направлена на объединение всех сил угнетенной нации на борьбу против империализма и в то же время на укрепление в этой борьбе социально-политической роли рабочего класса и его коммунистического авангарда. Единый фронт в Китае создал условия для быстрого нарастания революционной ситуации и колоссального размаха революции 1925—1927 гг.

Созванный в январе 1925 г. IV съезд КПК уделил первостепенное внимание установлению руководства коммунистов рабочими массами. В принятой на съезде Резолюции о профсоюзном движении было подчеркнуто значение работы коммунистов в важнейших промышленных центрах страны, и прежде всего в Шанхае¹⁵.

Дэн Чжунся всецело переключается на работу среди пролетариата Шанхая. Под его руководством здесь стали создаваться боевые революционные профсоюзы. В феврале 1925 г. в Шанхае развернулась упорная стачечная борьба 40 тыс. рабочих японских текстильных фабрик за улучшение условий труда, прекращение увольнений и признание профсоюзов. Для руководства этой грандиозной забастовкой ЦК КПК создал специальный комитет во главе с Дэн Чжунся и Ли Лисанем. Коммунисты помогли рабочим создать стачечный комитет и пикеты, вооруженные самодельным оружием. Были организованы не только профсоюзы на фабриках, но и объединенный профсоюз текстильщиков Шанхая. Забастовка имела ярко выраженный антиимпериалистический характер. Были выдвинуты лозунги освобождения Китая от японских и других иностранных поработителей. В ходе этой забастовки коммунисты развернули антиимпериалистическую пропаганду среди широких слоев населения Шанхая, призывая поддержать бастующих рабочих. Был организован сбор пожертвований в их поддержку. Японские империалисты пытались силой подавить забастовку, с их военных кораблей были высажены отряды морской пехоты. Неоднократно происходили стычки рабочих с войсками и полицией. Одно из таких столкновений завершилось кровавой расправой и арестом большой группы забастовщиков под предводительством Дэн Чжунся. Однако в обстановке нарастающего революционного подъема шанхайские власти вынуждены были уступить требованиям рабочих, а также прогрессивной общественности и после окончания февральской забастовки освободить Дэн Чжунся.

Несмотря на то, что японские империалисты отвергли основные требования бастующих и пошли лишь на частичные уступки, февральская забастовка дала шанхайским рабочим богатый опыт борьбы и организации, укрепила среди них влияние и авторитет КПК. Она стала прологом мощного «движения 30 мая» 1925 г., ознаменовавшего начало революции 1925—1927 гг.

В самый канун революции, 1 мая 1925 г., под руководством компартии был созван в Кантоне II Всеитайский съезд профсоюзов. На нем была создана Всеитайская федерация профсоюзов (ВКФП), вошедшая в Профинтерн. Съезд назначил Дэн Чжунся генеральным секретарем и заведующим отделом пропаганды ВКФП.

В ходе потрясшей Китай национально-демократической революции 1925—1927 гг. китайский пролетариат выступил в авангарде революционных сил. КПК и руководимой ею ВКФП были оказаны огромное внимание и помощь международным пролетариатом и прежде всего Советским Союзом. В эти годы китайский рабочий класс проявил величайший героизм и самопожертвование. Его выступления были центральными событиями национально-революционной борьбы. Выросли и окрепли рабочие профсоюзы, возросли их международные связи.

Дэн Чжунся находится в самой гуще революционных событий. Начало революции застало его в Кантоне где он налаживал работу только что созданной ВКФП.

Когда вспыхнули события 30 мая 1925 г. в Шанхае, перед КПК, перед всем революционным лагерем единого фронта встал проблема обеспечить наряду с максимальным развитием борьбы в Шанхае общенациональный размах революции. Необходимо было всемерно использовать для этого провинцию Гуандун с ее главным городом Кантоном, где у революционных сил единого фронта была своя территория, свои вооруженные силы (военная школа Хуанпу), наиболее организованное рабочее и крестьянское движение. Компартия здесь пользовалась большим политическим влиянием и развернула активную деятельность среди рабочих и крестьян. Сохранение и укрепление Гуандунской революционной базы, против которой сразу же ополчились силы местной феодально-компрадорской реакции и английского империализма, рассматривавшего этот район как свою сферу влияния, имело решающее значение для судеб китайской революции.

¹⁵ См.: Резолюции и декларации IV съезда КПК. [Б. м.] 1925, с. 55—57 (на кит. яз.).

ЦК КПК поручил Дэн Чжунся важнейшее для развития революции задание — организовать забастовку солидарности с шанхайскими рабочими в Кантоне и Гонконге.

Олицетворением самого непосредственного и обиженного империалистического гнета в Гуандуне выступала английская колония на острове Гонконг, находящемся всего в 144 км от Кантона. На иностранных предприятиях Гонконга был сосредоточен один из самых передовых и многочисленных отрядов китайского пролетариата.

Председателем созданного КПК Гонконг-Кантонского стачечного комитета стал руководитель гонконгских рабочих Су Чжаочжэн, его заместителем — Дэн Чжунся. Знаменитая Гонконг-Кантонская забастовка явилась выдающимся событием не только китайского, но и международного рабочего движения. Она охватила 250 тыс. рабочих и продолжалась 16 месяцев, с 19 июня 1925 г. по 10 октября 1926 г.

Забастовщики покинули Гонконг и обосновались в Кантоне, где к ним присоединились служащие местной иностранной концессии. Действовавший в Кантоне стачечный комитет стал влиятельной политической организацией. Функции его были весьма обширны. Он не только организовывал общежития, столовые, больницы и школы для огромной массы бастующих, но и создал отдел пропаганды, осуществлявший издание книг, брошюр и воззваний, а также финансовый отдел и различные учреждения. Для дальнейших событий большое значение имело формирование вооруженных рабочих отрядов-пикетов. Число пикетчиков доходило до 3 тыс. Курсанты военной школы Хуанпу обучали их военному делу, более половины их были вооружены винтовками, остальные — самодельными пиками, дубинками. Пикеты контролировали проведение антианглийского бойкота, помогали властям в борьбе с контрреволюцией. Они имели право ареста штрейкбрехеров, нарушителей антианглийского бойкота, контрреволюционеров. Был при стачечном комитете и суд, решения которого признавались кантонским правительством.

Вокруг бастующих рабочих сплотились в антиимпериалистической борьбе широкие круги населения Гуандуна, включая и буржуазию, которой был весьма выгоден подрыв позиций английского капитала — ее могущественного конкурента. Одновременно с забастовкой были объявлены антианглийский бойкот и полная экономическая блокада Гонконга.

Эта забастовка расшатала экономику Гонконга — оплота английского владычества в Китае, подорвала позиции Англии в Китае. В то же время она создала условия для экономического и политического укрепления первой в истории Китая территориальной базы революции, центром которой был Кантон, для дальнейшего развития революции. Забастовка дала рабочему классу и КПК ценнейший опыт борьбы и организации¹⁶.

Истории этой забастовки, анализу опыта антиимпериалистической борьбы единого фронта и роли в ней рабочего класса Дэн Чжунся посвятил несколько книг и много статей. Самой крупной и интересной работой Дэна является «Краткая история профсоюзного движения в Китае», в которой освещается развитие рабочего движения во всей стране в период 1919—1926 гг. Чрезвычайно интересна и характерна для того времени история создания этой книги.

После контрреволюционных переворотов 1927 г. Дэн Чжунся выступает как один из организаторов начавшегося 1 августа 1927 г. знаменитого Наньчанского восстания — первого боя революционных сил, руководимых КПК, против вставшего на путь контрреволюции гоминьдана. Как известно, это восстание положило начало созданию собственных вооруженных сил КПК — Красной армии. Затем он возглавил подпольный комитет КПК в провинции Цзянсу с центром в Шанхае, где концентрировались основные руководящие кадры КПК. Всеми силами стремилась КПК в тяжелых условиях подполья возродить боевой дух китайского пролетариата, поднять его на борьбу против гоминьдана. Осенью 1927 г. ЦК КПК направил Дэн Чжунся на организацию забастовки рабочих района Пудун — центра шанхайской текстильной промышленности. С этой забастовкой руководство КПК связывало надежды на активизацию шанхайского пролетариата. Тогда же Дэн Чжунся выступил как организатор издания журнала «Шанхай гунжэнь» («Шанхайский рабочий»), ставшего органом возрожденного после разгрома его чанкайшистами подпольного Генсовета шанхайских профсоюзов.

В 1928 г. Дэн Чжунся — один из самых авторитетных и популярных деятелей китайского рабочего движения — был направлен в Москву как представитель ВКФП в Профинтерне. V конгресс Профинтерна избрал его членом Исполкома Красного Интернационала профсоюзов. Находясь в Москве, Дэн Чжунся и написал «Краткую историю профсоюзного движения в Китае», обобщив исторические материалы и свой опыт руководителя крупнейших выступлений китайских рабочих.

В те годы в Китае свирепствовал жестокий белый террор изменившего делу революции гоминьдана. Об издании книги в Китае не могло быть и речи. Чтобы сохранить этот ценный труд, впервые дававший марксистское исследование важнейших периодов рабочего движения в Китае, ознакомить с ним китайских революционеров и мировую общественность, в 1930 г. в Москве было осуществлено издание этой книги на китайском языке. Это был акт интернациональной помощи. В течение

¹⁶ Подробнее см.: Т. Н. Акатова, Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка. М., 1959.

многих лет это московское издание 1930 г. было единственным. Затем книга была переиздана в освобожденных районах Китая еще до победы революции. После же 1949 г. книга несколько раз переиздавалась в КНР. Второе китайское издание, вышедшее в 1942 г., было в 1952 г. переведено на русский язык. Так в Москве еще раз была издана книга Дэн Чжунся. Она известна каждому советскому ученому, занимающемуся историей Китая. Значение этой книги трудно переоценить. Вплоть до сегодняшнего дня она является самым ценным и авторитетным трудом по истории рабочего движения в Китае.

Материал «Краткой истории профсоюзного движения в Китае» обрывается на событиях 1926 г. Дэн Чжунся прервал работу над ней, покинув в 1929 г. Москву, чтобы вернуться на родину и вновь непосредственно включиться в борьбу против гоминьдановских реакционеров. ЦК КПК назначил Дэн Чжунся на пост политкомиссара 2-го корпуса Красной Армии, которым командовал Хэ Лун. Перед командованием этого корпуса ставилась трудная задача передислокации войск из провинции Хунань в западную часть провинции Хубэй и основать там в районе Хунху новую партизанскую базу. Хэ Лун и Дэн Чжунся успешно осуществили это задание, в результате позиции Красной армии были существенно укреплены.

Затем он вновь работает в Шанхае, по-прежнему являвшемся центром всей подпольной деятельности КПК в гоминьдановском Китае.

В городах Китая свирепствовала реакция. Недавние союзники КПК по единому фронту — гоминьдановцы — были хорошо осведомлены о работе коммунистов среди рабочих в годы революции. Руководители рабочего движения были прекрасно известны им. За Дэн Чжунся они охотились особенно упорно. Еще в 1927 г., сразу же после контрреволюционных гоминьдановских переворотов, по всем крупным городам страны были разосланы приказы о его аресте.

В Шанхае работа коммунистов была чрезвычайно опасна. Гоминьдановское правительство придавало Шанхаю важнейшее значение.

Особую роль приобрело рабочее движение в Шанхае в обстановке японской агрессии, начавшейся захватом Маньчжурии 18 сентября 1931 г. Именно Шанхай становился в тот период центром патриотической борьбы всего китайского народа против захватчиков. Авангардная роль в этой борьбе принадлежала рабочим Шанхая, в котором была сосредоточена большая часть японских промышленных предприятий, действовавших в Китае. Только на текстильных японских фабриках здесь работало более 80 тыс. рабочих.

Осенью 1931 г. в Шанхае вели работу самые авторитетные из непосредственно связанных с рабочим движением руководителей КПК: Лю Шаоци, Дэн Чжунся, Ло Дэньсянь¹⁷. Примечательно, что Ло Дэньсянь, являвшийся в тот период членом Политбюро ЦК КПК, сформировался как революционер под руководством Дэн Чжунся. Простой рабочий из Гонконга, он был в период Гонконг-Кантонской забастовки 1925—1926 гг. избран в стачечный комитет. Под непосредственным влиянием Дэн Чжунся он стал тогда коммунистом, видным руководителем рабочего движения, профессиональным революционером. После смерти Су Чжаочжэна в 1929 г. Ло Дэньсянь заменил его на посту председателя подпольной Всекитайской федерации профсоюзов.

Руководимые коммунистами профсоюзы, называвшиеся «красными», были очень слабы, немногочисленны, их деятельность в рабочих массах была неимоверно трудна. Каждого заподозренного в коммунистической пропаганде гоминьдановцы карали смертной казнью.

Непрекращающийся белый террор гоминьдановских властей против «коммунистической опасности» еще более усилился в связи со стремлением гоминьдана обуздать массовый подъем антияпонской борьбы и ввести его в «дозволенные рамки», полностью подчинить своему руководству. Газеты Шанхая были полны сообщений о «происках коммунистов».

Все события рабочего движения в Шанхае после начала японской агрессии 18 сентября 1931 г. были подчинены одной задаче — отпору захватчикам. Никогда еще со времени революции 1925—1927 гг. борьба рабочего класса Шанхая не достигала такого высокого уровня, как в последние месяцы 1931 г. и в начале 1932 г. Шанхайский горком КПК призвал рабочих вооружаться для защиты отечества. Подпольные красные профсоюзы, несмотря на свою немногочисленность и слабость, активно участвовали в патриотической борьбе. Усиление влияния КПК в рабочих массах определялось ее позицией наиболее решительного и последовательного отпора агрессорам. Выдвигаемые коммунистами лозунги решительной борьбы за спасение родины были понятны каждому рабочему, полностью отвечали настроениям масс, четко формулируя их требования и обобщая их во всенародном масштабе.

Антияпонская борьба рабочих Шанхая достигла кульминации в знаменитой обороне Шанхая (январь — март 1932 г.). Население города, в первых рядах которого выступали рабочие, оказало сопротивление японской армии, пытавшейся захватить Шанхай.

¹⁷ См.: Цзинь Инси. Рабочее движение в Шанхае в период от 12 апреля 1927 г. до 18 сентября 1931 г. — «Чжуншань дасюэ сюэбао», 1957, № 2, с. 92.

В тяжелые годы наступившего после революции 1925—1927 гг. господства гоминьдановской реакции и белого террора борьба за Шанхай, всколыхнув весь народ, революционизировала рабочий класс, вдохнула в него веру в собственные силы. В те дни Коммунистический Интернационал и Профинтерн призывали рабочих всего мира повседневно бороться против японской интервенции в Китае, оказать поддержку мужественным защитникам Шанхая¹⁸.

Деятельность по активизации патриотической борьбы шанхайского пролетариата, которая имела в тот период всекитайское значение в сопротивлении народа японским поработителям, была последним революционным подвигом Дэн Чжунся. В 1933 г. гоминьдановцам удалось арестовать его. Чанкайшисты не торопились казнить столь популярного деятеля КПК, они пытались склонить его к измене. После невероятно жестоких, изощренных средневековых пыток в камеру к нему, полуживому, был послан провокатор, соблазнявший его всеми земными благами за отступничество от Коммунистической партии Китая и переход на сторону гоминьдана. Но Дэн Чжунся мужественно вынес ужасы полицейских застенков и с негодованием отверг все посулы. Тогда была назначена его публичная казнь в гоминьдановской столице Нанкине. Перед казнью Дэн Чжунся сумел передать из тюрьмы письмо Коммунистической партии Китая. В нем он писал: «Товарищи, мне скоро отправляться на Юйхуатай¹⁹. Всеми силами продолжайте борьбу. Окончательная победа будет все же за нами»²⁰. Вся жизнь и сама смерть Дэн Чжунся — бессмертный подвиг, ставший достоянием истории.

В историю китайского и международного рабочего движения имя коммуниста-интернационалиста Дэн Чжунся вошло навечно. Выдающийся деятель коммунистической партии, стоявший у самых истоков коммунистического и революционного рабочего движения в Китае, он отдал все свои знания, силы, талант и саму жизнь укреплению связей КПК с рабочими массами, превращению ее в действительно пролетарскую, подлинно коммунистическую партию. Великое дело освобождения китайского рабочего класса, его единения с международным пролетариатом и советским народом, неизменно верным своему высокому интернациональному долгу, было делом всей его жизни. Гибель в годы белого террора гоминьдана Дэн Чжунся и других коммунистов-интернационалистов, составивших марксистско-ленинское ядро партии, была невосполнимой потерей для КПК.

¹⁸ См.: Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, с. 313—315; Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932). Документы и материалы. М., 1960, с. 345—350.

¹⁹ Юйхуатай — место публичной казни коммунистов в Нанкине.

²⁰ См.: Краткая биография товарища Дэн Чжунся. — В кн.: Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952, с. 308.

Проблемы китайского литературного наследия

*Е. А. Серебряков,
доктор филологических наук*

Название новой книги члена-корреспондента АН СССР Н. Т. Федоренко «Китайское литературное наследие и современность»^{*} свидетельствует о стремлении автора проанализировать духовные традиции Китая в развитии и преемственности, выявить их значение для нынешней жизни китайского народа и для современной мировой культуры. В Китае проблема культурного наследия в нашем веке приобрела острый характер, вокруг нее долгие десятилетия сталкивались марксистская концепция и разного рода буржуазные взгляды (от шовинистических до космополитических). С образованием КНР марксизм-ленинизм в китайском литературоведении утвердился, однако большой вред научной деятельности наносило вульгаризаторское и утилитарное отношение к культурному наследию. После мрачных лет «культурной революции» в Китае вновь возросло внимание к классической литературе, но на характере литературоведческой работы не может не сказываться обстановка обостренной борьбы марксизма с мелкобуржуазными и буржуазными идеями. Показательно, что главной целью созванного в начале сентября 1981 г. в Пекине редакцией журнала «Вэньсюэ ичань» совещания специалистов по классической китайской литературе было обсуждение вопроса о значении марксистской методологии для изучения культуры прошлого. Необходимость такого совещания вызвана тем, что реакцией на «культурную революцию» было появление сомнений относительно пользы марксистского подхода при исследовательской филологической работе. Часть специалистов полагала, что следует вести лишь текстологические исследования и избегать теоретических рассуждений о старой литературе. Некоторые даже говорили: «Лучше прокомментировать один ероглиф, чем отстаивать какой-либо «изм». Собравшиеся отмечали, что сейчас в китайском литературоведении порой наблюдается подмена марксистских идей высказываниями Гегеля и других философов домарксовской эпохи. Совещание было вынуждено признать, что «создание отряда специалистов для изучения китайской классической литературы является делом, не терпящим отлагательства. Работа по освоению литературного наследия страны оказалась одним из районов бедствия, тяжело пострадавших от левацких ошибок»¹. В таких условиях книга советского ученого о китайских литературных традициях представляется актуальной и служит упрочению марксистского понимания проблемы культурного наследия Китая.

Важное методологическое значение имеют размышления Н. Т. Федоренко о взаимосвязи национального и общечеловеческого в искусстве слова. Исследователь раскрывает отрицательное влияние на научное освоение культурного наследия Китая европоцентристских взглядов, не признававших значение китайских художественных творений для общемирового литературного процесса. В книге подвергается критике и другая крайность — так называемый азиатский центризм. «Попытка идеализировать Восток и возводить его культуру, как и образ мышления восточных народов, в абсолютную степень превосходства над всем остальным миром, над всеми другими народами и культурами, безусловно, в такой же мере противоречит объективности, как и концепция европоцентризма», — пишет Н. Т. Федоренко (с. 100). Он показывает, как на почве националистических представлений родились призывы «китаизировать теорию литературы и искусства», что зачастую приводило к нарушению принципа историзма и поискам в памятниках далекого прошлого категорий современной эстетики. Антинаучным концепциям автор противопоставляет марксистскую методологию, с позиций которой им и решаются сложные вопросы связи литературы и общества в древности и в средние века, роли философско-религиозных учений в формировании идейного и эстетического облика литературы, соотносительности народных и аристократических тенденций в художественном процессе, места словесного искусства Китая в мировой литературе.

^{*} Н. Федоренко. Китайское литературное наследие и современность. М., «Художественная литература», 1981. 398 с.

¹ «Гуанмин жибао», 5.X.1981.

Анализируя закономерности развития китайской литературы, автор монографии подчеркивает, что особенностью художественного процесса Китая было в течение многих столетий преобладание лирической поэзии. Попутно отметим, что Н. Т. Федоренко много сделано для ознакомления советского читателя с поэтическим наследием китайского народа. Например, под его редакцией и с его обстоятельными вступительными статьями были изданы «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)» (М., 1956), четырехтомная «Антология китайской поэзии» (М., 1957—1958). В рецензируемой книге Н. Т. Федоренко обращается к литературе эпохи Сун (X—XIII вв.), поскольку на протяжении длительного времени у нас и за рубежом внимание исследователей китайской поэзии сосредоточивалось главным образом на наследии Танской эпохи (VII—X вв.). Н. Т. Федоренко первым в отечественном Китаеведении столь серьезно и подробно охарактеризовал сунский песенно-поэтический жанр цы. В монографии на большом стихотворном материале обосновывается высказанное автором положение: «Поэзии жанра цы принадлежит важное место в китайской истории словесного искусства: цы вместе с уставными стихами жанра ши представляют главный поток в развитии поэтического творчества в Китае, классическую его основу» (с. 15). Интересны имеющиеся в работе характеристики содержательных и формальных особенностей жанра цы, указания на сложность соотношения музыкальных и поэтических ритмов в стихах, на высокое искусство словоупотребления и значение художественной детали в произведениях жанра цы.

Н. Т. Федоренко знакомит с творчеством крупнейших поэтов Су Ши, Ли Цинчжао, Синь Цици, проявляя вдумчивый и бережный подход к словесному искусству прошлого. Для китайского литературоведения стало характерным, отмечая, например, творческие достижения Су Ши, указывать: «Его классовая и идейная ограниченность привела к тому, что он не смог познать глубину народной жизни, вскрыть суть жизни общества, поэтому не достиг высоты реализма Ду Фу. Ему не удалось, как Ли Бо, сделаться последовательным противником пороков общества и власти аристократии, потому его романтизм по сравнению с Ли Бо носит более пассивный характер»². Помимо вулгаризаторского переноса категорий «реализм» и «романтизм» на литературный процесс средних веков, здесь наблюдается упрощенное отношение к проблеме мировоззрения поэтов, к критериям художественной ценности творений словесного искусства. Н. Т. Федоренко стремится воспроизвести творческий облик Су Ши во всей его многогранности, в сложной связи с политической и духовной жизнью страны, в сопричастности к конфуцианству, буддизму и даосизму. По убеждению исследователя, «для Су Ши поэтическое творчество, безусловно, имело первостепенный этический смысл, нравственное значение». Дальше мысль поясняется: «Этика здесь понимается нами как аспект смыслового строения песенно-поэтических произведений жанра цы, где не разъяты нравственное начало и художественная цель, эстетическая природа поэзии» (с. 49). Углубленное и всестороннее изучение идейной и художественной сущности стихотворений Су Ши позволяет Н. Т. Федоренко воссоздать духовный мир средневекового поэта, его идеалы и мечты. В произведениях Су Ши, как и вообще в сунских цы, главное, по свидетельству ученого, не в описании каких-либо событий, а в выражении своего нравственного и эмоционального отношения к ним. В верности жизни, в благородстве чувств, в тонком понимании красоты окружающего мира, в богатстве средств образного выражения видит Н. Т. Федоренко непреходящую ценность классической китайской поэзии. «По самобытности языка и стиля, по глубине мысли и проникновенности сунская поэзия цы принадлежит к явлениям выдающимся и неповторимым», — приходит к выводу автор книги (с. 76—77). Он с удовлетворением пишет о том, что советское Китаеведение имеет приоритет в изучении и художественном переводе поэзии жанра цы, отмечая особое значение талантливых переводов М. Басманова.

Проблема национального своеобразия и самобытности в их соотносительности с общечеловеческим решается в книге с наибольшей убедительностью на примере литературного наследия древнего поэта Цюй Юаня, осуществившего переход от анонимной песенной поэзии к индивидуальному литературному искусству. Характер творчества Цюй Юаня во многом обусловлен драматическим конфликтом поэта с правителями княжества Чу, которые пренебрегали интересами родной земли и шли на уступки воинственному царству Цинь. Существенное значение для понимания и оценки творчества поэта имеет высказанное в книге суждение: «Выступление против попыток циньской аннексии, однако, отнюдь не означает, что Цюй Юань, как это утверждают некоторые авторы, был против объединения Китая или противился поступательному развитию истории. Подобное заключение было бы по меньшей мере крайне упрощенным и неверным» (с. 172). В любви к родному краю, во внимании к духовному, нравственному началу, в стойкости, с которой поэт отстаивал свои убеждения, лежит секрет необыкновенной популярности Цюй Юаня в Китае. По мысли исследователя, именно потому, что Цюй Юань оказался сопричастен к исторической судьбе родной земли, ему удалось создать мир поэтических образов, которые приобрели значение всеобщее и стали достоянием всего человечества.

При рассмотрении как творчества отдельных древних и средневековых авторов Китая, так и самого литературного процесса страны в целом исследователь обращает са-

² История китайской литературы, т. 2. Пекин, 1959, с. 408—409 (на кит. яз.).

мое серьезное внимание на присутствие гуманистического начала, стремление к постижению человеческой сущности. «Как беден был бы гуманизм в Китае без «Книги песен», «Чуских строф», танской поэзии, сунских стихов цы, без Цюй Юаня, Тао Юаньмина, Ван Вэя, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Су Ши, Оуян Сю, Ли Цинчжао, Сянь Цинци, многих десятков и сотен других выдающихся художников слова» (с. 8). За этими словами ученого стоит ясное понимание того, что невозможно представить китайскую классическую литературу в отрыве от гуманистических идей. Потому с такой горечью и возмущением говорится в книге о том, что в ходе «культурной революции» было развернуто наступление на гуманизм и человечность. «В нашей стране в течение долгого периода гуманизм подвергался критике как ревизионизм», — констатирует газета «Жэньминь жибао» и сообщает, что сейчас интерес к проблеме гуманизма проявляется широко, но при этом обнаружилось два подхода, один из которых признает преемственную связь марксизма с гуманизмом, а другой эту связь полностью отрицает, поскольку «гуманизм — буржуазная идеология, продукт определенного этапа истории»³, когда буржуазный класс вступил в борьбу с феодальными устоями. Эта информация свидетельствует, насколько пагубно повлияла «культурная революция» на теоретические представления китайской интеллигенции. В противовес теоретической путанице советский ученый четко формулирует свою позицию: «Гуманизм, на наш взгляд, играл важнейшую роль в художественном творчестве всех народов, во все времена. И в наш век гуманизм — главный вопрос искусства... В наше время гуманизм обретает новый смысл и новую меру, хотя и в прошлом он был знаменем передовых человеческих устремлений, художественной воли. В гуманизме нашего времени содержится и унаследованное, и вновь творимое» (с. 149). Многие памятники словесного искусства Китая тем и близки людям XX века, что в них запечатлены извечные поиски смысла жизни, стремление к духовному раскрепощению личности, к утверждению человеческого достоинства.

При рассмотрении проблемы китайского литературного наследия Н. Т. Федоренко, естественно, не мог не обратиться к решению вопроса о взаимосвязи фольклора и литературы, о месте народного творчества в художественных традициях страны. Одну из особенностей китайской классической литературы он усматривает в уважительном отношении к древней народной песне, в стремлении сохранить песенные фольклорные произведения. Объясняется это тем, что конфуцианцы рано осознали силу воздействия народного песенного искусства на людей и потому постарались использовать его для утверждения своих политических и этических догматов. Традиция приписывает Конфуцию составление «Книги песен», которая позднее была включена в число канонических памятников и приобрела дидактический характер. Но как ни старались конфуцианские комментаторы интерпретировать фольклорные произведения в духе своего учения, читатели умели почувствовать биение живой поэтической мысли. «Первозданная простота и непосредственность — едва ли не главная примечательная особенность песенной поэзии «Книги песен», — указывает Н. Т. Федоренко (с. 122). Им отмечается, что фольклорные творения способствовали проникновению в письменную литературу народных этических и эстетических идеалов, примет народной жизни. И чем яснее был китайский поэт связан с народной поэтической традицией, тем явственнее проступала в его произведениях национальная самобытность. Напоминая, что фольклорное творчество всегда обогащало в идейно-художественных исканиях гениальных художников слова всех времен и народов Запада и Востока, Н. Т. Федоренко выделяет как характерную приметку литературного развития древнего и средневекового Китая воздействие народного искусства на становление и развитие жанров, на утверждение гуманистических идеалов.

В монографии указывается, что на протяжении многих веков правители Китая насаждали великоханьское пренебрежение к культурным достижениям других народов и подобная самоизоляция не могла в дальнейшем не породить ошибочных представлений о полной отгороженности китайской литературы от иноземных воздействий. Длительному господству китаецентристских течений, пытавшихся давать всему объяснение с позиций китайской национальной автохтонности и отрицать всякое культурное и духовное влияние извне, следует противопоставлять результаты научных поисков, продиктованных убеждением в том, что «герметичной замкнутости национального мира в действительности не бывает, как не бывает так называемой исключительности. Не составляет здесь исключения и развитие китайской литературы» (с. 216—217). На примере жанра бяньвэнь Н. Т. Федоренко показывает существование глубоких связей между китайской и индийской литературами. В монографии содержатся важные сведения о самом жанре бяньвэнь, о судьбе свитков, найденных в пещерах провинции Ганьсу, об истории публикации текстов и исследования дуньхуанских рукописей в Китае, о существенном вкладе, который внесло в научную разработку проблемы бяньвэнь советское китаеведение. Автор характеризует историю переводов буддийских сутр на китайский язык, показывает сложные взаимоотношения буддийского учения со сложившимися в Китае школами конфуцианства и даосизма. Ученый указывает, что в целях утверждения своего учения буддийские проповедники искусно учитывали привычные для китайцев философские терминологию и фразеологию, перерабатывали буддийские сюжеты применительно к представлениям местных жителей, использовали

³ «Жэньминь жибао», 19.X.1981.

приемы китайского словесного искусства. Жанр бяньвэнь первоначально зародился как буддийская проповедь. Чтобы увлечь слушателей, которые подчас были людьми простыми, неграмотными, монахи прибегали к своеобразной форме изложения буддийских сюжетов, при которой органически сочетались проза и поэзия. Бяньвэнь в большинстве написаны на буддийские темы, но наряду с ними есть произведения светского характера, излагающие китайские предания. Манера изложения в бяньвэнь была воспринята из Индии, но опыт национальной прозы и поэзии определил появление оригинального жанра, который явился важным связующим звеном между зарождающейся художественной прозой IV—VI вв. и повествовательной литературой после XI в. Значение жанра бяньвэнь, по верному утверждению Н. Т. Федоренко, «трудно переоценить с точки зрения объективного анализа литературного процесса в Китае и его взаимосвязей с развитием словесного искусства внешнего мира, в данном случае с литературой Индии» (с. 216).

Серьезное методологическое значение имеет раздел «Перевод и истолкование текста», в котором главным образом на примере издания на русском языке «Книги песен» идет речь о принципах и критериях адекватного перевода. Проблема научного прочтения, интерпретации и художественного перевода на современный язык творений древней и средневековой литературы становится сейчас в Китае одной из важнейших. Древнекитайский язык вэньянь, на котором написано большинство произведений прошлых веков, доступен лишь узкому кругу китайской интеллигенции. Отрыв современных китайцев от их литературного наследия увеличился в результате «культурной революции», помешавшей многим миллионам молодых людей получить хотя бы элементарное образование. Не случайно появление на страницах газеты «Жэньминь жибао» от 18 декабря 1981 г. статьи Ли Каня и Чжао Шоуяня «Непременно следует уделить самое серьезное внимание работе по упорядочению старинных книг», в которой ставится задача не только отредактировать древние сочинения, сделать пунктуацию и прокомментировать их, но и перевести на современный язык, с тем чтобы они стали понятны каждому, кто умеет читать сегодняшнюю газету. Предстоящая работа огромна, ибо, «согласно подсчетам, ныне существует приблизительно более 80 тыс. старинных книг (некоторые полагают, что более 100 тыс.)». Ли Кань и Чжао Шоуянь признают, что «в тяжелое десятилетие «великой культурной революции» работа по упорядочению и изданию старинных книг почти полностью прекратилась» и для спасения национального культурного наследия от забвения необходимо придать широкий размах исследовательской и переводческой деятельности. Некоторый опыт по переводу китайских классических памятников (например, «Книги песен», стихов Цю Юаня и танских поэтов) на современный китайский язык накоплен, но до сих пор отсутствуют серьезные работы по теории перевода. Подобное равнодушие к изучению теоретических принципов перевода может пагубно сказаться на результатах практической переводческой деятельности. «Многочисленные попытки китайских филологов и поэтов перевести «Шицзин» на современный китайский язык не увенчались заметным успехом», — отмечает Н. Т. Федоренко (с. 287) и размышляет над общими закономерностями художественного перевода. В книге отстаивается тезис о том, что художественный перевод является творческим актом, в котором диалектически сочетаются два аспекта постижения оригинала и иноязычных языковых средств: рационально-научный и интуитивно-поэтический. Для исследователя несомненно, что речь следует вести о соединении методологических принципов филологической науки и искусства слова. «Все это, в сущности, означает, что сопоставление перевода с оригиналом должно происходить в многомерном плане с разнопорядковыми критериями — идейным, стилистическим, психологическим, интонационным, эмоциональным, метафорическим и т. п.» (с. 272).

В конце книги дана почти исчерпывающая библиография исследований и переводов китайской классической и современной литературы, осуществленных в нашей стране в период 1970—1980 гг. и свидетельствующих о неизменном интересе в СССР к культуре китайского народа. К сожалению, в библиографии есть и пропуски: например, не упомянуты статьи В. Ф. Гусарова «Политико-философские воззрения Хань Юя (768—824 гг.)» («Вестник Ленинградского университета», 1970, № 14), В. В. Зайцева «Цзя Кан и религиозная нетерпимость в Китае» («Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». М., 1970), О. П. Болотиной «К проблеме героического в романе Лао Шэ «Огненное погребение»» («Литература стран Дальнего Востока». М., 1979), С. Е. Яхонтова «Грамматика китайских стихов» («Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». М., 1974) и др.

В рецензируемой книге есть примечательное признание автора: «Соприкосновение с великими литературными памятниками китайской древности доставляло мне многие годы не сравнимые ни с чем радости познания, открытия источников творчества народа, неумиряющего искусства слова» (с. 213—214). Н. Т. Федоренко удалось в новой работе поделиться с советским читателем этой радостью познания, показать значение китайского культурного наследия для современности, обосновать марксистские принципы его освоения.

Демократическая поэзия современной Японии

А. М. Мамонов,
кандидат филологических наук

В условиях «процветающего общества», каким стремится изобразить свою страну современная японская буржуазная пропаганда, широко насаждается идеология национальной исключительности. Нетрудно обнаружить ее классовый характер, как и характер мифа о монолитности и замкнутости японской культуры. Однако наряду с этим в Японии, как и в других странах капитализма, существует марксистская идеология и связанное с нею демократическое направление в литературе. Это явление, как известно, отражено в ленинском положении о двух культурах. Американский критик-марксист профессор Г. Лерой, имея в виду Соединенные Штаты, писал: «Хотя достижения социалистического реализма лежат в основном за пределами нашей страны, кое-что было достигнуто и здесь... Поскольку у нас продолжается борьба за социализм, у нас есть почва для такого рода литературы. Чем шире и интенсивнее будет разворачиваться эта борьба, чем больше будет число людей, принимающих участие в ней, тем благоприятнее будут условия для его развития»¹. В не меньшей мере это относится и к Японии.

Демократическая, реалистическая поэзия Японии обладает немалыми точками соприкосновения с поэзией социалистического реализма и с литературой, ориентированной на социалистические идеи.

Передовая японская поэзия развивается в нелегких условиях дальнейшего наступления монополистической буржуазии на права и демократические завоевания трудящихся. В век научно-технической революции широко используются ее достижения для перестройки японской экономики в интересах монополий, для усиления их позиций. Однако это и век краха внушаемых японскому народу иллюзий о бескризисном обществе, о благоденствии всех. НТР добавила к старым язвам капитализма новые — жгучий энергетический кризис, проблемы экологии и т. д.

Советская историческая наука дает следующую характеристику внутривнутриполитического положения Японии исследуемого периода: «Быстрые темпы экономического роста Японии в 70-х годах сменились застоєм, а затем глубоким и продолжительным кризисом. Обстановка внутри страны, по оценке японских коммунистов, стала характеризоваться углублением структурного кризиса японского государственно-монополистического капитала, нашедшего свое выражение в небывалой инфляции и депрессии, углублении кризиса демократии и свободы, в упадке культуры и просвещения»².

Семидесятые годы, особенно вторая их половина, ознаменовались дальнейшим укреплением японо-американского военного и политического сотрудничества. В стране вновь отчетливо наблюдается стремление к милитаризации, поощряемое крупным монополистическим капиталом. Широко используется в милитаристских целях затасканный миф о «советской угрозе».

В этой ситуации приобретает особый смысл деятельность литературного объединения «Конгресс поэтов» («Сидзин кайги», создан в 1962 г.), провозглашающего своими принципами стремление к миру, демократии и прогрессу.

Цель данной статьи — выявить некоторые тенденции развития демократической поэзии Японии, в частности ее социально-политический аспект, на примере творчества «Конгресса поэтов», попытаться определить структуру и принципы этой поэтической организации, показать ее место и роль в современной литературе.

Но прежде всего несколько слов о современной японской поэзии вообще. Отличительная особенность поэтического процесса Японии 70-х годов, как, впрочем, и предыдущих периодов, — отсутствие имен, значительных в масштабе всей страны. Это не означает, конечно, что нет больших поэтов. Но нет поэтов, которых можно было бы назвать общенациональной гордостью, как это говорят о Мацуо Басё (1644—1694) или Исикава Такубоку (1885—1912). Поэта, живущего в Осака, могут хорошо знать в род-

¹ Цит. по: Советская литература и мировой литературный процесс. Идеино-эстетические проблемы. М., 1975, с. 300.

² И. И. Коваленко. Борьба КПЯ за демократические преобразования. — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1, с. 53.

ном городе и почти не слышать о нем в Киото, Саппоро и т. д. Есть поэты осакские, токийские и многие другие. Творчество огромного множества поэтов-любителей придает поэзии массовый характер. Еще четверть века назад один из старейших поэтов Японии, Оно Тосабуро, в своей книге «Поэзия и творчество» («Си то содзо») отмечал, что одних только приверженцев формы свободного стиха, официально заявивших о себе публикациями (назовем их профессионалами), около шестнадцати тысяч. Если же к ним прибавить поэтов-любителей, то общее число, по его словам, достигнет нескольких миллионов! Некоторые японские литературоведы с горечью констатируют: поэтических произведений, публикуемых ныне, так много, что невозможно даже бегло ознакомиться с ними. Нынешний поэт — это «пробудившаяся к поэзии народная масса», утверждает Макабэ Дзин, исследователь и составитель одной из популярных поэтических антологий³.

Как правило, поэты группируются вокруг литературных журналов и объединений. Тиражи таких журналов (особенно поэтических), которых в стране насчитывается более шестисот, крайне незначительны. Сто, триста, семьсот — обычное число экземпляров. Оно соответствует и обычному тиражу поэтических сборников, нередко выпускаемых авторами на собственные средства. Исключение составляют книги поэтов, добившихся известности. Коммерческие же издания сопровождаются и соответствующими гонорарами. Число участников поэтических объединений колеблется от нескольких человек до нескольких десятков, в ряде случаев доходит до многих сотен. Так, «Конгресс поэтов» насчитывает свыше шестисот членов, а поэтическая группа «Квартет» в Киото — четыре поэта.

Как многочисленные группы, так и отдельные поэты исповедуют свои идеалы и принципы — художественные, религиозные, философские, социально-политические. Идеино-эстетический характер поэтического потока весьма разнороден: от крайнего субъективизма и нигилизма, находящего выражение в усложненной эстетике модернизма, до гуманистических, демократических, социалистических идеалов, выражаемых языком, понятным не узкому кругу интеллектуальной элиты, но широким трудящимся массам. Сложная внутрисполитическая обстановка, характеризующаяся противоборством демократических и реакционных, антинародных сил, деятельностью различных политических партий и общественно-политических организаций, накладывает свой отпечаток и на состояние литературной мысли. От национализма до пролетарского интернационализма, от экзистенциализма до соцреализма — таков художественно-мировоззренческий спектр современной поэзии Японии.

Характерная черта современного поэтического процесса в Японии — сильное демократическое начало, опирающееся на поддержку левых сил страны, на традиции рабочего и коммунистического движения, на подлинные духовные ценности многовековой отечественной культуры. Современная демократическая поэзия Японии немислима без ее традиций, питавших не одно поколение прогрессивных поэтов. Ее история восходит к поэзии начала века и пролетарской поэзии 20—30-х годов, пронизанной социалистическими идеями, к творчеству великого демократического поэта Исикава Такубоку, поэта-социалиста Котoku Сюсуй, казненного в 1911 г., к поэтам Группы народной поэзии (Минсюси-ха) периода первой мировой войны и другим, воспевавшим идеалы демократии и социализма. В ее истоках, особенно в пролетарской литературе, наблюдается зарождение элементов и тенденций, близких к литературе социалистического реализма. Именно в недрах довоенной пролетарской литературы появилась повесть «Жизнь для партии» Кобаяси Такидзи и другие замечательные произведения, которые, по словам крупного теоретика-марксиста Курахара Корэхито, «заложили в Японии основы литературы социалистического реализма и в целом, можно сказать, сыграли такую же роль, как «Мать» Горького в советской литературе»⁴.

Японская демократическая поэзия — поэзия создающая, гуманистическая. Ее реалистический творческий метод — испытанное оружие, защищающее подлинно национальные, прогрессивные традиции, оберегающее те нормы поэзии, которые близки и понятны народу, соответствуют его опыту и эстетическим представлениям.

Можно с полным основанием утверждать, что демократическая поэзия носит в Японии самый массовый характер. Об этом свидетельствуют не только поэтические объединения поэтов-профессионалов, но и многочисленные кружки поэтов-любителей, выражающих в своем творчестве надежды и чаяния простых японцев. Сказанное не означает, однако, что демократическая поэзия преобладает в общем поэтическом потоке, но что она представляет собой направление самое перспективное — факт безусловный. Ей противостоит поэзия модернистская, элитарная, аполитичная. Поэты, в основу эстетики положившие лишь красоту слова, представители лирики, очищенной от политики и живой связи с реальной жизнью, занимают в японской поэзии также значительное место, хотя и меньшее, чем, например, на стыке 30—40-х годов, когда остросоциальная пролетарская поэзия была запрещена.

Современную японскую поэзию можно разделить на три основных направления: демократическое, традиционно-лирическое и модернистское. При всей условности подоб-

³ См.: Макабэ Дзин. Япония, пробуждающаяся в поэзии. Токио, 1966, с. 1—20 (на япон. яз.).

⁴ Курахара Корэхито. Статьи о современной японской литературе. М., 1959, с. 48.

ного деления, оно отражает в общих чертах расстановку поэтических сил в стране. Нельзя сказать, однако, что в рамках того или иного направления нет сходных элементов, свойственных другим направлениям. Существует своего рода литературная диффузия (общность жанровых форм, изобразительных средств). Поэзия — живой поток, не вмещаемый полностью в твердые берега разграничений и дефиниций. В традиционных жанрах танка и хокку успешно работают и демократические поэты, а форма свободного стиха (дзюсю) порой используется так, что и сами японцы не всегда понимают, о чем идет речь, какие идеи отстаивает автор. Есть поэты, представители традиционной поэзии пятистиший (танка), которые, в отличие от демократических поэтов, выступающих в этом жанре, идеализируют стародавнее прошлое с его «самурайским кодексом чести» и «самурайскими доблестями», верой в незыблемость государственных и морально-этических норм и установлений. Собранные воедино в дни ежегодных конкурсов в канун Нового года, они весьма сплоченно отстаивают каноны, давно разрушенные жизнью. Традиционалистам противостоят представители «татакау ута» («борющаяся песня»), продолжающие лучшие традиции пролетарских поэтов, писавших в жанре танка. В 1979 г. лауреатом одиннадцатой премии имени выдающихся писателей-коммунистов Кобаяси Такидзи и Миямото Юрико (учрежденной Центральным комитетом КПЯ в 1968 г.) стал один из поэтов «татакау ута», депутат парламента от Коммунистической партии Японии Ивама Масао. Премии была удостоена его книга стихов «В метель» («Фубуки-но нака») — лучшее из написанного им за последние тридцать лет.

В современной японской поэзии, пожалуй, менее всего выражено, а тем более оформлено организационно, откровенно антидемократическое течение. Трудно найти большого поэта, который вел бы ожесточенную борьбу с левыми силами, как это делал в предвоенные годы «чистый лирик» Миэси Тацудзи, один из руководителей журнала «Сики» («Времена года»), яростно выступавшего с антипролетарских позиций.

Уход в себя, формалистическое трюкачество, порой доведенное до абсурда, снобизм и высокомерие по отношению к демократической поэзии, в частности к «Конгрессу поэтов», где все «на одно лицо», а в последнее время все явственнее ощущаемые националистические мотивы и настроения — вот в основном что такое поэзия вне демократического русла.

Остановимся коротко на организационной расстановке поэтических сил Японии. В настоящее время в стране существует несколько значительных поэтических объединений, наиболее крупное из них — Общество современных поэтов (Гэндай сидзин кай), созданное вскоре после второй мировой войны. Демократический поэт и один из руководящих деятелей «Конгресса поэтов» Дои Дайскэ в беседе с автором данных строк следующим образом характеризует его: «Общество не имеет четко выраженной политической или эстетической платформы. Членами его являются поэты самых различных взглядов и убеждений, самых различных художественных направлений и методов: символисты, модернисты, сюрреалисты, прогрессивные и реакционные поэты и те, кто пытается отображать действительность с позиций социалистического реализма. Я тоже член Общества современных поэтов».

Разумеется, «с позиций социалистического реализма», или, точнее, с позиций сближения с этим творческим методом, выступают поэты прогрессивные, такие, как сам Дои Дайскэ и другие представители «Конгресса поэтов», членство в котором, как видим, не исключает вхождения в другой творческий союз. Представители «Конгресса поэтов», как мы постараемся показать в дальнейшем, выделяют своим боевым задором, жизнелюбием, верой в лучшее будущее народа.

В 1965 г. был создан весьма влиятельный ныне Союз демократической литературы Японии (Нихон минсю бунгаку домэй), массовая творческая организация, объединившая уже в первые годы существования более тысячи писателей — действительных членов и около двух тысяч кандидатов. Ядро организации составляют писатели, отстаивающие интересы рабочего класса, известные и читателям нашей страны: Симота Сэйдзи, Кубота Сэй, Накадзато Кисё и другие, выступающие против возрождения в Японии милитаризма, за создание единого фронта демократических сил. Союз издает ежемесячный журнал «Минсю бунгаку» («Демократическая литература»), на страницах которого систематически публикуются стихи видных поэтов, появляются и новые поэтические имена. Детальное изучение плодотворной и многогранной деятельности Союза еще предстоит, но кое-что уже делается⁵.

В последнее десятилетие из японской демократической литературы ушел целый ряд крупных талантов, внесших значительный вклад в ее развитие и известных еще со времен довоенного пролетарского литературного движения. Не стало поэтов Цубон Сигэдзи, Канэко Мицухару, Сакаи Токудзо, Курода Сабуро, Накано Сигэхару. Все они (за исключением Накано Сигэхару) в большей или меньшей степени были связаны с созданием и деятельностью поэтической организации «Конгресс поэтов».

«Конгрессу поэтов», ставшему заметным явлением литературной жизни Японии наших дней, исполняется два десятилетия. Его история восходит к событиям начала 60-х годов. Политический кризис 1960 г. потрясший страну в связи с пролонгацией агрессивного японо-американского «договора безопасности», несмотря на многомиллионные бурные выступления трудящихся, завершился отступлением прогрессивных сил.

⁵ См.: Япония. Ежегодник. М., 1976, с. 210—233.

В условиях наступившей апатии, пораженческих настроений, расцвета коммерческих изданий намечается новый подъем демократической поэзии, связанный с появлением в 1962 г. поэтического объединения «Конгресс поэтов Японии» («Нихон сидзин кайги»), или, как его чаще именуют, «Конгресс поэтов». Это объединение возникло в знак протеста против волны пессимизма, против отхода творческой интеллигенции, в том числе литераторов, от политики, от острых социальных проблем.

«Конгресс поэтов» оформляется как творческая организация поэтов и любителей поэзии, имеющая свой устав, программу, органы управления, многочисленные префектуральные филиалы, а также печатный орган — ежемесячный журнал «Сидзин кайги» («Конгресс поэтов»), основанный в январе 1963 г. Во главе «Конгресса поэтов», имеющего правление в составе более шестидесяти человек, стоит президент. Периодически созываются съезды, в которых участвуют делегаты со всех концов страны, представляющие свыше шестисот членов организации.

Ведущие позиции в «Конгрессе поэтов» занимают поэты-коммунисты. В числе его лучших поэтов были и остаются Цубои Сигэдзи, Сакаи Токудзо, Курода Сабуро, Осима Хиромичу, Дон Дайкэ, Дзэ Сусуму, Акаги Сабуро, Катаха Торохэй, Кусака Со-токити, Кадокура Сатоси, Нарусава Такэо, Асао Тадао и др. Многие из них известны и как руководящие деятели своей организации.

«Конгресс поэтов» объединяет в своих рядах, как сказано в декларации, возвестившей о его появлении, тех, «кто стремится к претворению в жизнь идеалов мира, независимости и демократии». Основной лозунг движения — реформировать поэзию и деятельность посредством поэтической практики. В 70-е годы эта общая цель получила более конкретное воплощение в «Воззвании к поэтическим и читательским кругам Японии», призывавшем, объединив усилия во имя творчества и демократии, «содействовать развитию богатой поэтической культуры и вместе с тем, исходя из задачи создания мирной, более благоприятной в стране жизни, совместно выступать против всевозможной реакционной политической структуры»⁶.

С самого начала существования «Конгресса поэтов» его программные документы ратовали за «широкий реализм», который, однако, трактовался в различных декларациях либо как реализм во всем богатстве его художественных возможностей, либо как симбиоз любых творческих методов. Дзэ Сусуму, основной докладчик на поэтическом диспуте, организованном в 1972 г. журналом «Сидзин кайги», поясняя понятие «широкий реализм», или «реализм в широком смысле» (хирой ими дэ-но риридзуму), сказал: «Мы должны глубоко верить в превосходство нашего реализма по сравнению с модернизмом. Именно реализм есть квинтэссенция гуманизма. Это метод, имеющий массовый характер»⁷. А в преамбуле измененного устава «Конгресса поэтов», утвержденного IX съездом (1973), говорится: «Мы движемся вперед, преодолевая различия в творческих направлениях и методах, объединенные общей целью — стремлением к миру, прогрессу и демократии»⁸.

Между тем художественная практика этого творческого союза свидетельствует о том, что фактически все его члены — приверженцы подлинно реалистического метода. Никто из них не замыкается в кругу сугубо личных переживаний, не ведет схоластических споров вокруг надуманных проблем. Своим творчеством они борются за достижение реальных целей: защитить достоинство человека, оградить его от угнетения и эксплуатации, протянуть руку помощи всем, кто нуждается в дружбе и солидарности. В их произведениях исключительно сильные мотивы борьбы и протеста, гласа, зовущие к миру и дружбе, к интернациональному братству трудящихся. Надо думать, что декларированное стирание граней между различными художественными методами имеет конечной целью не творческое освоение «безбрежного реализма», а создание широкого фронта демократических сил, отказ от сектантских настроений. Кроме того, такая позиция может быть и реакцией на распространяемое многими японскими критиками мнение, будто все демократические поэты «на одно лицо», и обусловлено это приверженностью к «догматическому реализму»⁹.

В качестве основного объединяющего принципа члены «Конгресса поэтов» провозглашают «массовизацию поэзии на прогрессивной, демократической основе». Курс на «массовизацию» поэзии (си-но тайсюка) был принят на IV съезде в 1965 г. Он обновлялся с учетом изменяющихся условий жизни, но главное его содержание остается неизменным и по сей день.

Стремление «Конгресса поэтов» придать демократической поэзии массовый характер успешно претворяется в жизнь. Практическая деятельность его весьма разнообразна. На заводах, в сельской местности, в школах проводятся вечера поэзии, выставки иллюстраций и картин со стихотворными текстами, симпозиумы, собеседования и т. д. Поэты неустанно ищут контакта с читателями: читают стихи перед широкой аудиторией на митингах и собраниях, ищут песни, выпускают пластинки с текстами своих произведений, используют любую возможность для пропаганды своих идей по радио и на телевидении, в журналах и газетах. Они активно участвуют в работе многочисленных поэтических кружков в центре и на местах, в префектуральных филиалах «Конгрес-

⁶ «Сидзин кайги», 1973, № 8, с. 36, 45.

⁷ Там же, 1972, № 10, с. 19.

⁸ Там же, 1973, № 8, с. 41.

⁹ Там же, 1974, № 6, с. 43.

са поэтов», охватывающих почти всю страну. Популярностью пользуется «Школа поэзии» («Си-но гакко»), созданная в Токио.

«Массовизацию» поэзии не следует, однако, рассматривать только в количественном измерении. Гораздо существеннее то, что поэты стремятся быть понятыми народными массами. На этом пути немало трудностей. Их преодолением и занимаются Дон Дайскэ и его единомышленники, которые, выражаясь словами Маяковского, не говорят, что «мы единственные обладатели секретов поэтического творчества», а «мы единственные, которые хотим вскрыть эти секреты, единственные, которые не хотят творчество спекулятивно окружить художественно-религиозным поклонением»¹⁰. В статье «Маяковский и наше поэтическое движение» Дон Дайскэ пишет, что целиком поддерживает мысль советского поэта, высказанную им в работе «Как делать стихи?»: «Надо, чтобы органы просвещения масс перетряхнули преподавание эстетического старья». Поддерживает в интересах развития массовой поэзии, ее демократизации, ее обновления.

В той же статье японский автор напоминает еще об одной сложной проблеме, стоящей именно перед демократической поэзией: «Говоря о том, чтобы сделать поэзию массовой, следует помнить, что мы живем в Японии в трудных условиях страны, в которой не было ни Пушкина, ни Некрасова, — страны, в которой нет и широчайших кругов читательской публики, продолжающей с любовью декламировать Пушкина и Некрасова»¹¹. Трудно, однако, полностью согласиться с этим высказыванием. Разве Япония не знает своих великих поэтов? Тот же Исикава Такубоку, если говорить о поэзии демократической. И тем не менее следует признать, что мысль, выраженная Дон Дайскэ, видимо, имеет под собой какое-то основание. Иначе чем же объяснить, что он далеко не первый и, наверно, не последний, кто с горечью заявляет, что в Японии нет своего Пушкина. Подобные высказывания выражают надежду «Конгресса поэтов», что в Японии появится высоко развитая демократическая поэзия, органично сочетающая в себе идейное богатство с подлинно художественной формой. На повестке дня решенные сложной задачи — сделать поэзию массовой и художественной, не имея за плечами таких титанов, какими представлена русская поэзия с ее ярко выраженной демократической направленностью.

На вопрос автора данных строк: «Не создает ли членство в «Конгрессе поэтов» и профессионалов, и любителей каких-либо проблем?» — Дон Дайскэ ответил: «Конечно, проблем, стоящих перед нашим движением, немало. Если говорить откровенно, основная опасность — это дилетанство. Понижается уровень поэзии в целом». Устранению этой опасной тенденции «Конгресс поэтов» уделяет большое внимание. Вполне естественно, что успех в данном случае зависит от совместных усилий всех демократических литераторов страны. Вот почему на одном из съездов «Конгресса поэтов» особо подчеркивалось, что его члены, стремясь к поэтическому творчеству, опирающемуся на действительность, будут и впредь «сотрудничать и соревноваться с широкими массами поэтов».

Сотрудничество с известными поэтами, не состоящими его членами, но разделяющими гуманистические и прогрессивные идеалы, стало отличительной чертой «Конгресса поэтов». Этим объясняется участие, например, в качестве лекторов «Школы поэзии» (на протяжении разных лет) таких видных поэтов, как Канэко Мицухару, Таникава Сюнтаро, Исигаки Рин, Оока Син, Накагири Масао, Ямамото Таро и др. Широтой сотрудничества отмечены и вечера поэзии, проводимые «Конгрессом поэтов» совместно с известными поэтами — членами других объединений.

«Конгресс поэтов» считает также, что «нужно обладать широким кругозором и принимать достижения отечественного и зарубежного наследия, особенно новой поэзии послемэйдзийской эпохи, пролетарской поэзии, а также послевоенной современной поэзии, и отталкиваясь от них, углублять исследовательскую и критическую деятельность, уделять внимание развитию конструктивной критики и самокритики»¹².

В Японии одной из форм стимулирования творчества служат литературные премии. В стране их насчитывается свыше ста, включая самую известную (в области прозы) премию, носящую имя знаменитого писателя-классика Акутагава Рюноске, а также такую авторитетную в поэтических кругах, как премия «Эйч», названную инициалом ее анонимного учредителя. В 1972 г. была учреждена премия «Конгресса поэтов» с целью поощрения демократического поэтического движения. Ее первым лауреатом стал Мураками Кунихару, издавший книгу «Стихи Мураками Кунихару». Присуждается «Конгрессом поэтов» и другая премия, «Новые имена», лауреатами которой становятся наиболее достойные из «новичков» — поэтов, впервые заявивших о себе в литературе. Случается, что представители «Конгресса поэтов» участвуют в творческих конкурсах, проводимых другими объединениями и организациями, и добиваются высоких результатов. Все это содействует росту авторитета и популярности «Конгресса поэтов». Той же цели служат и его международные связи.

«Конгресс поэтов» стремится к тому, чтобы стать важным звеном «единого фронта защиты мира и демократии». Он выходит на международную арену, укрепляя литературные связи с поэтами и поэтическими движениями различных стран, начиная с Азии, Африки и Латинской Америки. Особенно широки его братские интернационалистские

¹⁰ В. В. Маяковский. Избранные произведения. М., 1963, с. 491—492.

¹¹ «Сидззи кайги», 1973, № 10, с. 70.

¹² Там же, № 8, с. 29, 40.

связи с литераторами Индокитая, прежде всего с социалистическим Вьетнамом, героической борьбе которого против американской агрессии «Конгресс поэтов» оказывал моральную поддержку многие годы. О том, что связи эти успешно осуществляются и укрепляются, свидетельствует и литературная практика журнала «Сидзин кайги», публикующего на своих страницах переводы произведений больших прогрессивных поэтов — таких, как Пабло Неруда и др. Публикуются и произведения советских поэтов — от Сергея Есенина до Расула Гамзатова.

О плодотворной деятельности «Конгресса поэтов» свидетельствуют и чисто статистические показатели. В начале 70-х годов только за период между VIII и IX съездами его членами было выпущено в свет пятьдесят два поэтических сборника. Цифра немалая, особенно если к ней присовокупить работы, сделанные поэтами в других жанрах¹³. Большое количество всевозможных изданий вышло в свет и в последующие годы.

«Конгресс поэтов» объединяет в своих рядах поэтов, нередко выступающих и в качестве критиков, сценаристов, драматургов, прозаиков. Дон Дайскэ, например, успешно работает в жанре поэтической критики и в жанре драматургии. В 1980 г. опубликована его пьеса о японском рабочем движении 20-х годов «Красная роза в бурю» («Араси-но накано акай бара») ¹⁴. Кусака Сотокити и литературовед, исследователь русской литературы, и переводчик, перу которого принадлежат переводы произведений русских и советских поэтов. Разносторонним дарованием отмечены поэты Акаги Сабуро, Катаха Торохэй, Нарусава Такэо, Кадокура Сатоси.

Поэт Курода Сабуро был известен и как прозаик, и как критик. В журнале «Минсю бунгаку» с октября 1977 по апрель 1979 г. печатались его эссе, изданные недавно отдельной книгой под названием «Говорить откровенно» («Сэкирара-ни катару»). В этих прекрасных зарисовках, искрящихся юмором, отражены, как отмечает Акимура Хироси, «реальные факты повседневной жизни автора».

Ознакомившись в общих чертах с историей и характером деятельности «Конгресса поэтов», остановимся на некоторых проблемах действительности и поэзии современной Японии, рассмотрение которых прольет дополнительный свет на место и роль в них этого объединения.

Две наиболее существенные тенденции характерны для поэзии страны в целом. Теоретиками «Конгресса поэтов» дана четкая характеристика водораздела, проходящего через всю поэзию: «Неверие в человека или вера в него, интернационализм или индивидуализм, надежды на общность людей или отчаяние одиночества, должный отпор жестокой действительности или слепое подчинение ей. Вокруг этих проблем, как на оси, стремительно движутся все тенденции».

Поэт Миката Масару однажды заметил: «Продолжать писать стихи в современную эпоху уже само по себе является одной из форм сопротивления» ¹⁵. Афоризм весьма примечательный! И весьма точно передающий атмосферу, в которой приходится жить и работать демократическим поэтам Японии. В условиях капиталистической действительности не поддаться тлетворному воздействию среды, пораженной меркантилизмом, быть поэтом во имя принципов, поэтом во имя высоких идеалов — дело далеко не простое.

Демократические творческие организации пытаются активно противостоять колоссальной индустрии буржуазной массовой культуры, которая обрушивает на головы японцев свою продукцию, явно или незримо «промывая мозги» в «нужном» направлении. Документы «Конгресса поэтов» указывают, что задачами организации являются борьба с «деградацией и реакцией», «одиночеством и бессилием», насаждаемыми массовой культурой, пропаганда в массах подлинно демократических, гуманистических идей.

Известно, что пресловутая концепция «массового общества» рассматривает мир как хаос не связанных между собой частей, явлений, событий, человеческих судеб, как нечто дезорганизованное, враждебное и чуждое человеку. Демократическая поэзия, естественно, не разделяет антигуманные и антинародные принципы этой концепции, которая насаждалась реакционными, консервативными силами и в 70-е годы. Поэтому и представление о мире в творчестве демократических поэтов складывается иное: не люди враждебны друг другу по природе своей, а чужд и враждебен человеку антигуманный строй общества, калечащий человека физически и духовно.

¹³ Например, Асао Кэйдзи издал книгу «Поэт и власть» («Сидзин то кэнрёку»); Дон Дайскэ — «Мои заметки о поэзии» («Ватакуси-но кэнси ното»), «О поэте и человеческой жизни» («Сидзин то дзинсэй-ни цуйтэ»); Цубои Сингэдан — «Современную поэзию» («Гэндайси»); Осима Хиромицу — сборники переводов «Стихи Арагона» и «Стихи Неруды»; Кусака Сотокити — переводы брусковского рассказа «Республика Южного Креста» и пушкинских стихотворений (1-й том Полного собрания сочинений Пушкина); Масуока Тосикадзу — «Поэт августа» («Хатигацу-но сидзин»), «Поэты Хиросимы» («Хиросима-но сидзинтати»). Как составители антологий выступили совместно Дон Дайскэ и Акимура Хироси, издавшие «Современную рабочую поэзию» («Гэндай родо сисю») и «Современную молодежную поэзию» («Гэндай сэйнен сисю»), а Абэ Тадао составил и перевел сборник «Стихи национального освобождения Вьетнама».

¹⁴ «Минсю бунгаку», 1980, № 1, с. 32—77.

¹⁵ «Сидзин кайги», 1973, № 8, с. 37, 54.

Демократическая поэзия выступает против неверия в человека, против мизантропии, элитарности, за гуманизм и, конечно, за понимание поэтического искусства народными массами.

Существование таких объединений, как «Конгресс поэтов» или Союз демократической литературы Японии, свидетельствует о том, что в японском литературном мире, отражающем базисную структуру классового общества, имеются силы, которым данные организации противопоставляются. С кем же находятся в состоянии конфронтации демократические литераторы, против чего выступают, что отстаивают? Вне связи с внутриполитической обстановкой, кратко рассматривавшейся ранее, ответить на этот вопрос невозможно.

Основная проблема, по которой расходятся демократические литературные организации и их недемократическое окружение, состоит в принципиальной несовместимости взглядов на будущее родной страны и народа, в отношении к социально-политическим перспективам. Власть народа или власть монополий, подлинная демократия или ее иллюзия в так называемом «обществе равных возможностей» — в ответах на эти вопросы и кроется непримиримость их позиций. Отсюда вытекает и коренное различие в подходе к литературным явлениям, тенденциям, направлениям.

«Конгресс поэтов», как и Союз демократической литературы Японии, выступает против литературы декаданса, поражения, экзистенциализма, поскольку такая литература разоружает читателя психологически, деформирует его сознание, содействуя сохранению миропорядка, изменения которого добиваются прогрессивные литераторы. И хотя они стремятся к единому фронту левых сил страны, в идейно-эстетическом плане объективно выступают против всевозможных модернистских течений, против литературы бездуховности, литературы плоти и особенно литературы милитаризма и фашизма. Они выступают также против эстетических концепций весьма распространенного в Японии экзистенциализма, за реалистический метод изображения действительности, за литературу, ориентированную на демократические, социалистические идеи.

Кого считают своими противниками на литературном фронте Дон Дайскэ и его единомышленники? Напомнив, что он является также и членом Общества современных поэтов. Дон Дайскэ дал в беседе с автором исчерпывающую характеристику своей идейной борьбы: «Как внутри этого объединения, так и вне его мы, то есть поэты, стоящие на позициях пролетарского, коммунистического мировоззрения, сражаемся с реакционными противниками в литературе и искусстве. Это и принцип «Конгресса поэтов», в рядах которого также есть наши противники, хотя их число ничтожно мало по сравнению с теми, кто не входит в организацию. Кто же они, наши противники? Прежде всего литераторы, выступающие против создания в стране единого демократического фронта. Мы боремся с троцкистами и троцкизмом, которым заражена часть гуденческой молодежи. Мы развенчиваем произведения, поддерживающие троцкизм и ропеведующие его антипролетарскую идеологию, наносящую вред нашему общему делу — единству трудящихся масс и демократических литераторов».

Деятельность «Конгресса поэтов» теснейшим образом связана с глубоким осознанием взаимодействия политики и литературы. Этой проблеме посвящено немало работ Кураха Корэхито и других видных критиков-марксистов. Остановимся на взглядах Цубои Сигэдзи (1898—1975) о соотношении политики и поэзии.

Заслуги Цубои Сигэдзи перед демократической поэзией Японии исключительно велики. Крупный поэт, ветеран довоенного пролетарского литературного движения, он пользовался большим авторитетом и влиянием в «Конгрессе поэтов», многие годы вплоть до кончины являясь его президентом. В 1963 г. в первом номере только что основанного журнала «Сидзин кайги» появилось эссе Цубои Сигэдзи «Что является политическим» («Сэйдзитэки дэ ару кото») — своеобразный манифест, в котором изложены цели нового поэтического движения. Понять суть этой работы — значит понять одну из важнейших сторон творческой деятельности «Конгресса поэтов».

Отмечая, что аполитичность — весьма распространенное явление в Японии начала 60-х годов, особенно среди поэтов, Цубои Сигэдзи считает «время, в которое мы живем», «наиполитичнейшей эпохой», когда поэты неизбежно «вовлекаются в гигантский механизм политики». «Отворачиваться от политики по той причине, что, мол, поэт есть поэт, — значит отворачиваться от важнейшей части действительности», — утверждает он¹⁶.

Эссе Цубои увидело свет в начале беспокойного десятилетия. Шестидесятые годы, когда начиналось и набирало силу поэтическое движение «Конгресс поэтов», было и временем самых острых дискуссий по проблеме политики и литературы. Антимарксистски настроенные критики давали произвольное толкование известной работе В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», обрушиваясь с нападками на литераторов демократического направления. В дальнейшем, как показали события, эти споры вышли за пределы журнальной полемики. Эхом они вошли в литературу, отражившую ожесточенные студенческие волнения по всей стране, в бурные протесты против американской интервенции во Вьетнаме. Эссе Цубои Сигэдзи — важный вклад в дело развития демократической литературной критики Японии.

Политизация, как справедливо отмечали участники конференции «Литература стран капиталистического Запада в 70-е годы» (Москва, ноябрь 1979 г.), является основной

¹⁶ «Сидзин кайги», 1972, № 1, с. 109.

чертой истекшего десятилетия¹⁷. Политическая публицистика еще активнее, чем прежде, вторгается и в японскую демократическую поэзию, вновь и вновь подтверждая действенность основной функции писателя — общественной. В предисловии к сборнику «Японская повелла 1960—1970» верно подмечено, что «сейчас уже почти не раздаются голоса, отрицающие необходимость связи литературы с политикой. Другое дело, как японские литераторы мыслят себе эту связь. Проблема политики и литературы предстает в новом свете: должна литература быть «ангажированной слева» или «ангажированной справа?»¹⁸

Цубои Сигэдзи выступал под флагом поэзии, «ангажированной слева», был ее певцом и теоретиком. Его представление о политической поэзии легло в основание идейно-эстетической мысли «Конгресса поэтов». «Суть политической поэзии, — пишет он, — не в обильном использовании так называемой «политической терминологии»... Суть ее в раскрытии внутреннего мира человека, поправленного нынешней политикой, в извлечении наружу глубинных слов его, в освещении их ярким светом».

Небесполезно здесь вспомнить мысль Ф. Энгельса о том, что сам расцвет буржуазного государства обязан именно политизации всех сторон жизни последнего. Экономика, как никогда, берет на себя дополнительную функцию, выступая рычагом политического давления. Тесно сращена с политикой и идеология. Сама массовая культура является мощным фактором политического «воспитания» масс в капиталистическом мире.

Осознание этой «политизации» как главной черты семидесятых годов является тем более важным в условиях распространения модернистской, аполитичной поэзии, возникающей на базе «надполитичной» идеологии. Именно поэтому столь необходимо проследивать, выявлять «прорастание» политики во всех сторонах жизни, в том числе во внутреннем мире человека. Вот что должна адекватно отражать литература, чтобы довести до сознания масс объективные закономерности развития общества, сделав тем самым первый шаг к перестройке существующих общественных отношений. «Самое политическое является одновременно и самым литературным», — провозглашает Цубои Сигэдзи¹⁹.

Политизацию литературы во многих случаях нельзя рассматривать обособленно от проблемы партийности литературы. В авангарде японской демократической поэзии всегда шли поэты-коммунисты (вспомним Макимура Хироси, Уэда Сусуму). И сейчас они играют существенную роль в развитии демократической литературы. Вот поэтическое кредо одного из них — Дои Дайскэ, которого высоко ценит Цубои Сигэдзи: «Лично я понимаю термин «демократия» по-марксистски. Модель для меня — Маяковский. Великий советский поэт писал в «Окнах РОСТА». Я и сейчас пишу пропагандистские стихи. Их можно назвать газетными, публицистическими, стихами-откликами — как угодно. Работа эта очень нелегкая. Маяковский блестяще показал, как надо соединять поэзию и политику. Я стремлюсь к тому же. Я пытаюсь выковать поэтический образ, преломляя восприятие эстетического объекта сквозь призму марксистского мировоззрения. Например, «Токийский Первомай» написан под прямым влиянием Маяковского. Я очень люблю Маяковского. Его поэзия близка и очень дорога мне. У нас с ним одно классовое сознание, одно мировоззрение. И я всецело разделяю пафос его строк, в которых он сказал как бы и от моего имени, и от имени многих моих товарищей по перу о ста томах тех партийных книжек, которые можно предъявить «как большевистский партбилет!»

Думается, под этими словами могли бы подписаться очень многие члены «Конгресса поэтов», отмечающего в этом году свое двадцатилетие. Их творчество свидетельствует о том, что идеи партийности и народности литературы близки и созвучны подлинно демократическим поэтам, что по-прежнему актуальна мысль, высказанная В. И. Лениным более полувека назад: «...Кто сознательно или бессознательно стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности»²⁰.

¹⁷ См.: «Вопросы литературы», 1980, № 3, с. 307—311.

¹⁸ Японская повелла 1960—1970. М., 1972, с. 7.

¹⁹ «Сидзин кайги», 1972, № 1, с. 109.

²⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 12, с. 137.

Знаменательный юбилей

[25 лет Общества советско-китайской дружбы]

Г. В. Куликова,

*ответственный секретарь Центрального правления
Общества советско-китайской дружбы*

29

октября с. г. исполняется 25 лет со дня создания Общества советско-китайской дружбы — первого в Советском Союзе общества дружбы с народами зарубежных стран. Его создание отражало давние симпатии советского народа к Китаю, искреннее стремление развивать и крепить дружбу и сотрудничество с КНР.

Великий Ленин стоял у колыбели революционной дружбы народов России и Китая. Ее основы заложила Великая Октябрьская социалистическая революция. Революционное движение, развернувшееся в Китае под влиянием Великого Октября, с самого начала получало действенную помощь ленинской партии, всех народов Страны Советов.

Передовые революционные деятели Китая высоко оценили роль В. И. Ленина и историческое значение Октябрьской революции для судеб китайского народа. Великий китайский революционер-демократ Сунь Ятсен писал: «За многие века мировой истории появились тысячи вождей и ученых, с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин, — исключение. Ты не только говорил и учил, но и претворял свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы».

В 1924—1927 гг., когда в Китае развернулись широкие революционные выступления, которые внутренняя реакция и иностранный империализм пытались всячески сдерживать, в Советском Союзе по инициативе ВЦСПС было создано общество «Руки прочь от Китая!», число членов которого в первые же месяцы превысило миллион человек. Советский Союз решительно выступил на международной арене в поддержку Китая, когда японский империализм 18 сентября 1931 г. захватил Маньчжурию. Движение солидарности с китайским народом охватило в те годы весь Советский Союз.

Разгром в 1945 г. советскими войсками отборной Квантунской армии сыграл решающую роль в поражении милитаристской Японии, явился важнейшим международным фактором победы китайской революции. Моральная, политическая дипломатическая поддержка со стороны Советского Союза помешала американскому империализму осуществить прямое вмешательство во внутренние дела Китая и явилась еще одним существенным фактором исторической победы, одержанной китайским народом в 1949 г.

Политика Советского Союза в период борьбы китайского народа за победу народной революции высоко оценивалась в те годы в Китае. Председатель Общества китайско-советской дружбы Сун Цинлин писала: «Начиная с 1917 года — сначала в ходе нашей длительной борьбы, а затем и после завоевания нами победы — китайский народ счастлив пользоваться революционным товарищеским расположением советского народа, его великой Коммунистической партии и правительства. В бесчисленных случаях они оказывали нам огромную решающую помощь в истинном духе пролетарского интернационализма. Мы никогда не забудем, что в то время империалисты замыслили уничтожить наше государство. Без поддержки Советского Союза борьба китайского народа была бы еще более продолжительной и еще более тяжелой!».

Советские люди горячо приветствовали победу народной революции в Китае и провозглашение 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики. На следующий день Советский Союз признал молодую республику и установил с ней дипломатические отношения. 14 февраля 1950 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, заложивший хорошую основу для дальнейшего всестороннего развития советско-китайских отношений.

Всесторонняя экономическая помощь Советского Союза, его поддержка на международной арене способствовали тому, что КНР не только в короткие сроки восстановила народное хозяйство страны, но и стала быстро набирать темпы социалистического строительства.

¹ Цит. по: «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 1, с. 66.

Более 10 лет проработал в Китае К. С. Силли — член Центрального правления Общества советско-китайской дружбы, лауреат Ленинской премии, доктор технических наук, профессор, заслуженный изобретатель РСФСР. Выпускник МИИТа, он прошел всю войну и восстановил не один мост, разрушенный в нашей стране фашистскими захватчиками. В 1949 г. с частями Советской Армии он оказался в Северо-Восточном Китае. Девять мостов, построенных с помощью известного советского мостостроителя, стоят и сегодня на китайской земле. Символом китайско-советской дружбы называли в те годы в Китае почти двухкилометровый двухъярусный мост через реку Янцзы, построенный его, силинским, способом.

В Чанчунь с помощью 200 посланцев московских автомобилестроителей еще возводились стены будущего первенца китайского автомобилестроения, а в Москве, на ЗИЛе, уже овладевали профессиями более 550 его будущих рабочих, инженеров и техников. В телеграмме, присланной на ЗИЛ 15 октября 1956 г., в день пуска Чанчуньского автозавода, говорилось: «Коллектив нашего завода искренне благодарен Советскому Союзу за оказанную нашему заводу помощь и никогда не забудет советских специалистов и весь коллектив завода им. И. А. Лихачева, которые не щадя сил отдавали свой труд делу создания нашего завода»².

Высоко оценивая бескорыстную братскую помощь Советского Союза, газета «Жэньминь жибао» в феврале 1959 г. писала: «Помощь Советского Союза экономическому строительству нашей страны как в количественном отношении, так и по своим масштабам не имеет прецедента в истории».

На основании подписанного 5 июля 1956 г. межгосударственного долгосрочного соглашения о культурном сотрудничестве большое развитие получили культурные связи между советским и китайским народами. В реализации этого соглашения активное участие принимали Министерство культуры и творческие союзы СССР, Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) и другие общественные организации нашей страны.

Такова краткая предыстория нашего Общества.

...29 октября 1957 г. в Москве, в Большом зале Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, на собрании 1750 представителей государственных и общественных организаций нашей страны, деятелей науки и культуры, Советской Армии и Флота, рабочих, колхозников, учащейся молодежи было принято решение о создании в Советском Союзе Общества советско-китайской дружбы. Это нашло горячий отклик и одобрение со стороны широких кругов советской и китайской общественности. «Создание Общества советско-китайской дружбы представляет собой новое звено во всестороннем сотрудничестве китайского и советского народов. — отмечала газета «Жэньминь жибао». — Китайский народ искренне приветствует создание ОСКД, приветствует его благородные цели и желает ему успехов в работе»³. В приветственной телеграмме, направленной Центральным правлением Общества китайско-советской дружбы Учредительному собранию Общества советско-китайской дружбы, говорилось: «Китайский народ полностью понимает великое значение дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом. Основанная на пролетарском интернационализме монолитная дружеская сплоченность народов Китая и Советского Союза является не только залогом процветания и могущества наших двух стран, но также надежным оплотом мира во всем мире. Создание Общества советско-китайской дружбы является убедительным доказательством того, что отношения дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом крепнут и развиваются с каждым днем и будут способствовать дальнейшему укреплению сплоченности и дружбы между народами двух стран. Китайский народ горячо приветствует создание Общества советско-китайской дружбы»⁴.

В адрес общества поступили также сотни писем и телеграмм из различных республик, краев, областей и городов нашей страны, в которых советские люди, коллективы предприятий, культурных и научных учреждений, вузов и школ приветствовали создание новой советской общественной организации.

Характер и задачи деятельности общества были определены его уставом. Общество советско-китайской дружбы — добровольная общественная организация, имеющая целью всемерно содействовать развитию и укреплению братской дружбы и сотрудничества народов СССР и КНР. Общество поставило целью широко ознакомить советскую общественность с жизнью китайского народа, его историей и культурой, а также содействовать ознакомлению общественности КНР с жизнью советского народа, с государственным, экономическим и культурным строительством в СССР, с миролюбивой внешней политикой Советского правительства. Общество так определило свои задачи:

— поддерживать постоянные дружественные связи с Обществом китайско-советской дружбы, обмениваться опытом и проводить по взаимному согласию мероприятия, способствующие успешному развитию деятельности обоих обществ;

— содействовать дружественным связям между культурными, научными, молодежными, спортивными, туристскими и другими общественными организациями и учреждениями, между деятелями культуры, науки, искусства и представителями отдельных

² История Московского автозавода им. И. А. Лихачева. М., 1966, с. 461.

³ «Жэньминь жибао», 31.X.1957.

⁴ Архив ССОД, т. 1, с. 43.

профессий обеих стран, используя в этих целях взаимные поездки делегаций, отдельных представителей, а также обмен литературой, периодическими изданиями, произведениями искусства и другими материалами;

— содействовать распространению в СССР различного рода изданий, выпускаемых в КНР, в том числе печатных органов ОКСД, переводу и изданию на языках народов СССР произведений китайских писателей, ученых, общественных деятелей, а также организации в СССР выставок ОКСД, демонстрации китайских кинофильмов, театральных постановок, организации радио- и телевизионных передач и других мероприятий, показывающих жизнь народов Китая и их успехи в строительстве социализма;

— издавать на китайском языке журнал — орган ОКСД, оказывать помощь ОКСД в работе по ознакомлению китайского народа с жизнью Советского Союза, направляя в КНР выставки, литературу, различные материалы о Советском Союзе;

— проводить собрания, посвященные памятным датам и событиям, организовывать встречи, вечера, концерты и другие мероприятия, отвечающие целям общества.

Председателем Центрального правления Общества советско-китайской дружбы был избран известный государственный и общественный деятель Советского Союза А. А. Андреев. В состав Центрального правления общества вошли руководители государственных и общественных организаций нашей страны, передовики промышленности и сельского хозяйства, прославленные советские военачальники, ученые, писатели, художники, артисты, представители советской молодежи. Отделения общества были созданы в Украинской, Белорусской, Таджикской, Узбекской, Казахской, Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Киргизской ССР, в Приморском и Хабаровском краях, Ленинградской, Новосибирской, Читинской, Иркутской областях, в Ринге, Уссурийске. В состав ОКСД на правах первичных организаций вошло более 400 крупнейших промышленных предприятий, колхозов и совхозов, высших и других учебных заведений и учреждений страны.

Вскоре после создания Общество советско-китайской дружбы превратилось в массовую представительную организацию советской общественности, в деятельности которой участвовали сотни тысяч советских граждан.

Важным этапом в развитии деятельности общества, в укреплении его связей с Обществом китайско-советской дружбы было заключение 12 ноября 1959 г. Соглашения о сотрудничестве между Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Обществом советско-китайской и Обществом китайско-советской дружбы. Заключение этого соглашения содействовало установлению непосредственных контактов между отделениями ОКСД в республиках, краях, областях СССР и отделениями ОКСД в провинциях Китая, между советскими и китайскими первичными организациями, между рабочими, крестьянами, деятелями науки, искусства и культуры СССР и КНР. Все это создавало хорошую базу для дальнейшего развития и укрепления дружбы и сотрудничества между народами наших стран.

В массовые общественно-политические кампании выливались мероприятия, которые проводило Общество советско-китайской дружбы в Советском Союзе по случаю годовщин провозглашения КНР, заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНР, других юбилейных и памятных дат из истории КНР и советско-китайского сотрудничества. Свои мероприятия общество посвящало годовщинам «движения 4-го мая» и другим датам из истории Китая, памяти выдающихся деятелей национально-освободительного и революционного движения китайского народа. В ходе месячника советско-китайской дружбы, посвященного 10-й годовщине провозглашения КНР, обществом в Москве, столицах союзных и автономных республик, областных центрах и городах нашей страны были проведены сотни тысяч различного рода мероприятий. Из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Тбилиси, Баку, Еревана, Душанбе и Ташкента, Иркутска и Владивостока отделениями Общества советско-китайской дружбы в адрес Общества китайско-советской дружбы и китайских организаций были направлены тысячи теплых дружеских писем и поздравительных телеграмм, в которых коллективы предприятий, колхозов, совхозов, вузов и школ поздравляли своих китайских коллег и неизменно заявляли о готовности внести свой вклад в дело социалистического строительства в КНР. По случаю годовщин и других юбилейных и памятных дат КНР обществом организовывались также фотовыставки, лекции и беседы о всестороннем советско-китайском сотрудничестве, о жизни и труде китайского народа. На страницах центральных и местных газет и журналов выступали руководители и активисты общества, члены делегаций советской общественности, посетившие Китай. В этих публикациях радость, вызванная ростом экономической мощи братского Китая, а также искренними чувствами дружбы и симпатии, с которыми относились тогда в Китае к посланцам Советского Союза, сочеталась с гордостью за свою Родину, свято выполняющую высочайший интернациональный долг по отношению к китайскому народу.

В целях ознакомления советской общественности с богатым культурным наследием китайского народа Общество советско-китайской дружбы проводило множество мероприятий, посвященных памяти выдающихся деятелей культуры, науки и искусства Китая. В Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран, встречались коллективы Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии и Ансамбля песни и танца Народно-освободительной армии Китая. Обществом был организован вечер встречи прославленных мастеров ГАБТ СССР: Г. Улановой, М. Плисецкой, Г. Олейников-

ко и др. с приехавшим на гастроли в Москву коллективом Центрального экспериментального театра Пекина. Тепло принимали активисты общества в Доме дружбы китайского пианиста Лю Шикуня — лауреата I Международного конкурса скрипачей и пианистов имени П. И. Чайковского в Москве, артистов Гуандунского ансамбля народных инструментов, известную китайскую киноактрису и солистку Гуандунской народной оперы Хун Сяньюй и других прославленных мастеров китайской сцены.

Общество советско-китайской дружбы много внимания в своей деятельности уделяло организации различного рода фото-, книжных и других выставок, рассказывающих о различных сторонах жизни китайского народа. С фотовыставками «Наш друг Китай», «По берегам Янцзы», организованными ОСКД, познакомились москвичи. В республиках Средней Азии демонстрировались фотовыставки «Ирригационное строительство в КНР», а в Грузинской и Азербайджанской ССР — фотовыставка «Литература и искусство КНР». Общество было также организатором выставок китайского прикладного искусства, китайской графики, хуаньских и сучжоуских вышивок, ханчжоуской парчи, детского рисунка, цветных ксилографических репродукций «Жунбаочжай», китайского фотонискусства. По случаю 10-летия КНР обществом была показана в Москве полученная из Пекина выставка произведений литературы и искусства Китая. Общественность Москвы и гости столицы проявили большой интерес к организованным обществом совместно с Союзом художников СССР выставкам произведений советских художников, побывавших в КНР: К. Максимова, В. Богаткина, О. Верейского, В. Климашина, А. Константиновского, М. Пикова, Л. Кравченко, И. Богдеско и др. Советским художникам удалось передать в своих произведениях трудовой энтузиазм китайского народа, показать чарующую природу Китая, его древние памятники и новостройки. Наиболее ярко звучала в них тема советско-китайской дружбы и братства.

Одним из важнейших центров установления и развития дружеских связей между советской и китайской общественностью явились отделения и первичные организации обществ дружбы. По инициативе Общества советско-китайской дружбы были установлены и осуществлялись связи между Украинским республиканским отделением ОСКД и отделением ОКСД провинции Хубэй, между Грузинским республиканским отделением ОСКД и отделением ОКСД провинции Гуандун, Азербайджанским республиканским отделением ОСКД и отделением ОКСД провинции Фуцзянь, Узбекским и Казахским республиканскими отделениями ОСКД и отделением ОКСД Синьцзян-Уйгурского автономного района, Белорусским республиканским отделением ОСКД и отделением ОКСД провинции Хэбэй, Ленинградским отделением ОСКД и Шанхайским отделением ОКСД, Хабаровским красным отделением ОКСД и отделением ОКСД провинции Хэйлуцзян, Приморским краевым отделением ОКСД и отделением ОКСД провинции Цзилинь, Иркутским областным отделением ОКСД и отделением ОКСД провинции Ляонин, Читинским областным отделением ОКСД и отделением ОКСД Автономного района Внутренней Монголии, Рижским отделением ОКСД и отделением ОКСД провинции Цзянсу.

В 1959 г. сто предприятий Ленинграда участвовали в производстве оборудования для Китая, среди них такие прославленные коллективы, как «Электросила», «Русский дизель», «Красная заря», станкостроительный завод им. Свердлова и др. 150 проектных организаций города поставляли в Китай научно-техническую документацию. Тысячи китайских студентов проходили обучение в Ленинграде, много видных советских ученых, артистов, рабочих отдавали свой труд и знания китайскому народу. Ленинградский завод оптических приборов поддерживал тесные дружеские контакты с Шанхайским заводом оптических приборов, Ленинградский завод «Электрик» — с Шанхайским заводом электросварочных агрегатов, Ленинградский драматический театр им. А. И. Островского — с Шанхайским театральным институтом, Ленинградский дворец пионеров — с Шанхайским дворцом пионеров, на спортивных площадках Ленинграда и Шанхая встречались ленинградский «Зенит» и шанхайские футболисты.

Многие высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда и других городов нашей страны — первичные организации ОСКД поддерживали дружеские связи с соответствующими вузами Китая. МГУ осуществлял широкие контакты с Пекинским университетом, Московский авиационный институт — с Авиационным институтом Пекина, МЭИ — с университетом Цинхуа и т. д. Помимо обмена учебными планами и пособиями, коллективы проводили месячники и декады дружбы, заочные легкоатлетические соревнования, обменивались студентами, аспирантами и стажерами.

Важную роль в развитии и укреплении дружеских связей между советской и китайской общественностью по линии обществ дружбы играл обмен делегациями и специализированными туристскими группами. По приглашению Общества советско-китайской дружбы в период 1957—1965 гг. Советский Союз посетили многочисленные делегации и специализированные туристские группы активистов Общества китайско-советской дружбы. Общество организовывало для них посещение предприятий, колхозов, совхозов, культурно-просветительных учреждений, встречи с активом ОСКД. Посланцы китайской общественности имели неограниченные возможности для контактов с советскими людьми и выступлений перед различными аудиториями советской общественности. Они могли ознакомиться с жизнью и трудом советского народа, его богатыми революционными традициями, убедиться в сплоченности советского народа вокруг КПСС и Советского правительства, в искреннем стремлении советских людей к дружбе и сот-

рудничеству с китайским народом. В составе делегаций и туристских групп Советский Союз посетили многие известные общественные деятели Китая, ветераны КПК и революционной борьбы китайского народа, руководители профсоюзов, молодежи и женского движения, передовики производства и представители крестьянства, только что ставшие на путь кооперирования сельского хозяйства. В нашу страну приезжали представители научной и творческой интеллигенции Китая: прославленный мастер китайской сцены Мэй Ланьфань, писатели Ба Цзинь, Лао Шэ, Мао Дунь, поэт Эми Сяо и многие другие.

Приезжавшие в Советский Союз представители китайского народа ощущали высокие чувства братства и интернационализма в общении с советскими людьми. Профессор Пекинского Университета Цао Цзинхуа — депутат ВСНП, член Центрального правления Общества китайско-советской дружбы после пребывания в Советском Союзе по приглашению Общества советско-китайской дружбы писал в статье «Великий советский народ идет к победе коммунизма»: «Поездка в СССР принесла нам огромную пользу. Успехи Советского Союза в коммунистическом строительстве, чувства великой дружбы, питаемые советскими людьми к китайскому народу, воодушевили нас, оказали на нас глубокое воспитательное воздействие»⁵.

Теплый, братский прием оказывали в те годы и посланцам советской общественности в Китае. В состав делегаций и специализированных групп туристов — активистов Общества советско-китайской дружбы, выезжавших в Китай в период 1957—1965 гг., включались руководители министерств, ведомств и общественных организаций, ветераны КПСС и Советских Вооруженных Сил, передовики промышленности и сельского хозяйства, представители советской молодежи и интеллигенции. «Где ни появлялись советские гости: на большом Уханьском мосту, на стройплощадке Уханьского металлургического комбината, во Дворце китайско-советской дружбы в Шанхае или на Уханьском заводе тяжелого машиностроения — их повсюду тепло, как братьев, встречали китайские люди», — писала газета «Жэньминь жибао» в дни пребывания в КНР в ноябре 1957 г. делегации Общества советско-китайской дружбы во главе с председателем его Центрального правления А. А. Андреевым. Многотысячные митинги китайско-советской дружбы были организованы Обществом китайско-советской дружбы в Пекине, Тяньцзине, Сиани, Чэнду, Чанша, Чунцине, Ухани и Шанхае в дни пребывания в КНР на праздновании 10-летия провозглашения КНР делегации Общества советско-китайской дружбы во главе с заместителем председателя Центрального правления, председателем Советского комитета защиты мира, известным советским поэтом Н. С. Тихоновым.

Активный обмен делегациями осуществлялся также между отделениями общества дружбы. В состав делегаций, которые направлялись в гости к китайским коллегам, включались активисты общества, которые могли бы поделиться своими знаниями и опытом и принести практическую пользу своим китайским друзьям. На Фушуньском разрезе член делегации машинист экскаватора В. С. Софонов по просьбе китайских коллег научил их скоростным методам работы советских экскаваторщиков. Токарь А. В. Джумақ, приехав в Китай в составе делегации Иркутского отделения общества, выступил на совещании передовиков труда провинции Ляонин, а на Шэньянском кабельном заводе продемонстрировал скоростные методы резания металла.

Важнейшим участком деятельности общества была работа с китайскими студентами и аспирантами, обучавшимися в вузах Советского Союза. Для них устраивались вечера дружбы советской и китайской молодежи, экскурсии по памятным местам, организовывались кинопросмотры советских фильмов, посещения советских промышленных предприятий, встречи с передовиками производства, ветеранами партии, героями Великой Отечественной войны. Совместно с МГК ВЛКСМ Общество советско-китайской дружбы проводило собрания и вечера молодежи Москвы и других городов нашей страны, посвященные годовщинам КНР и празднику китайской молодежи «Дню 4-го мая». Китайские студенты и аспиранты часто выступали в первичных организациях общества с сообщениями о жизни своего народа, об участии молодежи Китая в освободительной борьбе китайского народа и социалистическом строительстве нового Китая. По случаю 10-летия КНР общество организовало 300 выступлений китайских студентов МЭИ на московских предприятиях и в подмосковных колхозах. Китайские студенты из Ленинграда по просьбе Ленинградского отделения общества выступали перед трудящимися Таллина.

В первые годы после создания Общества советско-китайской дружбы большую помощь в его работе оказывало Общество китайско-советской дружбы. 5 октября 1949 г. в Пекине состоялось учредительное собрание Общества китайско-советской дружбы, на котором в присутствии 1500 делегатов, представлявших различные общественные организации Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Цзинани, Ханькоу, Нанкина, Шэньяна, Харбина и других городов и районов страны. В работе собрания приняла участие делегация деятелей советской культуры во главе с А. А. Фадеевым, а также поверенный в делах СССР в КНР С. Л. Тихвинский.

Созданное на четвертый день после образования КНР Общество китайско-советской дружбы стало самой массовой общественной организацией КНР, имевшей отделения практически во всех провинциях и крупных городах Китая. В течение первых десяти

⁵ «Дружба», 1959, № 32, с. 5.

лет своего существования оно было фактически центром пропаганды в КНР советского опыта экономического, государственного и культурного строительства. Общество проводило в Китае массово-политические мероприятия: месячники дружбы, торжественные собрания, митинги и вечера, посвященные годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции, заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНР и СССР и другим юбилейным и памятным датам в жизни Советского Союза, памяти выдающихся советских политических и общественных деятелей, деятелей культуры, науки и искусства. В этих массовых кампаниях китайско-советской дружбы участвовали миллионы граждан КНР.

Общество советско-китайской дружбы также оказывало помощь Обществу китайско-советской дружбы: направляло в его адрес тысячи новинки общественно-политической, научно-популярной и художественной литературы, большое количество экземпляров советских газет, журналов, фото- и другие выставки, рассказывающие о различных сторонах жизни Советского Союза. С жизнью нашей страны китайского читателя знакомила издававшийся Обществом советско-китайской дружбы на китайском языке журнал «Советско-китайская дружба».

...С середины 60-х годов в результате ухудшения китайско-советских отношений, связи между нашими странами значительно сократились. Это оказало отрицательное влияние и на развитие контактов по линии советских и китайских общественных организаций, в том числе и по линии обществ дружбы. Если до 1964 г. на основании соглашения, подписанного в Москве 12 ноября 1959 г., общества советско-китайской дружбы ежегодно подписывали планы сотрудничества, включавшие обязательства сторон по взаимному проведению мероприятий, развитию связей между отделениями обществ, обмену делегациями и т. д., то с 1964 г. по предложению китайской стороны вместо подписания планов стал согласовываться путем переписки только обмен делегациями. В 1968 г. связи обществ дружбы прекратились. Практически была свернута деятельность и самого Общества китайско-советской дружбы. Силы, организовавшие «культурную революцию», были заинтересованы в том, чтобы дружбу и сотрудничество между СССР и КНР сменить на отчужденность и вражду.

Руководствуясь неизменной и последовательной линией ЦК КПСС и Советского правительства на сохранение добрососедских и дружественных отношений с китайским народом, Общество советско-китайской дружбы выступило с инициативой активизации своей деятельности. При полном отсутствии контактов с Обществом китайско-советской дружбы Общество советско-китайской дружбы было вынуждено изменить формы своей работы, оставив неизменным ее содержание. Общество разработало план мероприятий, содействовавших дальнейшему ознакомлению советской общественности с Китаем, его древней историей и культурой, его славными революционными традициями в духе дружбы и уважения к китайскому народу.

В январе 1969 г. в Москве состоялась II Всесоюзная конференция Общества советско-китайской дружбы.

В единогласно принятом Уставе Общества советско-китайской дружбы и в постановлении конференции ее участники от имени советской общественности заявили, что главной задачей ОСКД является «содействие сохранению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Китайской Народной Республики, широкое ознакомление советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой». В соответствии с постановлением II Всесоюзной конференции, ОСКД значительно активизировало свою деятельность.

Итоги этой работы были подведены на состоявшейся в Москве III Всесоюзной конференции ОСКД (февраль 1978 г.), в которой участвовали 240 делегатов, представлявшие Москву, Ленинград, все республиканские, краевые, областные и городские отделения ОСКД, а также первичные организации общества: автозавода им. И. А. Лихачева, шелкового комбината им. А. С. Щербакова и др. На конференции присутствовали сотрудники Посольства КНР в СССР.

В отчетном докладе Центрального правления первый заместитель председателя Центрального правления Общества советско-китайской дружбы С. Л. Тихвинский сообщил, что со времени II Всесоюзной конференции обществом было проведено более 100 различного рода мероприятий, посвященных важнейшим датам истории революционной борьбы китайского народа, выдающимся деятелям национально-освободительного и революционного движения Китая, всемирно известным деятелям китайской культуры и литературы, знаменательным событиям истории советско-китайских отношений. Общество в целях информации советской и зарубежной общественности о проводимой им работе значительно расширило свои контакты с органами печати и радио. В советской центральной прессе, в спецвыпусках ТАСС на Советский Союз и за рубеж регулярно помещались сообщения о деятельности Общества советско-китайской дружбы. В издающихся на китайском языке журналах «Советский Союз» и «Советская женщина», в радиовещании на Китай были введены специальные рубрики «В Обществе советско-китайской дружбы». Статьи и материалы о деятельности общества неоднократно публиковались на страницах многих центральных газет и журналов.

В связи с 20-летием Общества советско-китайской дружбы был снят документальный фильм «Во имя братской дружбы», рассказывающий о деятельности общества с момента его создания. В день 30-летия со дня провозглашения КНР фильм был показан по Центральному телевидению нашей страны.

III Всесоюзная конференция ОСКД от имени советской общественности заявила, что Общество советско-китайской дружбы готово к восстановлению и развитию контактов с Обществом китайско-советской дружбы на основании соглашения от 12 ноября 1959 г. «Мы готовы возобновить обмен информацией о проводимой работе, — говорилось в постановлении, — готовы обмениваться делегациями и специализированными группами туристов — активистов обществ дружбы, готовы направлять в адрес Общества китайско-советской дружбы литературу, кинофильмы, фото- и другие иллюстративные материалы о жизни нашей страны и получать материалы от ОКСД».

В связи с проведением III Всесоюзной конференции ОСКД в Доме дружбы была открыта стендовая фотовыставка «Ленинская интернациональная политика Советского Союза в отношении Китая», рассказывающая о наиболее ярких страницах в истории советско-китайских отношений и деятельности ОСКД. Делегаты и гости конференции, в том числе сотрудники Посольства КНР, могли также ознакомиться с книжной экспозицией, включающей 300 наименований книг — переводов произведений китайских авторов на русский язык и произведений советских авторов по вопросам литературы, искусства и истории Китая. Эти книги были изданы в нашей стране за последние годы тиражом более 6 млн. экземпляров.

III Всесоюзная конференция ОСКД стала еще одним подтверждением того, что советская общественность целиком и полностью одобряет и поддерживает курс на нормализацию советско-китайских отношений, подтвержденный на XXIV—XXVI съездах КПСС, и своим участием в деятельности ОСКД готова претворять этот курс в жизнь.

В настоящее время Общество советско-китайской дружбы готовится отметить свой 25-летний юбилей. На его счету более 150 различного рода мероприятий, только в последние годы организованных в Советском Союзе по случаю знаменательных событий китайской истории и истории советско-китайских отношений.

Общество организовало конференции «Ленин и Китай» и «Великая Октябрьская социалистическая революция в Китае». Широко и торжественно было отмечено 60-летие Обращения Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу, к правительствам Южного и Северного Китая, в котором были впервые сформулированы основополагающие принципы ленинской политики Советского Союза в отношении Китая. Своим мероприятием Общество советско-китайской дружбы посвящало 50-летию начала массового движения советской общественности под лозунгом «Руки прочь от Китая!». Традиционными стали встречи ветеранов советско-китайской дружбы. Общество проводило вечера-встречи первых военных советников, направленных молодой Советской республикой в Китай по просьбе Сунь Ятсена и принимавших участие в подготовке кадров и разработке операций Северного похода. Помощи Советского Союза Китаю в освобождении Маньчжурии и создании Маньчжурской революционной базы была посвящена встреча ветеранов Советских Вооруженных Сил — участников боев против милитаристской Японии.

В связи с 45-летием начала в Китае войны сопротивления японской агрессии общество провело вечер, посвященный помощи Советского Союза Китаю в отражении агрессии японского империализма. Вечером-встречей советских железнодорожников, медиков и других специалистов будет отмечено также 30-летие передачи Советским Союзом Китаю советской доли участия в Китайско-Чанчунской железной дороге.

Отдавая дань уважения истории национально-освободительной и революционной борьбы китайского народа, общество торжественно отметило 110-летие со дня рождения великого сына китайского народа революционера-демократа Сунь Ятсена, 60-летие демократического «движения 4-го мая», 60-летие создания первых марксистских кружков в Китае, 60-летие КПК, 55-летие Шанхайского и Наньчанского восстаний, 55-летие восстания кантонского пролетариата и Кантонской Коммуны, 55-летие начала «движения 30-го мая» и китайской революции 1925—1927 гг. Свои мероприятия общество посвящало 125-летию начала Тайпинского восстания и 70-летию Синьхайской революции. Были организованы также вечера памяти выдающихся китайских коммунистов-интернационалистов и деятелей профсоюзного движения: Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Пэн Бая, Чжан Тайлэя, Ван Минна и др.

Большое число своих мероприятий Общество советско-китайской дружбы посвящает выдающимся деятелям китайской литературы и искусства, музыки, театра и кино. В 1981 г. оно совместно с Союзом писателей СССР торжественно отметило 100-летие со дня рождения Лу Синя — великого китайского писателя, основоположника современной китайской литературы. В честь этого знаменательного юбилея были проведены торжественные собрания в Москве и Ленинграде. Институт Дальнего Востока и Институт востоковедения АН СССР совместно с обществом провели научную конференцию.

За последние годы общество провело различного рода мероприятия, посвященные известным китайским писателям Чжоу Либю, Чжао Шули, Мао Дуню, Лао Шэ, Ба Цзиню, Чжэн Чжэньдо и др., классикам китайской литературы Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюнь, Ли Циньчжао, Хань Юю, Инь Фу, Тао Юаньмину, китайским композиторам Не Эр и Си Синьхаю, художникам Ци Байши и Сюй Бэйхуну, выдающемуся актеру Мэй Ланьфаню.

Большой популярностью пользуются вечера китайской классической поэзии, выставки китайской живописи, керамики и фарфора, декоративно-прикладного искусства, организуемые ОСКД в Государственном музее народов Востока. Стали доброй традицией

просмотры в обществе китайских документальных и художественных фильмов.

Начиная с 1971 г. на многие мероприятия ОСКД приглашаются сотрудники посольства КНР. На вечерах-концертах и вечерах-кинопросмотрах, традиционно организуемых обществом по случаю годовщины провозглашения КНР, присутствуют послы КНР в СССР. А на вечере-концерте, организованном в Доме дружбы по случаю 30-летия КНР, присутствовал руководитель китайской делегации на советско-китайских переговорах, заместитель министра иностранных дел КНР Ван Юпин.

В ноябре 1981 г. руководители и активисты Общества советско-китайской дружбы тепло принимали в Доме дружбы китайскую спортивную делегацию, прибывшую в Москву для участия в XXI чемпионате мира по гимнастике. В апреле с. г. гостями общества были китайские гимнасты — участники международных соревнований на приз газеты «Московские новости». В конце апреля с. г. в Москве, в Доме дружбы, состоялась встреча советских ученых — активистов общества с китайскими учеными-экономистами, прибывшими в Советский Союз в качестве гостей Посольства КНР. Общество организовало для них посещение ряда предприятий Москвы и Киева.

В последние годы снова стали проводиться отдельные мероприятия и от имени Общества китайско-советской дружбы. Обществом ежегодно организуются кинопросмотры по случаю годовщин Великого Октября и годовщин со дня рождения В. И. Ленина, общество участвует в возложении цветов к памятникам советским воинам, погибшим в Китае, защищая интересы китайского народа. Общество оказывает содействие в организации программ пребывания в КНР советских ученых — активистов Общества советско-китайской дружбы, посещающих КНР в качестве гостей Посольства СССР.

Выступая в Ташкенте 24 марта 1982 г., товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: «Мы никогда не считали состояние враждебности и отчуждения между нашими странами нормальным явлением. Мы готовы договариваться без всяких предварительных условий о приемлемых для обеих сторон мерах по улучшению советско-китайских отношений на основе взаимного уважения интересов друг друга, невмешательства в дела друг друга и обоюдной пользы — и, разумеется, не в ущерб третьим странам. Это касается как экономических, научных, культурных, так и политических отношений — по мере того, как обе стороны будут готовы к тем или иным конкретным шагам в любой из этих сфер»⁶.

Отмечая свой 25-летний юбилей, Общество советско-китайской дружбы от имени советской общественности вновь заявляет, что готово к восстановлению и развитию контактов с Обществом китайско-советской дружбы, с китайской общественностью.

На юбилейные мероприятия Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Общество советско-китайской дружбы пригласили делегацию Китайского народного общества дружбы с заграницей и Общество китайско-советской дружбы.

1982 год — юбилейный в жизни Советского Союза, советского народа. Советские люди, а вместе с ними все наши друзья за рубежом широко и торжественно будут отмечать 65-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции и 60-летие образования Союза Советских Социалистических Республик — первого в мире единого, союзного, многонационального государства рабочих и крестьян. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» отмечено, что «всей своей деятельностью, целенаправленной идеологической работой партия воспитывает трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине. Быть интернационалистом, подчеркивал В. И. Ленин, значит «думать не о своей только нации, а выше ее ставить интересы всех...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 44—45)⁷.

Общество советско-китайской дружбы, руководствуясь линией нашей партии, будет и впредь неустанно работать во имя благородного дела дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Китайской Народной Республики.

26 августа в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось заседание Центрального правления Общества советско-китайской дружбы. В заседании приняла участие Председатель Президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами Э. М. Круглова.

На заседании были заслушаны сообщения о ходе выполнения плана работы Общества советско-китайской дружбы на 1982 г. и намечены мероприятия в связи с исполняющимся 29 октября с. г. 25-летием Общества советско-китайской дружбы. По случаю знаменательного юбилея в Москве будет организован торжественный вечер в Доме дружбы с народами зарубежных стран будет открыта фотовыставка «25 лет Обществу советско-китайской дружбы». Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Общество советско-китайской дружбы организуют выставку книг советских авторов, отражающих различные стороны жизни Китая.

25-летию Общества советско-китайской дружбы будет посвящен ряд статей, подго-

⁶ «Коммунист», 1982, № 6, с. 21.

⁷ Там же, № 4, с. 10.

товленных руководителями общества. Эти статьи будут опубликованы в центральных газетах, а также в журналах «Советский Союз», «Проблемы Дальнего Востока», «Культура и жизнь» и «Советская женщина». Агентство печати «Новости» и издательство «Наука» в связи с юбилеем выпустят брошюры о дружественных связях между народами СССР и Китая.

На заседании Центрального правления было принято решение пригласить в Советский Союз для участия в юбилейных мероприятиях делегацию Китайского народного общества дружбы с заграницей и Общества китайско-советской дружбы.

На заседании выступили первые заместители председателя Центрального правления Общества советско-китайской дружбы О. Б. Рахманин и С. Л. Тихвинский.

Этнический состав населения КНР

А. М. Решетов,
кандидат исторических наук

В конце 1980 — начале 1981 г. китайская печать опубликовала новые данные об этническом составе населения страны¹. В этих публикациях вновь подчеркивается, что Китай является единым многонациональным государством. Его население без провинции Тайвань — 972,2 млн. человек. Ханьцы (собственно китайцы) составляют 94 % всего населения страны, другие народы — остальные 6 %, зато они занимают 50—60 % территории КНР). Даются сведения только о так называемых «национальных меньшинствах». Среди «национальных меньшинств» Китая есть народы, которые не только значительны по численности и не уступают ханьцам по уровню исторического развития, но и сложились уже как национальные общности. Это чжуан (12 млн. человек), уйгуры (5,4 млн.), маньчжуры (2,6 млн.), буи (1,7 млн.), корейцы (1,6 млн.) и др.

Неправомерно было бы ставить ханьцев выше других народов потому, что они — крупнейший этнос среди других, но типологически таких же этносов страны. К тому же известно, что в этнокультурном отношении ханьская нация, особенно ее северные и южные группы, не составляет достаточного единства. В синологии спорным остается и вопрос о единстве ханьского (китайского) языка, во всяком случае, признано, что различия между северными и южными (например, южнофуцзяньским) его диалектами больше, чем между английским и немецким языками. Даже антропологически китайцы далеко не едины. В состав ханьцев теперь включены даньцзя, лан и др., выделявшиеся еще в начале 50-х годов как самостоятельные этнические группы. Таким образом, вопрос о степени единства ханьского этноса является одной из актуальных проблем, ожидающих своего научного решения. Во всяком случае, мы вправе утверждать, что ханьская нация еще не достигла стадии завершения своего этнического развития.

Не обоснован вывод известного китайского историка Фань Вэньляня о том, что «хань, начиная с эпохи Цинь — Хань, и не были народностью эпохи государственной раздробленности, и не были буржуазной нацией эпохи капитализма, а представляли собой особую нацию, сформировавшуюся в специфических общественных условиях»². Но независимо от решения вопроса о степени консолидации ханьцев типологически они являются не единственной нацией в КНР.

В упомянутой статье Ван Дэ сообщается, что в КНР насчитывается 55 «национальных меньшинств» и три этнические группы. Вопрос о числе и численности неханьских народов в Китае после 1949 г. вставал неоднократно. В первых справочниках, изданных сразу после образования КНР, данные об этническом составе населения страны не приводились. По переписи населения КНР 30 июня 1953 г. было выделено свыше 60 народов общим числом 40 млн. человек³. В официальном справочнике за 1957 г. уже названо только 46 народностей⁴, а в списке за 1958 г. — 51⁵.

Определение этнических общностей в КНР затруднено и не всегда удачно. Например, мяо, живущие разбросанно, говорящие практически на нескольких языках и различающиеся между собой в этнокультурном отношении, объявлены единой народностью, сохраняющие свою этническую специфику нун и ша, первоначально выделявшиеся в качестве самостоятельных народностей, были включены в состав чжуан, аси и сан, и — в состав народности и.

¹ Ван Дэ. Национальные меньшинства Китая. — «Китай», 1981, № 1, с. 8—13; Китайский энциклопедический ежегодник. Пекин — Шанхай, 1980, с. 668—669 (на кит. яз.).

² Сборник [материалов по] обсуждению вопроса о формировании ханьской нации. Пекин, 1957, с. 13 (на кит. яз.).

³ Жэньминь шоуцэ (Народный справочник). Пекин, 1955, с. 252 (на кит. яз.). В ранее опубликованных работах китайских лингвистов Ло Чанпя и Фу Маоцзи, посвященных классификации языков народов Китая, говорится о значительно большем числе народов, см.: «Кэсюэ тунбао», 1951, № 5, с. 491—495; «Чжунго юйвэнь», 1954, № 3, с. 21—26 (на кит. яз.).

⁴ Жэньминь шоуцэ (Народный справочник). Пекин, 1957, с. 623 (на кит. яз.).

⁵ Национальные меньшинства Китая. Пекин, 1958, с. 56; И Цюнь (сост.). Краткие сведения о национальных меньшинствах Китая. Пекин, 1958, с. 195 (на кит. яз.).

С 1960 г. в китайской печати стали появляться названия новых народностей: в северо-западной части провинции Юньнань — пуми (прежде они были известны под китайским названием сифань) и в юго-восточном Тибете — лоба (собрательное тибетское название для ряда этнических групп, означающее «горец»). В периодической китайской печати стали встречаться названия других групп: куцун, мэньба. По данным 1977 г., в Китае насчитывалось, помимо ханьцев, 54 народности⁶. В июне 1979 г. Государственный совет КНР принял решение о выделении в качестве отдельной народности цзюно. Куцун (около 4 тыс. человек) и цзюно — две небольшие народности, живущие на юге провинции Юньнань, а народность мэньба — в юго-восточной части Тибета. Так число народов КНР достигло (без хань) 55. Данные об этих народах и приведены в публикациях 1980—1981 гг.

Этот список представляет несомненный интерес, воспроизведем его полностью, оставляя без изменений последовательность перечисления, принятую в Китае (см. табл.).

Прежде всего надо признать, что эти публикации содержат новый большой материал для сравнительного изучения динамики изменения численности народов КНР. Очевидно, что детальный анализ опубликованных данных еще предстоит, но уже сейчас нельзя не обратить внимания на изменения в численности народов. Теперь уже 1 млн. человек и более насчитывают не 10, а 13 народов: в это число вошли яо, дун бай. Некоторые народы резко уменьшились по численности — это прежде всего русские (с 22 600 в 1958 г.⁷ до 600).

Следует отметить также, что в списке народов Китая названия двух народов имеют одно и то же значение: гаошань и лоба. Первое — китайское, второе — тибетское, но оба одинаково означают «горец». Отсутствие у каждого из них четко выраженного этнического самознания, закрепленного общим наименованием, не позволяет говорить о гаошань и лоба как о каких-то определенных этнических общностях. Появились изменения и в названиях некоторых народов: дай вместо тай, ва вместо кава. Есть новые интересные сведения о расселении народов. Впервые сообщается о наличии гаошань в провинции Фуцзянь.

Наибольшее внимание привлекают названия новых народов, о которых Ван Дэ сообщает без дополнительных комментариев, как и о том, что теперь в КНР, помимо 55 народов, выделены еще 3 этнические группы: куцун, дэн и шерпы, проживающие в Юньнани и Тибете. К сожалению, мы не располагаем никакими сведениями о численности, этнической и языковой принадлежности дэн. Что касается других упоминаемых им новых народов и этнических групп, то все они принадлежат к тибето-бирманской языковой группе, преимущественно гималайской ветви.

Особое внимание привлекают новые данные об этническом составе Тибета. Здесь выделены народности лоба, мэньба и этническая группа шерпы. Если о первых двух уже имелись некоторые упоминания⁸, то о наличии шерпов в Тибете сообщается впервые. Приведенные данные о численности мэньба — 40 тыс. человек и лоба — 300 тыс., а также о наличии шерпов не могут не вызвать определенных размышлений.

В КНР происходит «открытие» новых народов. И речь идет не о каких-то незначительных группах. Согласно вышеприведенной численности, лоба теперь должны включаться в число довольно крупных народов Китая.

По последним данным, население Тибета исчисляется в 1 млн. 830 тыс. человек⁹. При площади 1,2 млн. км² плотность населения здесь в среднем составляет 1,5 человека. При первых публикациях о мэньба и лоба двадцать лет назад в китайской печати не сообщалось об их численности, теперь опубликованы данные об их численности и впервые названы шерпы, но нет данных об их численности. Какова же она? По данным на 1961 г., в Китае якобы насчитывалось 3800 чел. мэньба¹⁰, по новейшим данным, их уже 40 тыс. чел. Такой рост численности населения этой группы в 10 раз никак не может быть объяснен за счет естественного прироста. Китайские же статистические данные показывают, что даже при высоком проценте прироста населения нужны десятилетия для значительного увеличения численности. Чжуан, например,

⁶ Единство и равенство. Национальные меньшинства Китая и их прогресс. Пекин, 1977, с. 5 (на кит. яз.).

⁷ Фан Жэнь. Численность и расселение малых народов Китая. — «Дили чжиши», 1958, т. 9, № 6, с. 258 (на кит. яз.).

⁸ В книге «Уверенно движущийся вперед Тибет» (Пекин, 1958) указывалось, что в Тибете живут тибетцы, хань, хуэй, монголы, ло (то есть лоба) и мань (может быть, мэньба?), с. 8, 9, 115. Упоминания о лоба и мэньба имеются в списках, помещенных в «Словаре наиболее употребительных иероглифов китайского языка» (Ханьчжоу, 1973, с. 681—684) и «Словаре современного китайского языка» (Пекин, 1976, с. 590—593). В этих списках значатся 54 народности, еще не включены данные о цзюно. В «Китайско-русском словаре» (Пекин, 1977) упомянуты все народы Китая, но не упомянуты лоба, хотя еще в 1954 г. крупнейшие китайские лингвисты Ло Чанпэй и Фу Фаоци, упоминая о языке народности лу, высказывают мнение о его связях с непальскими языками и языками лоба. Можно предположить, что в КНР не все считают, что лоба живут в пределах ее границ.

⁹ In: "Beijing Review", 1981, № 7, p. 6.

¹⁰ Жэньминь шоуцэ (Народный справочник). Пекин, 1965, с. 116.

№	Наименование народов	Численность (в тыс.)		Районы расселения
		по статье Ван Дэ	по Ежегоднику 1980 г.	
1.	Монголы	2 600	2 660	Внутренняя Монголия, Синьцзян, Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян, Цинхай
2.	Хуэй	6 400	6 490	Нинся, Ганьсу, Хэнань, Хэбэй, Цинхай, Шаньдун, Юньнань, Синьцзян, города Пекин, Тяньцзинь
3.	Тибетцы	3 400	3 450	Тибет, Цинхай, Сычуань, Ганьсу, Юньнань
4.	Уйгуры	5 400	5 480	Синьцзян
5.	Мяо	3 900	3 920	Гуйчжоу, Хунань, Юньнань, Гуанси, Сычуань, Гуандун
6.	И	4 800	4 850	Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси
7.	Чжуаны	12 000	12 090	Гуанси, Юньнань, Гуандун, Гуйчжоу
8.	Буй	1 700	1 720	Гуйчжоу
9.	Корейцы	1 600	1 680	Цзилинь, Ляонин, Хэйлунцзян
10.	Маньчжуры	2 600	2 650	Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян, Хэбэй, Внутренняя Монголия, Пекин
11.	Дун	1 100	1 110	Гуйчжоу, Хунань, Гуанси
12.	Яо	1 200	1 240	Гуанси, Хунань, Юньнань, Гуандун
13.	Бай	1 000	1 050	Юньнань
14.	Туцзя	770	770	Хунань, Хубэй
15.	Хани	960	960	Юньнань
16.	Казахи	800	800	Синьцзян, Ганьсу, Цинхай
17.	Дай	760	760	Юньнань
18.	Ли	680	680	Гуандун
19.	Лису	470	470	Юньнань
20.	Ва	260	260	Юньнань
21.	Шэ	330	330	Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянси, Гуандун
22.	Гаошань	300	300	Тайвань, Фуцзянь
23.	Лаху	270	270	Юньнань
24.	Шуй	230	230	Гуйчжоу
25.	Дунсяны	190	190	Ганьсу
26.	Наси	230	230	Юньнань
27.	Цзинпо	80	83	Юньнань
28.	Киргизы	90	97	Синьцзян
29.	Ту	120	120	Цинхай
30.	Дауры	70	78	Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян
31.	Мулао	70	73	Гуанси
32.	Цян	80	85	Сычуань
33.	Буланы	50	52	Юньнань
34.	Салары	50	56	Цинхай, Ганьсу
35.	Маонань	30	31	Гуанси
36.	Гэлао	20	26	Гуйчжоу
37.	Сибо	40	44	Синьцзян, Ляонин
38.	Ачаны	10	18	Юньнань
39.	Таджикки	20	22	Синьцзян
40.	Ну	10	19	Юньнань
41.	Узбеки	7	7,5	Синьцзян
42.	Русские	0,6	0,6	Синьцзян
43.	Эвенки	10	13	Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян
44.	Бэйлуны	10	10	Юньнань
45.	Баоань	6	6,8	Ганьсу
46.	Юйгуры	8	8,8	Ганьсу
47.	Цзинны	5	5	Гуанси
48.	Татары	2	2,9	Синьцзян
49.	Дулуны	4	4,1	Юньнань
50.	Орочоны	3	3,2	Хэйлунцзян, Внутренняя Монголия
51.	Хэчжэ	0,8	0,8	Хэйлунцзян
52.	Пуми	20	22	Юньнань
53.	Мэньба	40	40	Тибет
54.	Лоба	300	200	Тибет
55.	Цзинно	10	10	Юньнань

в 1953 г. насчитывалось 6,6 млн. человек, в 1961 г. — 7,78 млн., в 1978 г. — 12 млн. человек¹¹, то есть за 25 лет численность увеличилась лишь вдвое.

Достойно сожаления, что до сих пор не издано ни одной работы по этнографии или языку мэнба, лоба и шерпов, не опубликованы конкретные сведения об их расселении и структуре.

В статье Ван Дэ тоже есть определенный упор на историческое единство всех народов Китая. Он пишет: «В 221 г. до нашей эры, после объединения Цинь Шихуаном всей страны, Китай стал феодальной страной, долгое время сохранявшей единый централизм. В ходе длительного исторического развития между различными народами Китая, центральное место среди которых занимали ханьцы, установилась тесная связь в политическом, экономическом и культурном отношениях. Объединенные вместе, они сообща создали цивилизацию китайской нации с ее вековой историей»¹².

Конечно, было бы ненаучно отрицать глубокое связи и взаимное влияние народов Китая с ханьцами. Вместе с тем их прочность и глубина довольно различны. Они, например, много глубже между народами Южного Китая, чем Северного, включая и живущих там ханьцев. Например, история чжуанов в последние столетия довольно тесно переплетена с общей историей всех народов Южного Китая, достаточно вспомнить тайпинское восстание.

Ханьские феодалы в равной степени угнетали как малые народы Китая, так и ханьских крестьян, «отношения между народностями были неравноправными»¹³. Можно предполагать, что в будущем в КНР могут быть названы новые народы, а со временем и их численность. Сообщая о Юньнани, где из 55 народов проживают 22, китайские авторы вместе с тем упоминают о наличии двух «лесных племен», которые, например, не получили официального статуса национальности¹⁴. Когда, при каких обстоятельствах они его получат?

Ван Дэ указывает, что в КНР все национальности равноправны, что происходит укрепление национального сплочения, и призывает к необходимости уважать в политической и общественной жизни нравы, обычаи и вероисповедания «малых народов». Сообщается, что в КНР сейчас существуют 5 автономных районов (Внутренняя Монголия, Нинся-Хуэйский, Синьцзян-Уйгурский, Гуанси-Чжуанский и Тибетский), 29 автономных округов, 67 автономных уездов, 3 автономных хошуна, что из среды малых народов готовятся кадры национальных специалистов. В статье содержится призыв к непрерывному урегулированию и улучшению отношений между национальностями, дальнейшему укреплению национального сплочения: «Одновременно с сохранением бдительности и выступлением против раскола и подрыва сплоченности национальностей... страны извне, необходимо непрерывно обращать внимание и ликвидировать те внутренние факторы, которые не благоприятствуют национальному сплочению; постоянно предупреждать и преодолевать великоханьский уклон и уклон местного национализма, и в особенности первый»¹⁵.

В Китае признают, что в национальной проблеме «еще решены не все вопросы». В отношениях между народами до сих пор сохраняется напряженность. Недавно во время инспекционной поездки по Северо-Западу панчен-эртни, находясь в спорном районе на стыке провинций Ганьсу и Цинхай, призвал кадровых работников всех ступеней разрешать спорные вопросы на основе взаимного понимания, взаимных уступок, справедливости и рациональности¹⁶.

В «Китайско-русском словаре» (Пекин, 1977) помещены иероглифы, обозначающие народы. Обычно каждое такое наименование народов Китая сопровождается указанием, что это — «одно из национальных меньшинств Китая»¹⁸. Однако такого рода определения нет против названий тюркских народов — уйгуров, казахов, киргизов, узбеков, татар, тунгусо-маньчжурских народов — маньчжуров, эвенков, орочонов, монгольских — монголов, дауров, а также тибетцев, таджиков, русских, корейцев. Непонятен принцип такого распределения народов Китая. Конечно, в последнем перечислении есть народы, которые преимущественно живут за рубежом, например корейцы, эвенки, казахи, киргизы и т. д. Но есть и народы, которые исключительно (маньчжуры, таджики-сарыкольцы) или преимущественно (тибетцы) живут в Китае. Вместе с тем среди народов, обозначенных как национальные меньшинства Китая, есть немало таких, которые в той или иной степени расселены и за рубежами страны, например цзин (вьетнамцы), буи, яо, ва, цзинпо (качины) и т. д.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 1.XI.1954; Жэньминь шоуэцэ (Народный справочник). Пекин, 1965, с. 115.

¹² Ван Дэ. Указ. соч., с. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ Ип: «Beijing Review», 1981, № 4, р. 30.

¹⁵ Ван Дэ. Указ. соч., с. 11.

¹⁶ Ип: «Beijing Review», 1981, № 3, р. 18, 19.

¹⁸ См., например: бай — с. 15, хапи — с. 338, цзинпо — с. 473, лаху — с. 530, мяо — с. 618, юйгу — с. 1113 и т. д.

Конечно, проблема решения национального вопроса, одним из аспектов которого является установление этнического состава, в такой полиэтнической стране, как Китай, не может принадлежать к числу простых и поддающихся легкому и быстрому решению. В свое время китайские ученые признавали отсутствие точных данных о числе народностей в Китае¹⁹. Вопросы этнического состава Китая требуют постоянного научного рассмотрения.

Ленинград

---

¹⁹ См., например: Линь Яохуа. Некоторые насущные проблемы, стоящие перед китайскими этнографами в связи с разрешением национального вопроса в Китайской Народной Республике. — «Советская этнография», 1956, № 3, с. 79—91.

В Китае 50-х годов

И. В. Стражева

От редакции: Автор публикуемых ниже воспоминаний доктор технических наук, профессор И. В. Стражева в 1956—1957 гг. вела преподавательскую работу в Пекинском авиационном институте. В те годы советские специалисты оказывали огромную бескорыстную помощь китайскому народу в строительстве социалистического общества. Непосредственный участник этих событий, И. В. Стражева могла воочию убедиться, что китайский народ с признательностью принимал эту братскую помощь, с любовью и уважением относился ко всем советским людям. Хорошее прошлое во взаимоотношениях между китайским и советским народами перечеркнуть нельзя — это твердое убеждение автора воспоминаний.

* * *

В конце 1955 г. меня вызвали в отдел кадров Министерства высшего образования СССР и предложили поехать в годичную командировку в Китайскую Народную Республику.

— Консультантом на кафедру «Аэродинамика и гидравлика» Пекинского авиационного института, — сказал беседовавший со мной работник министерства. — Согласно существующему договору о взаимной помощи и сотрудничестве, в будущем году в Китай будет направлена еще одна большая группа специалистов из нашей страны, в том числе и из вашего Московского авиационного института — МАИ.

Пекинский авиационный институт по праву называли тогда и у нас, и в Китае «младшим братом МАИ» и даже по созвучию со «старшим братом» окрестили просто «ПАИ». Многие наши преподаватели побывали после 1949 г. в этом высшем учебном заведении КНР: читали курсы лекций по специальным дисциплинам, помогали в постановке учебного процесса. Учебные и научные лаборатории ПАИ во многом повторяли аналогичные лаборатории МАИ. Близкими были и учебные планы.

Весной 1956 г. моя кандидатура министерством была окончательно одобрена.

... Первые встречи с преподавателями кафедры, руководством института. Познакомилась и с двумя переводчиками: невысокий мужчина Сяо Пэйхоу и подвижная черноглазая Чэнь Чжэнь. На протяжении года они будут помогать мне в работе: переводить на китайский язык лекции по динамике полета, присутствовать на беседах и консультациях, ездить со мной в командировки. Программа, предложенная кафедрой, очень насыщена. Ее успешное осуществление во многом будет зависеть от них, переводчиков.

Начало учебного года в Пекинском авиационном институте было отмечено грандиозным митингом на стадионе. И только что приехавшие из Москвы преподаватели, и те, кто работает здесь уже второй, а то и третий год, приглашены на трибуну. Фотографы щелкают затворами аппаратов. Девушки, нарядные, улыбающиеся, преподносят специалистам цветы.

И разве могли я и мои товарищи предположить, что через десять лет на этом самом стадионе оголтелые и разнузданные хунвэйбины будут бросать в костры книги, учебники, конспекты наших лекций.

... Конец сентября. Китайские газеты заполнены материалами о только что закончившемся VIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. Моя переводчица, положив на стол несколько номеров газеты «Жэньминь жибао», знакомит меня с содержанием отчетного доклада Центрального Комитета КПК и принятыми съездом решениями.

«Без великой интернациональной солидарности пролетариата всех стран и без поддержки международных революционных сил невозможна победа социализма в на-

шей стране, а если победа будет одержана, то ее невозможно будет закрепить», — говорилось в отчетном докладе ЦК КПК.

VIII съезд ЦК КПК наметил свой дальнейший внешнеполитический курс, основываясь на принципах пролетарского интернационализма. И Мао Цзэдун говорил на съезде: «Надо уметь учиться у идущего впереди Советского Союза, надо уметь учиться у стран народной демократии, надо уметь учиться у народов всех стран».

...Седьмое ноября! В этот день все мысли о Родине.

В предпраздничные дни мы получили от руководства института, от коллег и знакомых много письменных и устных поздравлений. Красивые открытки с изображениями птиц, рыбок, цветов, с пейзажами заполнены иероглифами, означающими пожелания здоровья, успехов.

За день до праздничного вечера в институте старший по нашей группе попросил меня подготовиться к выступлению. Долго думала вечером о том, какие найти слова для незнакомой и в основном молодежной аудитории.

Мое волнение увеличилось во сто крат, когда китайские товарищи пригласили нас в зал, вернее — в огромный крытый стадион. Заполнен он был до отказа. Студенты сидели на скамейках, подоконниках и даже разместились на фермах перекрытий.

— Тысячи четыре, не меньше, — сказал старший.

И вот трибуна. Говорила я без заранее подготовленного для переводчика текста. И он переводил по две-три фразы прямо с моих слов. А говорила я о том, что в канун нашего праздника, как всем присутствующим понятно, наши мысли и чувства — о Родине. Но сердечная дружба наших народов делает пребывание вдали от нее не таким грустным. Дружба согревает и дает нам силы для напряженного труда.

Говорила я и о том, что Советское правительство направило нас в Китай для оказания братской помощи, и все мы охотно делимся тем, что знаем, умеем. Мы понимаем, что дружбу между нашими народами надо беречь не только тогда, когда ярко светит солнце, но и когда собираются грозные тучи.

Пожалуй, наибольшее впечатление произвела реакция аудитории. Когда говорила я, многотысячный зал молчал. Но когда начинал говорить переводчик, со всех сторон раздавались крики. Зал корректировал неточности, допущенные в переводе. Многие студенты отлично знали русский язык.

Под Новый год я и мои коллеги получили много поздравлений с праздником: от руководства института, преподавателей, от Второго министерства машиностроения. Было и послание, адресованное каждому специалисту:

«Дорогие товарищи!

Накануне Нового, 1957 года разрешите мне от имени Правительства КНР и китайского народа передать Вам искренние поздравления.

Минул старый год, но братская помощь, оказанная Вами в истекшем году китайскому народу, и ваш ценный вклад в дело строительства социализма в Китае надолго останутся в памяти китайского народа. Правительство и народ Китая выражают Вам сердечную благодарность.

Желаем Вам радостно встретить Новый год! Желаем здоровья!

Чэнь Юнь. 31 декабря 1956 года».

...Командировка в Шэньян, главный город провинции Ляонин. На листке календаря — 18 января 1957 г.

Голубой экспресс переносит из теплого Пекина в морозную зиму. Выйдя из вагона, беру в руки снег. Как я соскучилась по белым снегам моей России! Встретившие меня китайские товарищи понимающе кивают головами: они тоже любят снег.

Сразу включилась в работу. Консультирую по вопросам аэродинамики самолета в конструкторском бюро, знакомлюсь с постановкой производственной практики студентов из ПАИ. Побывала и на авиационном заводе. Долго ходила по цехам. Повсюду новые станки и таблички на них: «Сделано в СССР». Рабочие приветливо здороваются: «Нихао, сулянь жэнь».

Неожиданная и такая радостная встреча с нашими специалистами — бывшими студентами МАИ. Алексей Тимофеевич Карев и Михаил Михайлович Красивовжимают руку. Приятно встретить соотечественников. Разумеется, вспоминаем студенческие годы, родной институт. Приглашаю их на свой доклад. Тема — «Некоторые вопросы аэродинамической компоновки современного самолета». Послушать мое сообщение пришли и руководители завода.

В то время в промышленности КНР уже работали на ответственных участках многие китайские инженеры, получившие высшее инженерное образование в вузах Советского Союза. Некоторые из них окончили самолетостроительный факультет МАИ, слушали мои лекции по динамике полета.

...На одной из первых бесед в Посольстве СССР нам рассказали о некоторых особенностях жизни Китая, познакомили с обычаями, нравами китайского народа. В каждой стране, естественно, можно увидеть и положительные и отрицательные стороны, говорил проводивший беседу советник. Наши китайские друзья только начинают ста-

новиться на ноги, избавляться от тяжелого наследия прошлого. Нам хотелось бы, чтобы ваши глаза видели новое, прогрессивное.

Я вспомнила об этой беседе, стоя у окна своего номера гостиницы в Наньчане... Старый человек тащит на спине непомерно огромную связку толстых бамбуковых палок. Ноша буквально пригнула его к земле... В повозку, груженную домашним скарбом, впряглись отец, мать и трое ребятишек. Изредка останавливаясь, они вытирают рукавами пот с лица... Прогромыхал повозкой рикша... Еще один пожилой китаец в соломенной шляпе с большими полями согнулся под тяжестью бамбука...

Но ростки новой жизни, чувствовалось, набирали силу. Я отчетливо ощутила это, когда познакомилась с цехами нового авиационного завода в Наньчане. И какой радостной была здесь, на широте двадцать восемь градусов, встреча с давним знакомым — самолетом АН-2. Я на нем тоже немного летала сама... Вот, оказывается, где еще одна колыбель питомцев замечательного авиационного конструктора Олега Константиновича Антонова!

Приятно было слушать рассказы работников авиазавода о том, как строили они эти светлые современные цеха, как налаживали работу конвейера. Каким праздником было для коллектива рождение первого самолета! За выездные ворота его провожали, без преувеличения, тысячи людей. И разумеется, вместе с ними эту радость искренне разделяли советские специалисты, многие из которых пробыли в Наньчане не один год.

Позже я выполнила приятное поручение: передала Олегу Константиновичу Антонову дружеский привет от тех, кто строил в КНР прославленную «Аннушку» и герографиям писал на фюзеляже имя замечательного советского конструктора.

... Рабочий день окончен. Только собралась домой, подошли китайские товарищи.

— Найдется у советского специалиста немного времени для беседы с нами? — спросил один из них.

— Конечно.

— Мы бывшие летчики, сейчас работаем на испытательной станции завода, — начал разговор китаец в синем рабочем костюме. — Я хотел вам сказать, что советские летчики-добровольцы очень помогли нашему народу в трудные годы антияпонской войны. Небо Китая не забыло их подвигов.

— Их называли «Меч справедливости», — продолжил другой товарищ. — Вы знаете, что о советском летчике Георгии Кравченко у нас поют песни. Его группа сбила много вражеских самолетов. Могилкой отважному стала Янцзы. Это была вынужденная посадка на реку. Поврежденный самолет и раненый герой... Его помнят воды Янцзы...

— А я из Ухани, — рассказывал третий. — Я знал Антона Губенко. Он протаранил в бою самолет врага...

И долго еще продолжалась наша беседа о боях в небе Китая и крылатых героях 1937—1940 гг.¹ Тогда на фронт национально-освободительной борьбы китайского народа из Советского Союза была направлена первоклассная техника. На самолетах-истребителях И-15 и И-16 прославленного конструктора Н. Н. Поликарпова, на скоростных и тяжелых бомбардировщиках СБ, ТБ-3, ДБ-3 наши летчики-добровольцы вели воздушные бои и наносили мощные удары, проявляя в этих боях беспримерный героизм. И если в просторах воздушного океана сохранялись бы следы трасс, прочерченных когда-то самолетами, то в небе Китая их можно было бы назвать, по аналогии с земными улицами, именами А. С. Благовещенского, А. А. Губенко, Г. П. Кравченко, Г. А. Кулишенко, К. К. Коккинаки, С. П. Супруна и еще многих других.

14 февраля Центральное общество китайско-советской дружбы и Пекинское общество китайско-советской дружбы пригласили советских специалистов на торжественное собрание, посвященное седьмой годовщине подписания договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР. Проходило оно в театре «Небесный мост».

После торжественной части состоялся концерт, начавшийся по сложившейся традиции исполнением песни «Москва — Пекин». Ее пели вместе с артистами все присутствовавшие в зрительном зале.

Китайские песни «Цветы победы», «Тоска по реке Хуанхэ», «Белый снег солнечной весной», «Я живу у реки Янцзы», «Песня любви на чайной горе», потом танцы «На горе чайных плантаций», «Павлин» чередовались с нашими песнями и танцами. На русском языке были исполнены арии из опер «Кармен», «Травиата». В зале проникновенно звучала музыка Чайковского, Глинки.

... Лекции. Их слушают преподаватели, приехавшие в Пекин из разных городов. Чувствую, что многие слушатели достаточно хорошо знают русский язык и владеют технической терминологией. Помогает мне, конечно, и то, что основной язык динамики полета — это формулы, уравнения, графики.

Каждый раз через несколько минут после начала лекции дверь открывается и ассистент приносит на подносе традиционную чашку зеленого чая.

Провожу много консультаций. В основном для работников кафедры. Иногда приезжают посоветоваться по тому или иному вопросу представители промышленности.

¹ Подробный рассказ о подвигах славных летчиков-добровольцев тех лет дан в книге «В небе Китая. 1937—1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев». М., 1980.

...Международный женский день. Чудесный весенний праздник, которому мужчины радуются, пожалуй, не меньше, чем женщины. И как приятно ранним утром получить здесь, вдали от дома, такие красивые корзины с цветами. Это и от товарищей по работе, приехавших вместе со мной в КНР, и от китайских коллег.

Восьмого числа Всемирная демократическая федерация женщин и Пекинская демократическая федерация устроили праздничный прием в гостинице «Пекин». Сколько здесь было цветов!

Сначала — непринужденная беседа с женщинами Китая, поделившимися и радостями, и трудностями, и планами на будущее. Я познакомилась со многими китайками. Среди них — государственные деятели, ученые, представительницы трудового фронта. Были на приеме и жены некоторых руководителей КНР. Тема бесед удивительно многоплановая: о женском труде, о мире, о детях и, естественно, о дружбе, связывающей наши народы тесными узами.

В заключение торжественного вечера состоялся большой концерт. Оживление вызвали веселые аттракционы. Хорошо прошел вечер дружбы женщин!

На другой день праздник продолжился в Посольстве СССР. Хозяйками на этот раз были представительницы Женского комитета нашего посольства. И опять слово «дружба» многократно звучало на всех языках.

В конце апреля в КНР с дружественным визитом прибыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов. В этой поездке его сопровождали Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. Р. Рашидов, министр высшего образования СССР В. П. Елютин, заместитель министра иностранных дел СССР Н. Т. Федоренко.

В связи с этим событием газета «Жэньминь жибао» в номере от 15 апреля 1957 г. писала:

«...С момента заключения 14 февраля 1950 года великого братского союза между Китаем и Советским Союзом изо дня в день росло и крепло дружеское сотрудничество между нашими странами в области экономики, политики и культуры. В международных вопросах мы рука об руку выступаем за смягчение напряженности в международной обстановке и за международное сотрудничество».

В моем архиве сохранился номер газеты «Дружба» от 18 апреля 1957 г. Эту газету издавало на русском языке Общество китайско-советской дружбы в Пекине. На первой странице — большая статья «Банкет у Чжоу Эньлая в честь К. Е. Ворошилова». На этом банкете были Председатель КНР Мао Цзэдун, заместитель Председателя КНР Чжу Дэ, Председатель Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей Лю Шаоци, члены правительства, депутаты ВСНП КНР, руководители демократических партий и общественных организаций страны, маршалы и генералы Народно-освободительной армии, посол СССР в КНР П. Ф. Юдин, сотрудники советского посольства. Всего с гостями в огромном банкетном зале собралось более 1400 человек. Приглашены были на этот прием и многие советские специалисты, работавшие в КНР.

Газета «Дружба» писала:

«Вечером 16 апреля Премьер Государственного Совета КНР Чжоу Эньлай в гостинице «Пекин» устроил банкет в честь Председателя Президиума Верховного Совета СССР Климента Ефремовича Ворошилова и других дорогих гостей, прибывших вместе с ним в нашу страну».

И несколько далее:

«В начале банкета Чжоу Эньлай, подняв бокал, сказал: «Сегодня мы с чувством огромной радости устраиваем прием в честь товарища Ворошилова и сопровождающих его советских товарищей. Чтобы выразить нашу всеобщую радость, я прошу всех наполнить бокалы и осушить их до дна за великий советский народ, за великую братскую и нерушимую дружбу между народами Китая и Советского Союза, за единство стран социалистического лагеря во главе с Советским Союзом, за мир во всем мире...»

Надо сказать, что в этот день К. Е. Ворошилов выступил с большой речью на расширенном заседании Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей. Приветствуя гостей, высказывая слова благодарности за братскую поддержку, Лю Шаоци сказал такие слова:

«На собственном опыте китайский народ убедился, что великая дружба между Китаем и Советским Союзом отвечает высшим интересам народов наших двух стран. На собственном опыте китайский народ убедился, что великое единство Китая и Советского Союза, великое единство лагеря социализма во главе с Советским Союзом представляет собой самую надежную гарантию дела всеобщего мира и прогресса человечества. Китайский народ готов приложить все силы для неуклонного упрочения этой дружбы и единства».

...Все чаще и чаще руководитель нашей группы специалистов говорит о скором отъезде на родину. Закачиваются лекции. Идет подготовка к экзаменам. Работать стало тяжелее: день ото дня усиливается жара. Пустыня Гоби напоминает о себе горячими ветрами, пылевыми бурями. В рабочих комнатах без усталости гудят вентиляторы, но это помогает мало. Единственное облегчение — душ или прохладная ванна. При первой возможности все устремляются к воде.

17 июня заключительная лекция по курсу «Устойчивость и управляемость летательных аппаратов». Записываю на доске последние формулы. Провела под ними черту, положила мелок. Успехов вам, мои внимательные слушатели, в вашей педагогической работе!

— Приезжайте еще. Нам было хорошо работать с вами, — говорит один из солидных учеников и протягивает ветку мэйхуа. Какие это красивые цветы!

Другой преподаватель вручает благодарственный адрес от кафедры. Долго смотрела на иероглифы. Вот она — оценка моего труда в этих стенах. Год жизни... Такие же адреса получили на других кафедрах и остальные наши преподаватели, приехавшие из Советского Союза.

... Прощальная встреча с коллективом института. Большой зал заседаний заполнен до отказа. Здесь и студенты, и преподаватели, и сотрудники. Специалисты — в президиуме собрания. Все торжественно и трогательно.

После краткой речи директор вручает специалистам правительственные награды. В красной коробочке — медаль. Переводчик зачитывает текст:

«В знак благодарности за вашу бескорыстную и пренеполненную энтузиазма помощь делу социалистического строительства нашей страны вручаю вам медаль «Китайско-Советская дружба». Подпись: «Премьер Государственного Совета Чжоу Эньлай».

Над головами лозунги. Фотографы на сцене и в зале. Потом каждому специалисту будет вручен альбом с этими снимками. Портрет каждого из нас, как сказал директор, будет вывешен в специальной комнате. Там будут собраны все материалы, отражающие итоги многолетней совместной работы МАИ и ПАИ. На фотографиях будут запечатлены фрагменты учебной работы, отдыха в кругу друзей. В заключение нам были вручены благодарственные адреса от директора института.

После возвращения в МАИ я продолжила работу на кафедре. В этом вузе проходили курс обучения многие китайские студенты и аспиранты. И не только в МАИ, но и во многих других высших учебных заведениях Советского Союза готовились квалифицированные инженерные и научные кадры для народного хозяйства КНР.

Все это было.

«Мы хорошо помним те времена, — сказал Л. И. Брежнев в своей речи в Ташкенте 24 марта 1982 г., — когда Советский Союз и народный Китай объединяли узы дружбы и товарищеского сотрудничества. Мы никогда не считали состоянием враждебности и отчуждения между нашими странами нормальным явлением»².

Я долго стою у карты Китая. Вспоминаю давние годы, своих китайских друзей, ущелье Бадалин и уходящую в заоблачные высоты Великую китайскую стену. Я убеждена, что настанет время, когда слово «юхао», что означает «дружба», вновь зазвучит над нашими странами.

² «Правда», 25.III.1982.

О словаре географических названий Китая

Я. А. Миропольский

Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР при участии Института Дальнего Востока АН СССР подготовлен к изданию трехтомный «Словарь географических названий Китая». Составители — Я. А. Миропольский и Г. Е. Тихонова. Словарь будет выпущен в свет в 1982 г. издательством «Наука».

Цель словаря — установление единого научно обоснованного написания по-русски географических названий Китая в научных, справочных, учебных, информационных и картографических изданиях, а также в периодической печати. Оно будет обязательным для всех министерств, ведомств и учреждений Советского Союза.

Необходимость создания настоящего словаря вызвана большими трудностями, возникающими при передаче на русский язык географических названий Китая. Эти трудности обусловлены:

- нероглифической письменностью (с несколькими вариантами чтения одного и того же нероглифа);
- многонациональным составом населения Китая, создавшим сложную топонимию этого обширного государства;
- многочисленными диалектами китайского языка — отсюда различные формы одного и того же названия;
- искажением монгольских, тибетских, уйгурских и других некитайских топонимов при записи их нероглифами;
- существованием нескольких систем латиницы для записи китайских нероглифов как в самом Китае (до 1958 г.), так и за рубежом¹;
- несовершенством официальной латиницы, употребляющейся для записи некитайских топонимов КНР;
- различием фонетических систем русского, китайского и других национальных языков Китая.

Передачу географических названий Китая на русский язык затрудняет и то обстоятельство, что в КНР до сих пор не завершен процесс упорядочения административного деления, в связи с этим часто изменяются границы административных единиц и их названия, административные единицы одного таксономического ряда переводятся в другой, административные центры (особенно уездного статуса) перемещаются из одного населенного пункта в другой.

Специалист, работающий с китайскими картографическими материалами мелкого масштаба, всегда должен иметь в виду и особый способ обозначения в Китае названий административных единиц третьего порядка (уездов, хошунов) и их центров. Дело в том, что названия административных единиц и их центров в большинстве случаев совпадают, поэтому к пуисону населенного пункта, являющегося административным центром, подписывается лишь одно название. В тех же случаях (а их более 30 %), когда название административной единицы не совпадает с названием центра, пуисон подписывается двумя названиями, причем на первом месте всегда дается название уезда или хошуна, а на втором, в скобках, — название центра (названия в скобках может и не быть). В скобках может помещаться и старое название данного населенного пункта. Поэтому, чтобы установить название административного центра, необходимо привлечь дополнительные материалы и сопоставлять их с картографическими.

В связи с вышеизложенным существует большой разноречивый в передаче на русский язык географических названий Китая. В различных изданиях можно встретить названия Гири и Цзилинь, Кантон и Гуанчжоу, Байсэ и Босэ, Кульджа и Инни, Чушул и

¹ Китайский фонетический алфавит «пиньинь» был принят в качестве международной нормы при передаче географических названий и личных имен Китая лишь в 1977 г.

Цюйшуй, Сисянь и Шэсянь, Тяньаньмынь и Тяньаньмэнь, Кайфын и Кайфэн, Даньсянь и Шаньсянь, Гонконг и Сянган и т. д. А ведь читатели порой и не знают, что это различные названия одних и тех же объектов.

Выход в свет нормативного «Словаря географических названий Китая» позволит унифицировать написание географических названий Китая в различных советских изданиях.

Словарь содержит более десяти тысяч наиболее употребительных географических названий Китая. В него включены:

— названия административных единиц первого, второго и третьего порядка, то есть названия провинций, автономных районов, городов центрального подчинения; округов, автономных округов, аймаков, городских территорий; уездов, автономных уездов, хошунов, автономных хошунов;

— названия всех административных центров, городов провинциального и окружного подчинения, а также других крупных населенных пунктов;

— названия населенных пунктов, находящихся на пересечении железных и шоссейных дорог;

— названия крупных физико-географических объектов, географических и исторических областей и некоторых достопримечательных мест Китая.

Названия в словаре расположены в порядке русского алфавита. Каждая словарная статья содержит:

- 1) название в русской передаче,
- 2) указание на род объекта (гора, залив, озеро, остров, провинция и т. п.),
- 3) краткие сведения об объекте,
- 4) административную принадлежность объекта,
- 5) иероглифическое написание названия,
- 6) написание названия в латинице.

Русская передача топонимов

Китайские, монгольские и тибетские названия передаются в словаре в соответствии с правилами новой Инструкции по русской передаче географических названий Китая (М., ГУГК, 1982); уйгурские — в соответствии с правилами Инструкции по русской передаче географических названий Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (М., ГУГК, 1971).

Некоторые названия имеют в словаре двойную форму. Названия в скобках могут обозначать:

— один из вариантов названия,

— старое название данного объекта, закрепившееся в китайских картографических материалах,

— китайские названия, существующие в национальных районах Китая параллельно с национальными формами,

— русские и европейские названия, данные русскими и иностранными исследователями Китая и закрепившиеся в советских и зарубежных картографических материалах и научной литературе.

Пограничные объекты могут также иметь в скобках названия на языках сопредельных стран. Например, на границе с Кореей — река Ялуцзян (Амноккан).

Географические названия ряда объектов передаются в словаре в традиционной форме, закрепившейся в русской литературе и картографии. Например, не Бэйцзин, а Пекин, не Хуанхай, а Желтое море, не Тайваньхайся, а Тайванский пролив, не Даюньхэ, а Великий канал.

Монгольские, тибетские, уйгурские и другие некитайские названия передаются в словаре, как правило, в национальной форме, которая устанавливалась авторами по новым картографическим материалам, изданным в КНР в латинском варианте. Как известно, иероглифические карты и атласы в большинстве случаев не давали возможности передавать некитайские названия в правильной национальной форме, поэтому многие национальные названия передавались по-русски с китайского написания в искаженной форме. Китайские географические термины — односложные и двухсложные — как правило, транскрибируются и пишутся слитно с основой топонима: оз. Тайху, м. Чэншаньцзяо, о. Чжоушаньдао, о-ва Пэйхуледао, канал Бэйюньхэ.

Монгольские и тибетские географические термины транскрибируются и пишутся через дефис: оз. Цаган-Нур, пер. Маюм-Ла.

Уйгурские географические термины, не оформленные показателем изафета, транскрибируются и пишутся слитно с основой топонима: хр. Куруктаг, источник Узунбулак.

Уйгурские географические термины переводятся, если они оформлены показателем изафета -и (-ы), -си (-сы): Манас коли — оз. Манас, Урумчи дерьяси — р. Урумчи.

На картографических материалах КНР, изданных в латинице, многие некитайские названия сопровождаются только китайскими географическими терминами. В этом случае китайские термины переводятся следующим образом: Тагини Не — р. Тарим. Конгур Шап — г. Конгур, Му Ус Шамо — пустыня Му-Ус.

В национальных районах Китая многие объекты наряду с национальными имеют также и китайские названия. В этих случаях в словаре на первом месте дается национальное название, а в скобках — китайское: Кульджа (Инин), Чугучак (Тачэн), Нагчу (Хэйхэ), Дардо (Кандин), Эрэн-Хото (Эрлянь).

Географические названия, состоящие из разноязычных компонентов (китайских и монгольских, китайских и тибетских и т. п.), пишутся по-русски через дефис с прописной буквы: Дун-Уджимчин-Ци, Бэй-Хулсан-Нур, Улан-Хуа, Чумар-Хэянь, Шан-Гонгма, Тарим-Бачан, Да-Хинган-Лин.

В словаре дается широкая система ссылок: от устаревших форм названий, от существующих вариантов названий, от искаженных в иероглифическом написании национальных форм названий и пр. Например:

Кяочао, зал., см. Цзяочжоувань, зал.; Дайрен, см. Далянь (Дальний); Байсэ, см. Босэ; Аньемачен, г., см. Мачен-Гангри, г.; Мачжа, см. Мазар; Кэянкэршань, г., см. Кьянгар, г.

Написание топонимов в латинице

Для написания китайских названий в латинице в словаре используется фонетический алфавит «пиньинь», утвержденный ВСНП в 1958 г. и введенный в 1979 г. в качестве единой нормы при транскрибировании китайских географических названий и личных имен в публикациях на иностранных языках, издающихся в Китае. Для написания монгольских, тибетских и уйгурских названий используется созданная в Китае специальная система латиницы, в основу которой положен китайский фонетический алфавит «пиньинь». Однако в отличие от алфавита «пиньинь» буквы j, q, x, z и zh в этой системе латиницы обозначают другие звуки. С китайской латиницы они передаются так: j — цз (ь), q — ц (ь), x — с (ь), z — цз, zh — чж; с уйгурской латиницы буквы j, q, x, z передаются соответственно буквами дж, ч, ш, з; с монгольской и тибетской латиницы буквы j, q, x, z передаются как дж, ч, ш, дз; буквосочетание zh с тибетской латиницы — как дж.

В ряде случаев русская передача китайских и неазиатских названий отличается от их написания в латинице. Объясняется это тем, что по-русски они передаются в традиционной форме, а в латинице — в правильной национальной форме. Например: Пекин — Beijing, Кульджа — Culja, Чугучак — Qoqek.

Китайские, монгольские и тибетские географические термины в латинице пишутся отдельно от основы топонима, с прописной буквы: Taihang Shan, Leizhou Bando, Dabsan Nur, Narin Gol, Nam Co, Mayum La.

Уйгурские географические термины пишутся слитно с основой топонима: Aksu, Aqqikkol, Kuruktug.

* * *

В словарь включен Указатель географических названий Китая в латинском написании с русской транскрипцией.

Для удобства пользования указателем перед ним помещена Сводная таблица знаков латинского алфавита, употребляемых в Китае для записи китайских, монгольских, тибетских и уйгурских названий, и их русские соответствия.

В словарь включены также пять приложений и картосхема Китая.

Подобный словарь издается в нашей стране впервые.

О XII съезде Компартии Китая

С 1 по 11 сентября 1982 г. в Пекине проходил XII съезд Коммунистической партии Китая. В его работе участвовало 1545 делегатов. Повестка дня съезда включала отчет Центрального комитета КПК, принятие нового устава КПК, доклад о работе центральной комиссии КПК по проверке дисциплины, а также выборы центральных руководящих органов КПК.

Съезд открыл заместитель председателя ЦК КПК Дэн Сяопин, выступивший с краткой вступительной речью. Он отметил, что нынешний съезд в истории КПК является наиболее важным форумом после VII съезда партии.

Дэн Сяопин сформулировал три основные задачи, «стоящие перед китайским народом в 80-е годы»: «интенсификация социалистической модернизации, борьба за объединение родины, включая возвращение Тайваня, борьба против гегемонизма, за сохранение мира во всем мире». Экономическое строительство, отметил он, лежит в основе всех трех названных задач, поскольку оно является «базой для решения внешних и внутренних проблем Китая».

С отчетным докладом Центрального комитета КПК на XII съезде выступил председатель ЦК КПК Ху Яобан.

В докладе охарактеризован период после разгрома «контрреволюционной группировки» Цзян Цин в октябре 1976 г., особенно за время после III пленума ЦК партии 11-го созыва (декабрь 1978 г.), как период «великого исторического перелома».

Докладчик отметил, что в этот переломный период были «разбиты тяжелые многолетние оковы догматизма и культа личности в области идеологии», положен конец «длительной социальной смуте», что «партийный и государственный руководящий состав всех ступеней был постепенно отрегулирован, упорядочен и усилен», а «центр тяжести работы партии и государства» перенесен на «осуществление социалистической модернизации», главным в которой Ху Яобан назвал экономическое строительство. В этот же период, сказал он, «стали устраняться левацкие ошибки в экономической работе».

Как заявил Ху Яобан, были приложены огромные усилия в строительстве модернизированной регулярной армии. «Пройденный нами путь, — продолжал докладчик, — отнюдь не из гладких, десятилетняя внутренняя смута нанесла партии и стране необычайно глубокие раны». «Влияние левацких ошибок периода культурной революции и предшествовавшего ей периода, — отметил он, — очень глубокое и широкое. Они нанесли весьма серьезный вред». Председатель ЦК КПК призвал «одновременно с углубленным разоблачением и критикой двух контрреволюционных группировок — Линь Бяо и Цзян Цин... полностью ликвидировать левацкие ошибки культурной революции и предшествовавшего ей периода».

ЦК КПК, говорится в докладе, «подверг анализу и критике многолетние левацкие ошибки», а также «ошибки, допущенные Мао Цзэдуном в последние годы жизни», восстановил «подлинный облик идей Мао Цзэдуна» и определил «место Мао Цзэдуна в истории».

Докладчик подчеркнул необходимость настойчивого претворения в жизнь курса на «урегулирование, преобразование, упорядочение и повышение» в период выполнения шестого пятилетнего плана (1981—1985), а в период выполнения седьмого пятилетнего плана (1986—1990) — проведения технической реконструкции предприятий в широких масшта-

бах и постепенного осуществления реорганизации системы хозяйственного управления.

В экономическом строительстве будет уделяться особое внимание некоторым «принципиальным вопросам», говорилось в докладе. Прежде всего имеется в виду сосредоточить средства на осуществлении ключевых проектов и улучшать экономические показатели в целях быстрейшего повышения национального дохода.

По оценке докладчика, развитие связей с заграницей и расширение технико-экономического обмена с зарубежными странами на основе равенства и взаимной выгоды представляют собой незыблемый стратегический курс Китая. Следует, отметил он, всемерно расширять торговлю с другими странами, как можно больше привлекать для нужд строительства тот иностранный капитал, который можно привлечь. Вместе с тем, Ху Яобан высказался за то, чтобы «остерегаться и пресекать тлетворное влияние буржуазной идеологии, выступать против всякого преклонения перед иностранщиной».

Говоря о перспективах развития экономики КНР в целом, председатель ЦК КПК заявил, что в ближайшие 20 лет страна приложит большие усилия к тому, чтобы увеличить годовое производство продукции промышленности и сельского хозяйства в четыре раза. «С достижением этой цели, — продолжал Ху Яобан, — Китай вступит в первые ряды стран мира по объему национального дохода и валовому производству главных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, все народное хозяйство в целом сделает в ходе модернизации огромный шаг вперед, в два раза, а то и больше поднимутся доходы городского и сельского населения, материальный и культурный уровень жизни нашего народа достигнет среднемирового уровня. К тому времени, несмотря на все еще довольно низкий у нас объем национального дохода на душу населения, экономическая и оборонная мощь страны намного возрастет по сравнению с нынешним уровнем».

Особое внимание докладчик уделил проекту новой конституции, содержащему много важных установок, выработанных «в процессе развития социалистической демократии со времени III пленума ЦК КПК».

По вопросу классовой борьбы указывается, что после ликвидации класса эксплуататоров как такового большинство противоречий в китайском обществе утратило классовый характер, поэтому классовая борьба перестала быть основным противоречием в общественной жизни. Провозглашение и осуществление принципа «классовая борьба — главное звено» признано ошибочным.

Касаясь проекта пересмотренного устава КПК, представленного на рассмотрение XII съезда партии, Ху Яобан заявил, что в него «внесено много кардинальных изменений», «устранены ошибки левого толка».

К членам партии и партийным кадрам новый устав предъявляет «более строгие идеологические, политические и организационные требования» по сравнению с предыдущими уставами КПК.

Ху Яобан отметил, что в проекте нового устава прямо и недвусмысленно говорится о том, что партия «запрещает культ личности во всех его формах». Проект содержит много новых положений относительно улучшения центральных и местных организаций, введения более строгой партийной дисциплины, укрепления органов партийного контроля и первичных партийных организаций.

По новому уставу, в КПК упраздняется пост председателя ЦК КПК, а будет «только генеральный секретарь, в обязанности которого входит созыв заседаний Политбюро и его Постоянного комитета и осуществление руководства деятельностью Секретариата». Предусматривается создание центральной и провинциальных комиссий советников. «В рамках, установленных уставом партии, партийными съездами на соответствующих уровнях избираются комиссии по проверке дисциплины».

Характеризуя нынешнее положение в КПК, Ху Яобан признал, что еще «не ликвидировано пагубное влияние внутренних бурных потрясений, продолжавшихся в течение десяти лет», что «в новых условиях несколько возросло тлетворное влияние идеологии эксплуататорского класса». Поставлена задача «исправления стиля работы партии», намечено укрепление руководящих органов, а также «перерегистрации всех членов партии», в результате которой «те, кто не будет удовлетворять требованиям членства в партии, будут исключены из партии, или их попросят выйти из нее».

Во внешнеполитическом разделе доклада председатель ЦК КПК заявил, что «Китай будет придерживаться независимого внешнеполитического курса». Он не исключил возможности того, что «китайско-советские отношения смогут пойти в сторону нормализации».

Значительное место уделено в докладе обоснованию тезиса о том, что Китай «не стремится к гегемонии» в своей международной политике, что он привержен обеспечению и защите мира во всем мире.

В докладе выражена надежда на дальнейшее развитие китайско-японских и китайско-американских отношений. Выражается беспокойство по поводу попыток некоторых сил в Японии возродить японский милитаризм. Отмечается, что отношения с США «омрачаются» американской политикой подхода к Тайваню «как к независимому государственному образованию».

В докладе подчеркивается «общность судьбы» Китая со странами «третьего мира», декларируется готовность вести совместно с этими странами «решительную борьбу против империализма, гегемонизма и колониализма».

10 сентября на пленарном заседании, проходившем под председательством Ху Яобана, были приняты постановление по отчетному докладу ЦК КПК и постановление об утверждении нового устава КПК.

В постановлении по отчетному докладу съезд признал «линию, курс и политические установки, разработанные Центральным комитетом со времени III пленума ЦК, правильными». Как указал съезд, программа и ряд политических установок, «нацеленных на создание новой обстановки на всех фронтах социалистической модернизации», должны лечь в основу всей дальнейшей работы партии.

Новый устав, вступающий в силу со дня его принятия, как указывается в постановлении по уставу, зафиксировал, в частности, изменения в структуре центральных органов и местных организаций КПК.

В программном разделе нового устава указывается, что «в своих действиях партия руководствуется марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна».

На пленарном заседании съезда 10 сентября состоялись выборы членов ЦК КПК и центральной комиссии советников. Было избрано 210 членов ЦК КПК и 172 члена центральной комиссии советников. 11 сентября XII съезд КПК завершил работу. На последнем заседании съезда была принята резолюция по докладу о работе центральной комиссии по проверке дисциплины, а также избраны 138 кандидатов в члены ЦК КПК и 132 члена центральной комиссии по проверке дисциплины. 12 сентября состоялся I пленум ЦК КПК 12-го созыва, который избрал Политбюро ЦК КПК в составе 25 членов и 3 кандидатов, Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, в состав которого вошли Ху Яобан, Е. Цзяньин, Дэн Сяопин, Чжао Цзыян, Ли Сяньнянь, Чэнь Юнь. Генеральным секретарем ЦК КПК избран Ху Яобан. Сформирован Секретариат ЦК КПК. Председателем военного совета ЦК КПК назначен Дэн Сяопин.

Планы США в Азии в 80-е годы

Группа видных американских политологов — специалистов по азиатским проблемам, в которую входили директор исследовательской программы по вопросам международной безопасности Р. Соломон, бывший командующий войсками США в районе Тихого океана адмирал Н. Гейлер, бывший американский посол в Южной Корее, ныне консультант по азиатским вопросам Колумбийском университете Р. Снайдер, специалист по вопросам азиатской политики корпорации «Рэнд» П. Лангер, а также ряд других, предприняли попытку проанализировать развитие международной обстановки в Азии в 80-е годы и определить политику США, Японии и Китая на Азиатском континенте. Результатом этих исследований явилась книга «Азиатская безопасность в 80-е годы. Проблемы и политика в переходный период» под общей редакцией Р. Соломона*.

Данная работа претендует на то, чтобы дать всесторонний анализ военно-стратегических, экономических, политических и иных факторов и показать их воздействие на азиатскую политику Вашингтона в текущем десятилетии. Апологеты империалистических интересов Соединенных Штатов пытаются доказать, что в 80-е годы они столкнутся на Азиатском континенте с серьезными проблемами в результате «глобального советского вызова» (с. 4), на который Америка, ее союзники и друзья должны эффективно реагировать.

Авторы книги признают, что поражение США в Индокитае, дальнейшее укрепление прогрессивных сил в Азии, выразившееся прежде всего в образовании единого социалистического Вьетнама, победе народных революций в Кампучии и Лаосе, победе Апрельской революции в Афганистане, крахе шахского режима в Иране, поставили под серьезную угрозу интересы

американского империализма в Азиатском регионе. Отсюда вывод — в 80-е годы Вашингтону следует укрепить свои позиции в Азии, обратив самое пристальное внимание на отношения с Китаем, Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН, ибо, по мнению авторов исследования, от характера взаимоотношений США с этими государствами в значительной степени будет зависеть успех или неудача азиатской политики Вашингтона.

Авторы книги не скрывают своей озабоченности по поводу вероятного изменения ситуации в Азии в результате возможного «смягчения напряженности между Москвой и Пекином» (с. 10). Это как раз то, чего больше всего боятся американские стратеги, наиболее реакционные круги правящего класса США.

Переходя к оценке роли японского фактора в азиатской политике США в текущем десятилетии, авторы указывают на необходимость более активной роли Японии в азиатских делах, призывают ее «увеличить вклад в обеспечение совместной безопасности» (с. 88). Усиление роли Токно в Азии мыслится американскими исследователями в результате дальнейшей консолидации японо-американского союза. П. Лангер считает, что «мы (американцы. — В. О.) ожидаем укрепления самообороны Японии, больших усилий японцев в отношении более эффективного сотрудничества с США» (с. 88). В работе подробно обосновывается тезис о необходимости перевооружения Японии и превращения ее в мощную военную державу. В главе «Взгляд в будущее» П. Лангер пишет: «Даже если японцы будут вкладывать в оборону не более одного процента валового национального продукта, то к концу 80-х годов они будут обладать современной военной мощью и превратят страну в одну из сильных в военном отношении держав мира» (с. 88). Эти прогнозы подтверждаются современным состоянием военных возможностей Японии. Завершена разработка новой программы модернизации и увеличения «сил самообороны» на 1983—1987 гг. По словам началь-

* Richard H. Solomon (ed.). *Asian Security in 1980's. Problems and Policies for a Time of Transition*. Cambridge, Massachusetts, 1980, 324 p.

ника Управления национальной обороны С. Ито, приоритет в военном деле будет отдан повышению мощи военно-морских и военно-воздушных сил. Новая программа обойдется в 16,4 триллиона иен.

Соединенные Штаты оказывают постоянный нажим на правящие круги Японии, стремясь переложить на нее значительную долю военных обязательств в Азиатском регионе. Как писал профессор Токийского технологического института И. Нагаи, усилия США заставить Японию увеличить военный бюджет направлены на то, чтобы, во-первых, Япония стала представлять военную угрозу для Советского Союза; во-вторых, чтобы она еще более широко открыла свой рынок для американского оружия и, в-третьих, чтобы уменьшить конкурентоспособность японских товаров¹.

Вывод японского профессора переключается со взглядами авторов рецензируемой книги. П. Лангер в этой связи пишет: «Расширение и модернизация оборонной программы Японии неизбежно приведет к расширению периметра передней обороны» (с. 88). Как известно, уже в ходе майской (1981 г.) встречи Рейгана и Судзуки достигнута договоренность о том, что Япония берет на себя патрулирование обширной зоны Тихого океана западнее острова Гуам и севернее Филиппин. А в январе 1982 г. на заседании японо-американской консультативной комиссии по «договору безопасности» решено изучить возможные совместные действия в случае «чрезвычайных обстоятельств» на Дальнем Востоке. Тем не менее США не удовлетворены темпами вовлечения Токио в сферу военных обязательств в Азии и на Тихом океане. Американский посол Мэнсфилд бесцеремонно требует: «Японцам следует, японцы могут и японцы будут делать больше...»².

Рассмотрение вопроса об усилении военно-политической роли Японии в азиатских делах увязывается авторами с военным присутствием США на континенте, повышением эффективности японо-американского «договора безопасности». Адмирал Н. Гейлер отмечает: «Самым главным средством в обеспечении региональной безопасности является контроль над морскими и воздушными линиями коммуникаций» (с. 65). Осуществление такого контроля адмирал предлагает продолжать с американских военно-морских и военно-воздушных баз, находящихся в Японии, Южной Корее, на Филиппинах. А ведь известно, что только на японской территории расположено более 140 военных баз США, находится 46 тыс. американских военнослужащих³. Расширение рамок военного сотрудничества Вашингтона и Токио ведет к превращению Японии в прямого соучастника американских авантур в Азии. П. Лангер недвусмысленно подчеркивает, что в 80-е годы «мы ожидаем... более эффектив-

ного сотрудничества японцев с Соединенными Штатами» (с. 88).

Значительное место в рецензируемой работе занимает рассмотрение проблем региональной безопасности с точки зрения интересов Соединенных Штатов Америки в Азии. Во второй части книги, озаглавленной «Региональные конфликты и перспективы обеспечения безопасности», особо выделено положение на Корейском полуострове. Японский ученый Т. Кубо и бывший посол США в Сеуле Р. Снайдер практически отвергают возможность мирного решения корейской проблемы в интересах населения Севера и Юга Кореи. Авторы, например, утверждают, что в период 80-х годов «продолжающаяся военная конфронтация между Северной и Южной Кореей не прекратится» (с. 12), то есть уже заранее предрекается неразрешимость корейского вопроса. А если так, то нужны соответствующие меры по поддержанию статус-кво на полуострове. Гарантом мира в регионе, считает Т. Кубо, должна служить «система безопасности», образуемая США, Японией, Южной Кореей (с. 99).

Рассматривая военно-стратегическое положение Южной Кореи, японский профессор пытается обосновать тезис о необходимости совместной поддержки со стороны США и Японии проимпериалистического режима в Сеуле. Точка зрения Т. Кубо в отношении Южной Кореи идентична мнению Г. Киссинджера, который еще в 70-е годы заявлял, что «стабильность и безопасность Южной Кореи имеет решающее значение для безопасности в Восточноазиатском регионе»⁴. В этой связи Р. Снайдер делает вывод: «Военное присутствие США в Северо-Восточной Азии (включая юг Корейского полуострова. — В. О.) остается жизненно важным» (с. 286) и требует усиления американского вмешательства в корейские дела. Уже сейчас Соединенные Штаты имеют в Южной Корее около 40 военных баз и держат там почти 40 тыс. военнослужащих. На вооружении американской армии в Южной Корее находится ядерное оружие (более 700 ядерных зарядов)⁵. Ежегодно на территории Юга проводятся совместные маневры, действует объединенное американо-сеульское командование.

В работе утверждается, что планы Дж. Картера осуществить частичный вывод американских войск из Южной Кореи, которые, как известно, остались на бумаге, явились непродуманным шагом. По мнению Р. Снайдера, реализация этих планов нарушила бы военное равновесие в Корее и что более важно, «подорвала бы веру азиатских стран в способность США обеспечить их безопасность» (с. 132).

Администрация Рейгана прекратила всякие разговоры о выводе своих войск с юга Корейского полуострова и приняла меры по дальнейшему укреплению сеульского антинародного режима. В ходе визита Чон Ду Хвана в Вашингтон в феврале 1981 г. пре-

¹ См.: «Асахи», 17.XI.1981.

² «US News and World Report», 16.XI.1981, p. 44.

³ «Международная жизнь», 1977, № 10, с. 76.

⁴ «New York Times», 20.VIII.1974.

⁵ См.: «Нодон снимун», 20.III.1981.

президент США заверил его в том, что Соединенные Штаты не планируют выводить свои сухопутные войска с Корейского полуострова, и подтвердил, что США предоставят Сеулу новое вооружение и технологию для развития военной промышленности⁶. Используя изрядно потрепанный тезис об «угрозе с Севера», Соединенные Штаты всячески поощряют милитаристские амбиции Сеула и поддерживают, таким образом, очаг напряженности в Корее.

Исследуя позицию Японии по корейской проблеме, авторы подчеркивают исключительную роль Токио для существования южнокорейского режима. При этом указывается по крайней мере на три обстоятельства: во-первых, важность Японии для поддержки американских войск, расквартированных в Южной Корее; во-вторых, большие возможности Японии в целях обеспечения тыловой поддержки южнокорейским силам в случае военного конфликта на полуострове; в-третьих, японская экономическая помощь Сеулу как одна из гарантий безопасности Южной Кореи (с. 132). Одновременно подчеркивается, что Южная Корея жизненно необходима и для безопасности самой Японии.

«Особую важность для нас — отмечал японский премьер Судзуки, — представляют отношения с Южной Кореей, находящейся в непосредственной близости от Японии». Если военно-политические аспекты этих отношений весьма подробно изложены в рецензируемой книге, то экономические проблемы не нашли в ней достаточно полного освещения. А ведь они — один из важнейших элементов корейской политики. Японский капитал глубоко внедрился в экономику Южной Кореи. Только японские частные кредиты в 1980 г. составили почти 30% (393,2 млн. долл.) от всех коммерческих займов, полученных Сеулом из-за рубежа⁷. Сейчас идут интенсивные переговоры о предоставлении Югу новых японских субсидий. Южнокорейская администрация требует ни много ни мало

6 млрд. долл. С учетом того, что Юг тратит на военные цели 6% валового национального продукта, вполне очевидно, куда хочет направить сеульский режим настойчиво запрашиваемые у Токио средства. Вместе с тем Южная Корея, как подчеркивают авторы рецензируемой книги, будет укрепляться в военном и экономическом отношении не только за счет Вашингтона и Токио, но и благодаря собственным усилиям. Р. Снайдер уверен, что в течение 80-х годов южные корейцы значительно укрепят свою боевую мощь (с. 127). Однако уже сейчас Сеул представляет серьезную военную силу. Его армия является одной из самых крупных в Азии. Общая численность вооруженных сил — 635 тыс. человек, в том числе сухопутные силы — 560 тыс. человек, ВМС — 25 тыс. человек (7 эсминцев), ВВС — 30 тыс. человек (335 боевых самолетов), свыше 1 млн. резервистов⁸. Авторы считают, что Сеул способен освоить производство ядерного оружия. Вывод бывшего американского посла достаточно лаконичен: «В текущем десятилетии мы будем наблюдать, как Юг достигнет военного превосходства над Севером» (с. 128).

Подводя итог рассмотрению наиболее важных проблем в рецензируемой работе, следует отметить, что ее авторы с позиций антикоммунизма, реакционной буржуазной политической мысли стремились показать возможные пути развития ситуации в Азии в 80-е годы. При анализе азиатской политики Вашингтона они исходят прежде всего из необходимости «теоретического» обоснования агрессивного внешнеполитического курса США и их союзников, направленного на то, чтобы не допустить размытия позиций империализма в Азии, укрепления прогрессивных тенденций на континенте. А такая политика не учитывает современные реалии, противоречит объективным процессам социально-экономического развития в Азии и во всем мире и, естественно, обречена на провал.

В. И. Осич

⁸ In: Asia 1978 Yearbook. "Far Eastern Economic Review", p. 40.

⁶ In: "Korea Gerald", 4.II.1981.

⁷ In: "Korea Annual 1981". Seoul, 1981, 1164.

Япония и Африка: экономический империализм

В начале 80-х годов стало очевидным, что для Японии в основном потеряли значение те преимущества, которые обуславливали ее быстрое экономическое развитие в первые послевоенные десятилетия: дешёвая рабочая сила, относительно низкая стоимость привозного сырья и топлива, до-

ступность по цене зарубежной технологии, ставка на новые виды продукции, имеющие спрос на мировых рынках.

Обострение классовой борьбы, приведшее к повышению заработной платы до уровня западноевропейских стран, резкий рост цен на нефть, руды и другое импорт-

ное сырье — все это болезненно сказалось на развитии экономики и внешней торговли Японии.

Зависимость японской экономики от внешних факторов, особенно проявившаяся в результате «нефтяных шоков» 70-х годов, вынудила Японию взять курс на преимущественное развитие наукоемких производств при сдерживании энерго- и материалоемких, а также на вывод производственных мощностей (в первую очередь потребляющих много энергии и сильно загрязняющих окружающую среду) за пределы страны, чтобы более надежно обеспечивать свои потребности в сырье, использовать дешевую рабочую силу и по возможности избежать таможенных барьеров. При этом отчетливо проявилась тенденция к диверсификации зарубежных инвестиций. Кризисные потрясения 70-х годов показали, сколь рискованно делать ставку на единственную карту.

В этой ситуации взоры японских монополий обратились, в частности, к Африке. Взаимоотношениям Японии со странами этого континента и посвящена книга И. В. Волковой «Япония и Африка»*. За исключением отдельных статей, вопросы, касающиеся проникновения Японии в Африку, не рассматривались широко в советской научной литературе. Поэтому рецензируемая работа, в которой основное внимание автор сосредоточил на изучении различных аспектов внешнеполитической стратегии и экономической экспансии японского империализма на Африканском континенте, представляет немалый интерес.

В настоящее время доля африканских стран в мировой добыче 10 из 16 важнейших металлов и неметаллических минералов колеблется в пределах от 22 до 95%. Африка занимает первое место по запасам золота, хромитов, марганцевых и других руд в несоциалистическом мире. Она стала в нем третьим по значению нефтедобывающим районом. Все это, в сочетании с огромными ресурсами дешевой рабочей силы, несовоенностью внутреннего рынка, как отмечает автор, «способствует возрастанию роли Африки в производственном потенциале мирового капитализма» (с. 3). Это учитывают японские монополии, которые все решительнее вступают в конкурентную борьбу с Англией и Францией, а также с США и ФРГ — за источники сырья и рынки сбыта.

И. В. Волкова выделяет три основные задачи, которые призвана решать внешнеполитическая стратегия Японии: «обеспечить стабильные сферы приложения капиталов и источники снабжения сырьем и топливом, изыскать возможности компенсации импорта экспортом готовых изделий, использовать наличие за пределами страны дешевой рабочей силы» (с. 7).

Решение этих задач правящие круги Японии стремятся найти на путях «многосторонней», или «многоплановой», дипломатии, суть которой — установление сбалан-

сированных отношений в области экономики, торговли и культуры с промышленно развитыми капиталистическими странами, развивающимися и социалистическими государствами.

Повышение роли развивающихся стран в международных связях Японии автор считает одним из важнейших направлений курса «многосторонней дипломатии». «В 1977 г. на эти страны приходилось 65,8% японского импорта сырья, топлива и полуфабрикатов, в том числе 84,6% нефти и прочих видов минерального топлива, 42% промышленного сырья, 46,2% металла, 49,6% текстильных полуфабрикатов. В будущем эта зависимость вырастет еще больше, ибо обеспечение сырьем является одним из ключевых проблем дальнейшего экономического развития Японии», — обоснованно делает вывод И. В. Волкова (с. 8).

Инструментом политических маневров Японии на Африканском континенте служит «экономическая дипломатия», или дипломатия «экономического сотрудничества», отвечающая главной стратегической задаче империализма: удерживать освободившееся государство в рамках капиталистической системы, помешать их переходу на некапиталистический путь развития. Для этого используются как государственная «помощь» так и частные инвестиции. Помощь освободившимся государствам становится одним из важнейших «приоритетов японской экономической дипломатии» и рассматривается японскими идеологами как единственная возможность «противостоять опасности экономического наступления социалистического стран» (с. 10—11).

Конкретное исследование курса Токио в отношении африканских стран автор предваряет анализом теоретических основ японской политики в отношении развивающихся стран вообще. Такой подход к раскрытию темы позволяет лучше понять ее околонималистскую сущность внешнеэкономической стратегии правящих кругов Токио зачастую скрытую за словесным туманом рассуждений о «помощи» и «равноправном сотрудничестве».

Труды Мориносуке Кадзима, Киёси Кэжима, Тэрутомо Одзава, Сабуро Окаки, Акира Ониси, Масао Маруяма и других видных буржуазных ученых и политиков нередко тесно связанных с монополистическим капиталом, при всем многообразии их подходов к рассмотрению отдельных проблем объединяет стремление к защите общих стратегических интересов империализма в развивающихся странах и заботу о первоочередном обеспечении интересов японского империализма.

Укрепление экономической мощи Японии, стремление выйти на международную арену в качестве самостоятельной политической силы привели к возрождению националистических тенденций в политике правящих кругов. Идеологической основой этих устремлений служат разработанные японской буржуазной наукой теории «экономического развития, обосновывающие «любовь к власти», которая, как утверждает

* И. В. Волкова. Япония и Африка (политические и экономические отношения). М., «Мысль», 1981, 218 с.

вестный историк и социолог Кэнтаро Хаяси, якобы «особенно проливается в международных отношениях» (с. 15).

Попытки Японии утвердиться в качестве ведущей мировой державы начались с дальневосточного региона в виде планов создания «азиатско-тихоокеанского сообщества», возрождающих старый лозунг «пан-азиатизма» во главе с Японией. Однако в связи с возрастанием роли Африканского континента во внешней политике Японии еще в начале минувшего десятилетия японская пресса провозглашает новый лозунг: «Из азиатской эры в 60-х годах в азиатско-африканскую эру в 70-х годах»¹. И японские монополи, как показывает И. В. Волкова, не заставили себя ждать.

Для обоснования их экспансии буржуазным идеологам приходится обновлять прежние теоретические установки. «Япония, — утверждает автор японского историка Хидэо Ута, — заново формируя африканскую политику, должна выдвинуть оригинальную теорию «третьего мира», которая отвечает бы переменам в современной международной обстановке» (с. 16).

Разглагольствуя о «свободе выбора» путей экономического развития, японские теоретики одновременно настойчиво пропагандируют тезис об «особой миссии» Японии, которую она призвана выполнять в современном мире в связи с «необыкновенными качествами» нации, совершившей позитивный скачок в экономике. Тем самым идеализируется капиталистический строй, особенно его «японский вариант», как образец для развивающихся стран. «Оригинальность» японских теорий развития «третьего мира» — и это становится очевидным при их ближайшем рассмотрении — сводится прежде всего к явно расистскому акцентированию принадлежности японца к «небелым нациям», что якобы обуславливает необходимость совместной борьбы против «капитала белых». «Особая миссия» Японии как посредника между странами Азии и Африки и США и Западной Европы — также излюбленная тема пропаганды Токио, хотя эту роль никто Японии не поручал. И. В. Волкова убедительно показывает несостоятельность рассуждений японских экономистов об «общности идеалов» и путей экономического развития, как «в действительности индустриализация Японии в отличие от африканских стран базировалась в основном на внутренних капитальных ресурсах, а доля иностранных инвестиций была невелика, что позволяло сохранять независимость в развитии японской экономики. К тому же Япония могла использовать рынки слаборазвитых стран, чего лишены освободившиеся страны» (с. 21).

Заметим, что было бы весьма полезно подвергнуть обстоятельному критическому анализу с марксистско-ленинских позиций другие упоминаемые в книге разного рода теории и модели апологетов японского империализма, не ограничиваясь их кратким изложением.

¹ "Japan Press", 14.II.1970.

Помимо чисто экономических аспектов, развитие отношений со странами Африки Япония стремится использовать для укрепления своего политического веса в ООН и других международных организациях. Африка все активнее включается в жизнь международного сообщества, становится все более важным фактором воздействия на международную обстановку в целом. Это отчетливо проявляется, в частности, в ООН, где исход голосования зависит во многом от позиции афро-азиатских стран, к которым все чаще присоединяются и латиноамериканские государства. Именно поэтому еще в 1974 г. на совещании японских послов в африканских странах было принято решение уделять более пристальное внимание укреплению не только экономических, но и политических связей с африканскими государствами.

Задачи, стоящие перед Японией в Африке, действительно требуют выработки независимого курса, соответствующего доктрине «самоутверждающейся дипломатии», которая предполагает отход от безусловной поддержки американской внешней политики, следование в русле которой в ряде случаев подрывает собственные интересы Токио в развивающихся странах. Анализируя результаты своего прежнего курса на Ближнем Востоке, вызвавшего временное прекращение поставок нефти арабскими странами в Японию, правительство решило не допускать подобных «политических неудач» в отношениях с африканскими странами, имеющими богатые природные ресурсы. При каждом удобном случае делались широко-вещательные заявления об «искреннем сочувствии Японии борьбе африканских народов за независимость и экономическое развитие» и готовности «помочь этим усилиям» (с. 32). Убедительные примеры, приведенные И. В. Волковой (с. 32—36), показывают непоследовательность подобных деклараций правящих кругов Токио.

При выработке политики в Африке «японский империализм» учел опыт своей послевоенной экспансии в азиатских странах, где приобрел славу «экономического агрессора». Взрыв антияпонских настроений в ЮВА... дал толчок выработке более глубокого курса в тех регионах, где репутация Японии еще не так испорчена» (с. 40). И все же, считает автор, дальнейшее проникновение Японии на континент неизбежно вызовет усиление антияпонских настроений среди различных слоев населения Африки. Это обусловлено колониальной структурой торговли, малым объемом и «связанным» характером «помощи», нежеланием монополий вкладывать капиталы в некоторые важные для африканских государств отрасли хозяйства, а также солидарностью Японии с позицией Запада в принципиальных вопросах о перспективах развития Африки.

Экспансия японского империализма в Африке вызывает ужесточение конкуренции других ведущих империалистических государств. «как бывших метрополий — Англии, Франции, Бельгии, Португалии, — которые глубоко проникли в экономику

африканских стран, так и США и ФРГ, появившихся на континенте сравнительно недавно, но обладающих более устойчивой по сравнению с Японией финансовой базой для развертывания экспансии» (с. 43—44). Япония пытается, и, как явствует из монографии, довольно успешно, ослабить «тиски» конкуренции, используя принцип коллективного неокOLONIALИЗМА, заключающегося в создании в странах континента совместных с западноевропейским и американским капиталом предприятий. Одновременно японские монополии при поддержке правительства стремятся усилить экспансию на континенте путем увеличения капиталовложений в свои филиалы в западных странах. В результате Япония использует тесные экономические связи членов ЭЭС с африканскими странами для расширения своего проникновения, а страны Западной Европы укрепляют собственное влияние с помощью японского капитала.

Специалистов-востоковедов, несомненно, заинтересует детально рассмотренная в монографии региональная политика Японии в Африке (особое внимание уделено странам Северной Африки — в 1977 г. они получили «62 % всей финансовой и технической «помощи», предоставленной Японией континенту») (с. 70). Достаточно полно исследованы особенности внешнеторговых связей с африканскими странами, из которых наиболее характерны высокие темпы роста товарооборота, хронический дефицит Африки во взаимной торговле и ее типично колониальная структура. Подробный анализ форм и динамики экспорта японского частного капитала в Африку (с. 125—150) убедительно демонстрирует наступательную тактику монополий Японии в 70-х годах, осуществляемую «путем создания многочисленных смешанных предприятий и увеличения экспортных кредитов» (с. 152). Несомненным достоинством этого раздела является обилие фактического материала, подкрепляющего теоретические выкладки автора.

Вполне обоснованным представляется

выделение в отдельную главу анализа отношений Японии с ЮАР, особенно ярко демонстрирующих фальшь и двойственность африканского курса Токио. «Суть этой двойственности, — замечает автор, — заключается в том, что японские монополии продолжают активно торговать с ЮАР, в то время как правительство в своей официальной политике придерживается позиции осуждения расизма во всех его проявлениях и поддержки национально-освободительного движения на Юге Африки» (с. 78).

Заканчивает свою работу И. В. Волкова рассмотрением политики «экономического сотрудничества» Японии со странами Африки. Автору удалось достаточно полно раскрыть сущность программы «экономического сотрудничества», направленной «не столько на установление усиленно декларируемого равноправия в экономических отношениях с освободившимися странами континента, сколько на дальнейшее закрепление японских позиций в их экономике» (с. 155). Почти вся государственная «помощь» в виде займов и кредитов идет на развитие инфраструктуры, «способствуя тем самым более интенсивной экспансии частных капиталов и расширению вывоза африканского сырья в Японию» (с. 160).

Знакомство с книгой И. В. Волковой дает четкое представление о современной внешнеполитической и экономической стратегии Японии в Африке. Автор убедительно разоблачает фальшивость пропагандируемого Токио «бескорыстия» в отношении освободившихся стран Африки, на конкретных примерах показывает, что в основе африканского курса Японии лежит «спровождение прежней неокOLONIALИСТСКОЙ политики новыми, более гибкими методами в более замаскированной форме» (с. 188). Подводя итоги исследования, И. В. Волкова делает обоснованный вывод, что «...Япония остается врагом борьбы африканских народов за подлинное политическое и экономическое освобождение от империалистической эксплуатации» (с. 190).

Ю. Е. Бугаев

Эволюция японского милитаризма

Вышел в свет очередной, третий, ежегодник японского научно-исследовательского Института проблем мира и безопасности «Азиатская безопасность, 1981»*. В нем наряду с другими вопросами большое мес-

* Asian Security, 1981. Published by Research Institute for Peace and Security (RIPS). Printed by Nikkei Business Publishing Co. Ltd., Tokyo, 1981, 214 p.

то уделяется военному строительству! Японии, правящие круги которой стремятся в последнее время рассматривать военную силу как одно из важных средств достижения внешнеполитических целей. О возрастающем значении военных аспектов во внутренней и внешней политике Японии можно судить хотя бы по тому факту, что в ежегоднике военные вопросы занимают в четыре раза больше места, чем

в аналогичном выпуске 1979 г., и почти вдвое больше по сравнению с 1980 г.

Рассмотрение военных проблем в сборнике начинается с исторического обзора возникновения и развития вооруженных сил Японии, которые до сих пор маскируются под названием «силы самообороны», хотя оно уже давно утратило свой первоначальный смысл, поскольку по своему характеру, боевому оснащению и задачам так называемые «силы самообороны» соответствуют теперь современной кадровой армии, функции которой далеко выходят за чисто оборонительные рамки. Подробно излагается эволюция военной политики Японии, отношение оппозиционных партий к японской армии и договору о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности («договор безопасности») с США, подписанному в 1960 г. сроком на 10 лет (с 1970 г. договор ежегодно автоматически продлевается).

Концептуальный фундамент военного строительства Японии составляют принятый 29 мая 1957 г. «Основной курс национальной обороны» (Кокубо-но кихон хосин), являвшийся прообразом японской военной доктрины, и утвержденная 29 октября 1976 г. «Общая программа национальной обороны» (Боэй кэйкаку-но тайко), которая аккумулировала в себе основные черты японских военно-политических концепций. Их суть до конца 70-х годов состояла в «ограниченном вооружении оборонительного характера» при постоянном укреплении и дальнейшем развитии военного союза с США.

В последние годы военно-политическое руководство Вашингтона настойчиво и решительно требует от Японии наращивания военного потенциала и значительного увеличения военных ассигнований до уровня стран НАТО. В Пентагоне укоренилось мнение о неизмеримо малых военных затратах Японии по сравнению с ее экономической мощью, поэтому-де, считают на Пентомаке, она играет роль «безбилетного пассажира» американской системы безопасности (с. 152).

Начало требованиям США об увеличении японской военной мощи было положено при администрации Дж. Картера. Американский министр обороны Г. Браун высказал их в январе 1980 г. премьер-министру Японии Масаси Охира. В марте и мае того же года Вашингтон потребовал от Токио сократить на один год срок выполнения пятилетнего плана укрепления и развития «сил самообороны» на 1980—1984 гг. с целью доведения военных ассигнований Японии до стоимости 1% валового национального продукта (с. 153).

То, что Токио в 1981 г. увеличил военные ассигнования лишь на 7,6%, а не на 11,9%, как ожидали в Вашингтоне, по признанию составителей ежегодника, сильно разочаровало Пентагон. Давление на Японию при администрации Р. Рейгана стало еще более жестким. На встрече в верхах в мае 1981 г., и особенно на очередном заседании японо-американского совета по выполнению «договора безопасности», представители Пентагона потребовали от своих

японских коллег пересмотреть военную программу Японии в связи с тем, что она якобы составлена сугубо для мирного времени без учета последних изменений международной обстановки¹.

Составители ежегодника «Азиатская безопасность, 1981» много внимания уделяют развернувшимся в стране дебатам по проблеме обороны. Они пытаются навязать читателям своеобразное антинаучное толкование «военного потенциала». В их трактовке «силы самообороны» не могут быть отнесены к военному потенциалу, поскольку они не «оснащены вооружением, предназначенным исключительно для разрушения иностранной территории», таким, как ракеты средней и промежуточной дальности, межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), атомные подводные лодки, авианосцы, дальние бомбардировщики и истребители-бомбардировщики (с. 156).

В то же время они считают, что японская конституция разрешает стране обладать ядерным тактическим оружием, а также химическими и бактериологическими средствами ведения войны, в связи с тем что это вооружение, по их мнению, не относится к категории военного потенциала, а предназначено лишь для целей самообороны. В качестве аргумента приводится заявление премьер-министра Такэо Фукуда, сделанное им в марте 1978 г., о том, что «Япония может обладать любым видом вооружения, соответствующего минимуму целей самообороны, даже если оно будет ядерным или бактериологическим» (с. 156).

Что касается «минимума», необходимого для обороны, то японские политологи дают этому понятию весьма широкую интерпретацию. Лимиты оборонительных возможностей Японии, по их суждению, весьма относительны, они могут изменяться в зависимости от международного положения, уровня военной технологии и других факторов. Такое произвольное толкование военного потенциала и рамок самообороны позволяет японским военно-политическим кругам ловко обходить запреты, накладываемые 9-й статьей конституции, и оснащать свою армию всеми видами современного вооружения, в том числе и наступательного.

В книге прослеживается динамика роста японской армии в ходе реализации четырех программ укрепления и развития «сил самообороны», так называемых планов обороны, первый из которых был разработан в 1957 г. Основная цель этого плана заключалась в развертывании сухопутных войск Японии с целью восполнить вакуум, образовавшийся здесь в связи с выводом наземных сил США, и в формировании костяка военно-морских и военно-воздушных сил. Основное вооружение для развертываемой японской армии поставилось в то время из США. К моменту завершения первого плана в 1961 г. сухопутные войска насчитывали уже 170 тыс. человек, водоизмещение кораблей военно-морского флота составило 112 тыс. т, авиация получила 1113 самолетов.

¹ In: "Japan Times", June 17, 1981.

Целью второго плана обороны, охватывавшего период с 1962 по 1966 г., было создание вооруженных сил, способных противостоять небольшой по масштабам внешней агрессии при обеспечении Японии «ядерным зонтиком» в рамках японо-американской системы безопасности. В соответствии с планом были развернуты первые в Японии подразделения зенитных ракет «хок» и «найк», завершено строительство системы противовоздушной обороны «Бэйдж» (с. 159).

В ноябре 1966 г. был принят третий план обороны на 1967—1971 гг., на реализацию которого ассигновывалась огромная сумма — 2340 млрд. иен. План нацеливался на оснащение «сил самообороны» отечественным вооружением, производство которого достигло уровня, обеспечивающего 90 % потребностей армии. После завершения четвертого плана обороны (1972—1976) УНО отказалось от пятилетних программ и перешло к составлению ежегодных планов. Авторы поясняют, что одной из причин изменения в планировании был лавинообразный рост военных расходов: из-за больших сумм военного бюджета на пятилетний период УНО испытывало трудности в получении нужных ассигнований от правительства. Как свидетельствует японская статистика, военные расходы удваивались через каждые пять лет, а военный бюджет лишь одного 1981 финансового года превысил общую сумму третьего плана обороны, составив 2399,6 млрд. иен².

В 1977—1979 гг. строительство «сил самообороны» осуществлялось на основе ежегодных планов. Однако такое планирование не устраивало военно-промышленные круги: отсутствие перспективы затрудняло распределение военных заказов в промышленности. По настоянию комитета оборонного производства Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) УНО с 1980 г. вновь возвратилось к пятилетнему планированию военного строительства³.

По состоянию на март 1981 г. «силы самообороны» насчитывали около 250 тыс. человек и имели в своем составе 13 дивизий, в том числе одну бронетанковую. Вооружение «сил самообороны» включало: танков — 850, бронетранспортеров — 540, полевых орудий — 890, минометов — 1860, безоткатных орудий — 1470, ракетометов — 70, самолетов связи, транспортных и разведывательных — 350 (сухопутные войска); эсминцев — 48, подводных лодок — 14, минных тральщиков — 40, десантных кораблей — 8, противолодочных самолетов и вертолетов — 250 (военно-морской флот); истребителей-перехватчиков — 333, истребителей поддержки — 70, разведыва-

тельных самолетов — 10, транспортных самолетов — 40 (военно-воздушные силы) (с. 162)⁴.

В июле 1979 г. был разработан пятилетний план укрепления и развития «сил самообороны» на 1980—1984 гг. (чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, УНО назвало его «среднесрочной сметой», которая, являясь внутренним документом, не подлежит утверждению Советом национальной обороны). План излагает программу модернизации японских вооруженных сил, в первую очередь военно-морского флота и противовоздушной обороны. Им предусмотрено израсходовать 2800 млрд. иен на закупку нового вооружения, в том числе: танков М-74 — 300, 203- и 155-мм самоходных гаубиц — 140, противолодочных эсминцев — 16 (к 1981 г. их число составит 58, из них 35 будут ракетными), дизельных подводных лодок — 5, противолодочных патрульных самолетов — 37, истребителей-перехватчиков Ф-15 — 77, истребителей непосредственной поддержки — 13.

Чтобы обосновать наращивание боевой мощи японской армии, авторы доклада пытаются доказать, что «силы самообороны» еще не отвечают стоящим перед ними задачам. Большой раздел в книге посвящен показу слабых сторон в системе командования, организационной структуре и вооружении «сил самообороны». Авторы сборника, выступая в поддержку тех, кто ратует за повышение статуса «сил самообороны», отмечают, что вооруженные силы Японии до сих пор не имеют своего министерства обороны, являясь всего лишь структурным подразделением канцелярии премьер-министра, не представляет самостоятельной организации. Ранг начальника УНО значительно ниже министра, в результате чего все важные заявления по военным проблемам делаются обычно не УНО, а министерством иностранных дел.

В сборнике акцентируется внимание на чрезмерном гражданском контроле над «силами самообороны», делается попытка показать, что это снижает роль военного командования. Указывается, например, что начальники штабов видов вооруженных сил, которые одновременно являются их командующими, и председатель Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) подчинены гражданскому лицу — административному заместителю начальника УНО (с. 162).

Несмотря на огромный военный бюджет, который в 1982 финансовом году увеличен на 7,75 % по сравнению с прошлым годом и составит 2,6 трлн. иен, авторы сборника сетуют на его недостаточность. В качестве аргумента они отмечают неравномерность распределения средств между видами вооруженных сил. 50 % затрат приходится на сухопутные войска, это соотношение из года в год оставалось неизменным. Сухопутные силы много денежных средств расходуют на содержание личного

² In: Defence of Japan. Tokyo, 1981, p. 12.

³ См.: Дзэйтай соби нэнкан, 1980 (Ежегодник сил самообороны по вооружению, 1980). Токио, 1980, с. 480.

⁴ In: Defence of Japan, p. 9.

состава, за счет чего сокращается бюджет на военно-морской флот и авиацию. Сейчас Вашингтон, как указывается в книге, особое внимание японцев акцентирует на необходимости развития боеспособности военно-морского флота и повышения качества противовоздушной обороны, поэтому УНО стало принимать меры, чтобы изменить соотношение в бюджете в пользу ВМС и ВВС.

Авторы отмечают, что в области совместных операций японских «сил самообороны» с войсками США, которые осуществляются в соответствии с «Руководящими принципами японо-американского сотрудничества в вопросах обороны», в последние годы достигнуты определенные успехи. Они выступают также в поддержку принятия чрезвычайного законодательства, которое обеспечивало бы эффективные боевые действия «сил самообороны» в случае войны (с. 165).

Уделяя большое внимание слабым сторонам «сил самообороны», японские ученые в угоду патронам из-за океана, которые финансируют деятельность Института проблем мира и безопасности, преследуют цель добиться от правительства принятия неотложных мер по устранению отмеченных недостатков в войсках и значительного увеличения военных ассигнований, чтобы обеспечить наращивание боевой мощи в соответствии с требованиями США.

Авторы оправдывают осуществляемое в настоящее время перевооружение Японии происходящими изменениями во внутренней и международной обстановке, которые, по их мнению, требуют внесения корректив в военную политику страны. Они пытаются проследить и эволюцию общественного мнения Японии по проблемам военного строительства и пересмотра конституции с целью ликвидации ее антивоенной 9-й статьи. Отмечается, что в 1956 г., с приходом к власти кабинета Хатояма и восстановлением дипломатических отношений Японии с Советским Союзом, за пересмотр конституции голосовало лишь 24 %, а против перевооружения — 42 % опрошенных японцев и только 37 % поддерживало милитаризацию. После победы Либерально-демократической партии (ЛДП) на выборах в парламент в июне 1980 г. и взятия правящими кругами Японии курса на перевооружение страны, а также в связи с целенаправленной обработкой общественного мнения число высказавшихся в поддержку пересмотра конституции в ноябре 1980 г., по данным авторов сборника, возросло до 65 %.

Авторы признают, что, несмотря на усиление требований о пересмотре конституции в ЛДП и средствах массовой информации, большинство политических деятелей из оппозиции по-прежнему считают конституцию неприкосновенной, они возражают даже против дискуссий на эту тему, расценивая их как опасные и милитаристские (с. 166).

Трудно предвидеть, замечают японские ученые, когда могут быть приняты поправки к конституции. Крупнейшие оппози-

ционные партии — СПЯ и КПЯ — возражают против «договора безопасности» и считают существование «сил самообороны» неконституционным. Нынешняя расстановка политических сил такова, что, несмотря на победу на выборах в 1980 г., ЛДП все еще далека от достижения большинства в две трети голосов, необходимого для принятия поправок к конституции или ее пересмотра. Поэтому, по их мнению, в ближайшем будущем вряд ли можно ожидать существенного увеличения «сил самообороны» или повышения их статуса (с. 167).

Далее авторы касаются появившейся в последнее время концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности», которая подразумевает сочетание дипломатических, экономических, военных и других мер при решении проблемы обеспечения безопасности Японии. Японские политологи, защищая позицию правительства, пытаются утверждать, что в Японии снижается значение военного аспекта в общем комплексе мероприятий по обеспечению безопасности страны. Видимо, поэтому группа экспертов, возглавляемая директором Института проблем мира и безопасности, бывшим начальником Академии обороны Масамити Иноки, которая по заданию правительства подготовила в июле 1980 г. «Доклад о комплексном обеспечении национальной безопасности», так много места уделила в нем необходимости наращивания боевой мощи «сил самообороны» и укрепления японо-американского военно-политического союза. По этому поводу японская газета «Джэпэн таймс» писала: «По контрасту с тусклым освещением других элементов, составляющих программу комплексного обеспечения национальной безопасности, группа Иноки выступает за наращивание оборонительных возможностей»⁵.

Совершенно очевидно, что правительство Японии пытается широким спектром мероприятий, проводимых под вывеской «комплексного обеспечения национальной безопасности», прикрыть истинный характер военных приготовлений в стране, добиться национального согласия в вопросах военной политики и этим облегчить принятие политических решений по значительному наращиванию военного потенциала.

В отчете отмечается сближение точек зрения МИД и УНО Японии по военным проблемам: чиновники МИД теперь уже разделяют мнение о том, что Япония должна прилагать значительно больше военных усилий, чтобы выполнить свои обязательства в качестве одной из лидирующих стран Запада и чтобы японо-американские отношения, являющиеся краеугольным камнем японской внешней политики, укреплялись и развивались.

Авторы ежегодника умышленно замалчивают многие стороны японских военных приготовлений. Однако, выступая за наращивание вооружений и значительное увеличение военного бюджета, они фактически вдохновляют ядерные амбиции некоторых японских «ястребов», оправдывают курс

⁵ "Japan Times", July 5, 1980.

японского правительства на форсирование милитаризации, которая приобретает все более негативный международный резонанс, ратуют за дальнейшее вовлечение японских

вооруженных сил в глобальную стратегию США.

В. Н. Бунин

Строительство социализма во Вьетнаме

Рецензируемая книга* — первое в нашей стране монографическое исследование одного из важных аспектов строительства социализма во Вьетнаме — преобразования частной промышленности и торговли на социалистических основах.

Анализ проведен в исторической последовательности развертывания этого процесса сначала в Северном Вьетнаме (в Демократической Республике Вьетнам), а затем, после государственного воссоединения и образования СРВ, в Южном Вьетнаме. Такой подход к проблеме преобразования частного сектора позволил автору книги показать преемственность социально-экономической политики КДВ, сравнить сходство и различия социальной структуры общества на Севере и на Юге Вьетнама, поскольку разрыв во времени между двумя процессами преобразований составил более двух десятков лет.

Материал указанной работы шире, чем ее название. обстоятельному анализу в книге подвергнуты такие кардинальные проблемы, как особенности развития революционного процесса, этапы, характер и задачи вьетнамской национальной народно-демократической революции, перерастание ее в социалистическую революцию, специфика революционного процесса в двух частях страны. В книге изложен план построения социализма и направления экономической стратегии переходного периода, показана роль интернационального фактора в революционной борьбе вьетнамского народа и социалистическом строительстве.

Автор отмечает, что процесс становления социалистической формации в СРВ отражает общие закономерности, присущие всем странам, вставшим на путь крутой революционной ломки общественных отношений. Одним из факторов, ускоряющих этот процесс, является интернациональная помощь стран социалистического содружества, которая не только направлена на формирование благоприятных предпосылок для создания экономических основ социализма в отдель-

ных странах, но и обеспечивает охрану их завоеваний.

Отмечая общие закономерности перехода СРВ к социализму, автор показывает их модификацию в конкретных условиях слабо развитой страны. К началу переходного периода на Севере позиции капиталистического уклада были крайне слабыми. На Юге капитализм получил более широкое развитие, особенно в торговле. Однако он развивался в условиях неокolonнализма, превращения Южного Вьетнама в военно-политический плацдарм США в Индокитае. Поэтому там роль национальной буржуазии была невелика. Более сильные позиции в южновьетнамской экономике имел китайский капитал (представленный хуацяо), а также иностранный капитал.

Сложность анализа капиталистических отношений в отсталых странах состоит в выработке критериев правильного подхода к понятию «частнокапиталистический уклад» и показа его отличий от частного уклада. Зачастую в научных публикациях эти два понятия смешиваются. Капитализм в отсталых и особенно зависимых или поработанных странах не развивается в «чистом» виде из-за сохранения феодальных пережитков, докапиталистических форм общественных отношений, слабого разделения труда между промышленностью и сельским хозяйством, преобладания мелкого производства и т. д. Коммунистическая партия Вьетнама в ходе социалистических преобразований смогла выработать на основе марксистско-ленинской теории правильный классовый подход, использовала положительный опыт Советского Союза и других стран содружества.

Процесс преобразования осуществлялся с самого начала одновременно с созданием при содействии стран социализма социалистического сектора, представленного крупными предприятиями. Укрепление позиций социалистического сектора в промышленности и торговле создавало благоприятные условия для преобразования частнокапиталистического уклада.

На ход и формы преобразования частного сектора определенное влияние оказала военно-политическая обстановка во Вьетнаме. Во время американской агрессии частный сектор усилил свои позиции на Севере, особенно в сфере торговли; с другой стороны, ускорился процесс преобразования

* Е. П. Глазунов. Преобразование частной промышленности и торговли во Вьетнаме. Отв. ред. В. И. Шабалин. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981, 215 с.

госкапитализма из низших форм в высшие, ликвидации буржуазии как класса.

КПВ осуществляла дифференцированный подход к различным представителям буржуазного класса. По отношению к национальной, вьетнамской, буржуазии применялась политика мирного преобразования через различные формы госкапитализма или кооперации. К иностранной — политика выкупа; к крупной компрадорской буржуазии, связанной с империалистическими агрессивными кругами, — конфискация имущества и капитала. Вместе с тем буржуазии было предложено заниматься производительным трудом, некоторым ее представителям — участвовать в аппарате управления промышленными предприятиями. Госкапитализм получил в СРВ преимущественно форму выкупа капитала в силу того, что капиталисты, бывшие владельцы предприятий, неохотно шли на использование других форм, в основном из-за нестабильной экономической ситуации, особенно в годы войны.

В Южном Вьетнаме экспроприация капитала в промышленности и торговле проводилась в более широких масштабах, поскольку здесь укрепила свои позиции крупная компрадорская буржуазия. Спротивление преобразованиям буржуазии Юга, особенно торговой буржуазии, было сильнее, чем в 50-х годах на Севере. У нее были более устойчивые и сильные связи с иностранными монополиями.

Главную трудность в преобразовании капиталистического уклада и на Севере и на Юге страны представляло преобразование торговой буржуазии и частного сектора в торговле, ликвидация торгово-ростовщического капитала, который во Вьетнаме, по существу, держал все нити частного предпринимательства. Эта задача в целом по стране уже успешно выполнена, хотя наличие многочисленной прослойки мелких торговцев, усиление их позиций в последние годы само по себе представляет резерв для возникновения или, вернее, возрождения торговой буржуазии. В книге показаны меры государства по пресечению роста частного сектора в торговле СРВ.

Хотя национальная буржуазия на Юге была и более многочисленной, чем на Севере, ее позиции (по величине капитала и

числу наемных рабочих) и там были гораздо слабее, чем позиции частного сектора, представленного мелкими кустарями и ремесленниками. Национальная буржуазия благодаря правильной классовой политике КПВ, участвуя в Едином национальном фронте, на различных этапах революционной борьбы вьетнамского народа являлась союзницей рабочего класса, а после освобождения Южного Вьетнама включилась в возрождение страны и восстановление экономики. Партия применяла политику использования, ограничения и преобразования вьетнамской буржуазии. Преобразование частной промышленности и торговли во Вьетнаме проходило в общем русле реализации экономической политики КПВ, соответствовало целям начального этапа переходного периода, главными из которых являются нормализация и развитие производства с использованием всех классов и укладов, повышение жизненного уровня населения, достижение более высокого уровня занятости трудоспособных, ликвидация безработицы.

Процесс социалистических преобразований многоукладной экономики во Вьетнаме проходит успешно, но он еще не завершен. В целом по стране доля социалистического сектора в создании национального дохода в 1980 г. составила 49,2 %. Стоимость валовой продукции государственных и государственно-частных предприятий — 70 %.

Основными задачами на современном этапе являются: создание эффективного механизма управления многоукладной экономикой, разработка механизма цен, налоговой политики, создание аппарата контроля за деятельностью неорганизованного рынка и частного производства, всемерное его использование для решения проблемы обеспечения населения товарами ширпотреба, сельского хозяйства — средствами производства.

Хочется отметить, что рецензируемая книга вносит существенный вклад в понимание сложных процессов перехода Вьетнама к социализму, развивает концепцию перехода к социализму стран с неразвитой экономикой.

М. Е. Тригубенко,
кандидат экономических наук

Китай в годы пробуждения Азии

Пробуждение к новой жизни народов колониальных и полуколониальных стран, начавшееся в первые годы XX в., явилось одним из поворотных пунктов всемирной истории. Сначала Азия, а затем и присоеди-

нившаяся к ней после второй мировой войны Африка совершили могучий рывок по пути к преодолению своей политической зависимости от развитых капиталистических стран и экономической отсталости, в ре-

зультате чего в 60-е годы XX в. почти полностью была ликвидирована полорная колониальная система империализма.

После первой буржуазной революции в азиатской стране, Японии, в середине XIX в. только с началом нового столетия под влиянием двух основных факторов — вступления международного капитализма в империалистическую стадию и освободительного воздействия русской революции 1905 г. — открылся новый этап борьбы народов Азии.

В. И. Ленин подчеркивал всемирно-историческое значение подъема революционного движения в Азии, приведшего на смену относительно мирному периоду мирового развития 1872—1904 гг., когда «Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос»¹. «Не успели оппортунисты, — писал В. И. Ленин, — хвалиться «социальным миром» и не необходимостью бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская»².

«Мировой капитализм и русское движение 1905 года, — указывал Ленин, — окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию.

Рабочие передовых стран мира с интересом и воодушевлением следят за этим могучим ростом мирового освободительного движения во всех частях света и во всех формах...

Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории»³.

Ленинский термин «пробуждение Азии» вошел в марксистскую историографию для обозначения исторического отрезка развития стран Востока в начале XX в. Именно этому периоду посвящена рецензируемая работа В. Н. Никифорова*.

Передовая общественность России еще в начале XX в. с сочувствием следила за мужественной борьбой народов Востока и их передовых представителей, марксисты-ленинцы оказывали им всемерную помощь. Изучение истории освободительного движения, в том числе народов Дальнего Востока, со всеми ее особенностями и этапами остается актуальной задачей нашей исторической науки.

Монография В. Н. Никифорова «Китай в годы пробуждения Азии» посвящена революционному движению в Китае на одной из ранних стадий указанного процесса — в

1903—1905 гг. Она является продолжением монографии того же автора «Первые китайские революционеры» (1980), в которой рассматривались начальные шаги революционно-демократического движения в Китае 1894—1902 гг.

В первой книге освещался период, который оканчивался после жестокого поражения Китая, нанесенного ему империализмом в 1900 г. В стране свирепствовала реакция; революционные организации были разгромлены, Сунь Ятсен находился в эмиграции в Японии. Однако банкротство правящих классов, нерешенность стоявших перед Китаем задач — завоевания независимости и преодоления вековой отсталости — создавали обстановку, в которой возрождение революционных сил в китайском обществе было неизбежно.

В рецензируемой здесь работе В. Н. Никифорова шаг за шагом на основе доступных китайских источников и с использованием обширной научной литературы показывается, как происходило это возрождение в 1903—1905 гг. Этот процесс начался с чисто националистических выступлений, направленных не против маньчжурского правительства, а против империалистических держав. Таково было движение за создание Студенческой армии в среде китайских студентов в Японии, преподавателей и учащихся в Шанхае. Хронологическим рубежом автор считает конец мая 1903 г., переход на революционные позиции шанхайской газеты «Субао» («Газета провинции Цзянсу»), антиманьчжурская пропаганда которой вызвала большой отклик и привела к расслоению участников патристического движения, из чьих рядов выделяется и обособляется революционное крыло.

Как указывает В. Н. Никифоров, к переломному периоду относится и издание брошюр националистического содержания, получивших широкое распространение в Китае. Их авторами были Цзоу Жун, Чэнь Тяньхуа, Ян Шоужэнь и др. Под их влиянием воспитывались не только деятели Синьхайской революции 1911—1913 гг., но и Мао Цзэдун, и многие другие будущие члены КПК. В рецензируемой книге показано, что концепции указанных авторов сводились к лозунгу антиманьчжурской революции, не выходящей за рамки верхушечной буржуазной революции; к призыву добиться независимости и догнать передовые государства; к требованию республики (главным образом у Цзоу Жуна). Вместе с тем для произведенной названных идеологов были характерны китаецентризм, крайний национализм, переходящий в великоханьский шовинизм и расизм, отсутствие демократизма и программы социальных преобразований.

Сунь Ятсен еще в конце XIX в. выдвигал народнические идеи, направленные на то, чтобы предотвратить развитие капиталистического строя в Китае и ввести «равные права на землю» (имелась в виду фактическая национализация земли); идеи эти в то время не были опубликованы или включены в программу. Цзоу Жун, Чэнь Тяньхуа, Ян Шоужэнь не отразили эти взгляды в своих брошюрах. Сам Сунь Ятсен четко сфор-

¹ В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 2.

² Там же, с. 3.

³ В. И. Ленин. Пробуждение Азии. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 146.

* В. Н. Никифоров. Китай в годы пробуждения Азии. М., «Наука», 1982, 248 с.

мулировал свою программу, получившую название «Три народных принципа», только в 1903—1905 гг.

Как показано в рецензируемой монографии, революционное движение в 1903—1904 гг. происходило в основном без активного участия в нем Сунь Ятсена и было тогда предствлено гораздо более умеренными идеологами и лидерами. В 1904 г. впервые после 1900 г. в Китае шел процесс формирования новых революционных организаций во главе с Суан Сином, Сун Цзяожэнем, Гао Чэнчаном и др. Они, в общем, стояли на платформе Цзоу Жуна — Чэнь Тяньхуа. После того как осенью 1904 г. часть их была разгромлена полицией, многие лидеры и активисты бежали в Японию. В это время Сунь Ятсен, прямо не связанный с революционными группами в самом Китае, совершил поездку по маршруту страны Тихого океана — США — Западная Европа, ведя пропагандистскую и организационную революционную работу среди китайских эмигрантов и студентов, продолжая разработку своего учения.

В книге В. Н. Никифорова подробно охарактеризованы методы деятельности китайских буржуазных революционеров начала XX в. В основном они делали ставку на организацию вооруженного восстания. При этом одни рассчитывали использовать для этого горстку заговорщиков, которые опирались на средневековые братства в китайской деревне — так называемых хуэйданов, настроенных, как правило, антиманьчжурски. Члены этих тайных братств, отличавшиеся невежеством и мистицизмом, могли играть роль лишь простого орудия в руках буржуазных революционеров. Вторые занимались подготовкой восстания в армии. В. Н. Никифоров приходит к выводу, что, хотя в Европе и Латинской Америке «революцию военных» справедливо считали классическим примером верхушечного, далекого от народа типа революционного движения, в условиях Китая конца XIX — начала XX в. ставка на армию была более прогрессивной по сравнению с опорой на хуэйданов. Однако и революционные организации, возникшие в Китае в 1904 г., и Сунь Ятсен в своих планах строили все расчеты на поддержке хуэйданов, и только отдельные группы в Китае (например, в провинции Хубэй, где к революционному движению примкнул ряд солдат) и кучка студентов-китайцев в Европе думали в то время об опоре на армию.

В. Н. Никифоров полагает, что части так называемой новой армии, создававшейся в Китае в начале века по западным образцам, были благоприятной почвой для революционного движения. В них имелась грамотная молодежь, по социальному составу они представляли низшую, наиболее близкую к массе крестьянства часть имущих слоев деревни. Но в условиях китайского общества того времени и военная революция могла стать лишь формой верхушечной буржуазной революции. Революционные солдаты не имели собственной программы, находились под влиянием Цзоу Жуна, Чэнь Тяньхуа, других буржуазных националистов.

Кроме подготовки вооруженного восста-

ния против династии Цинов, китайские буржуазные революционеры начала века прибегали также к индивидуальному террору против цинской бюрократии. Такие формы борьбы, являющиеся, как известно, следствием неверия в революционные действия народных масс и отчаяния, особенно усиливались в периоды поражения революционного движения. Как отмечается в рецензируемой книге, за разгромом большинства китайских революционных организаций последовала целая серия террористических актов в конце 1904 — первой половине 1905 гг.

Русская революция 1905 г. оказала на китайское общество непосредственное и сильное влияние, отчасти, как указывает автор, потому что она последовала непосредственно за русско-японской войной, прямо касавшейся Китая и происходившей на китайской территории. Уже в книге В. Н. Никифорова «Первые китайские революционеры» отмечалось, что революционное движение в России перед революцией тоже вызвало отклик в Китае, что сказалось, в частности, в произведениях передовых мыслителей Китая 1901—1902 гг. В 1903—1905 гг. это влияние усилилось, симпатии к идущей в России борьбе проявляли участники китайских революционных организаций Цай Юаньпэй, Чжан Цзи, У Юэ и др. Влияние русской революции достигло высшей точки в 1905—1906 гг. Орган революционной партии «Минь бао» («Народный вестник») помещал обширные материалы, посвященные событиям в России.

Сунь Ятсен встречался в Японии с русскими деятелями — народником Н. К. Судзиловским, эсером Г. А. Гершуни; сохранились письма Сунь Ятсена к Судзиловскому, отличающиеся откровенностью и проливающие свет на истинное отношение Сунь Ятсена к империалистическим державам (в своих произведениях того времени Сунь должен был это отношение скрывать). Все эти факты проливают дополнительный свет на то значение, которое Сунь Ятсен всегда придавал помощи Китаю со стороны международных революционных сил, особенно такого фактора первостепенной важности, как русская революция. В свете этого становится еще более понятной позднейшая деятельность Сунь Ятсена, направленная на укрепление союза с Советской Россией, с СССР.

1905 год был для Китая годом важных исторических событий. В стране сложилась революционная ситуация, когда не только низы не хотели, но и верхи не могли жить по-старому. Цинское правительство заговорило о конституции, послало за границу миссию изучать конституции зарубежных государств. Революционный подъем, до этого локализовавшийся в основном в провинциях центрального Китая, распространился и на юг Китая.

Закономерным результатом этого развития явилось создание общекитайской революционной партии. В августе 1905 г. в Токио возвратившийся из Европы Сунь Ятсен и бежавшие из Китая Хуан Синь, Сун Цзяожэнь, Чэнь Тяньхуа, другие сторонники революционного движения, в частности китай-

ские студенты в Японии, организовали Китайскую лигу (Чжунго тунмэнхуэй). Она оставалась главной партией китайских революционеров вплоть до Синьхайской революции.

Вождем лиги был провозглашен Сунь Ятсен, программой избраны выдвинутые им три народных принципа: национализм (свержение династии Цинь и национальная независимость), демократия (буржуазная республика), народное благоденствие (туманный лозунг «уравнивания прав на землю»).

Автор рецензируемой работы подчеркивает, что признание Сунь Ятсена вождем было для китайских революционеров большим шагом вперед, так как взгляды Суня, хотя и не отличались последовательностью в ряде вопросов, были по сравнению с другими китайскими политическими учениями того времени наиболее прогрессивными. Они, как отмечает В. Н. Никифоров, «противостояли негативным тенденциям, стойким еще среди китайской интеллигенции: конфуцианской неприязни к чужеземцам, великоханьской чванливости, нежеланию трезво взглянуть на современную обстановку».

Однако даже Сунь Ятсен не понимал не-

обходимости опоры на крестьянство, не видел еще в то время более передовых форм борьбы, чем заговорщические хуэйданские методы. Большинство же членов лиги вообще не дошло еще до признания «Трех принципов», а оставалось на платформе Цзоу Жуня и Чэнь Тяньхуа. Это свидетельствовало о слабости, ограниченности китайского революционного движения, сулило ему серьезные трудности.

В. Н. Никифоров заканчивает книгу словами, что, «хотя Сунь Ятсен служил символом революции, эта будущая революция в целом развивалась как гораздо менее демократическая, чем планировал Сунь Ятсен» (с. 232).

Заключительные страницы монографии освещают создание Китайской лиги и первый кризис, пережитый ею на рубеже 1905 и 1906 гг. Естественно ожидать, что автор, успешно осветивший два важных этапа развития революционного движения в Китае в двух монографиях, продолжит свою работу и подготовит вслед за ними монографию, которая была бы посвящена полосе восстаний 1907—1911 гг., непосредственно предшествовавших Синьхайской революции.

В. А. Васильев

«Нихонтэки кэйэй» — система менеджмента в Японии

Рецензируемая монография* представляет собой серьезное критическое исследование проблем теории и практики внутрифирменного управления промышленных корпораций Японии. Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, автор вскрывает классовую направленность буржуазного менеджмента, его нацеленность на максимализацию прибылей крупных монополий.

В начале работы автором осуществлен обстоятельный анализ истоков теории и практики системы управления в Японии. А. Курицын аргументированно показывает, что концептуальные основы, методы, организационные структуры менеджмента во многом основаны на традициях, обычаях, на системе моральных и идеологических ценностей, исторически сложившихся в стране. Он указывает, что в формировании норм, установок и социальных ориентаций этой системы важную роль сыграли восточные религии, в особенности социально-этические доктрины синтоизма — этого исконно японского феномена. Немалое значение также имели традиционные догмы буддизма — о греховности всего материального, добродетельности бедности, покорности и смиренности. На развитие официальной идеологии в государстве сильное влияние оказали постулаты дзэн-буддизма — о «групповом

духе», «лояльности», «общности целей» и т. д. На формировании социальной психологии широких кругов населения Японии сказались также воздействие религиозно-философского учения конфуцианства, предписывающего беспрекословное подчинение старшим по возрасту и общественному положению, почитание предков, строгое соблюдение традиционных норм семейных и общественных отношений. Правящие круги на протяжении веков узаконивали, делали общеобязательными для трудящихся эти правила, которые, по существу, оправдывали сословную систему, утверждали ее извечность.

Многие религиозные постулаты и предписания в современных условиях утратили свое значение, но целый ряд традиций и обычаев сохранился в видоизмененной, трансформированной форме и ныне с успехом эксплуатируется господствующими классами для обмана трудящихся, снижения накала классовой борьбы. В монографии обстоятельно прослеживается эволюция традиционной японской морали и принципов социальной ориентации и подчеркивается, что главные причины этой эволюции носят социально-экономический и общественно-политический характер.

В наши дни в стране широкое распространение обрела так называемая «новая мораль», одним из важных аспектов которой стало стремление к материальным благам. При этом правящие классы возмож-

* А. Н. Курицын. Управление в Японии. Организация и методы. М., «Наука», 1981, 230 с.

ность достижения индивидом этих желанных благ ставит в прямую зависимость от добросовестности выполнения им своих «обязательств перед нацией», то есть, по существу, перед капиталистическим предпринятием. Индивидуализм и потребительство настойчиво связываются с традиционными японскими моральными установками: групповой солидарностью и усердием в работе. В монографии на богатом фактическом материале показан процесс использования этих социально-этических ориентаций в практике осуществления конкретных методов управления персоналом крупных монополий.

Значительное внимание в монографии уделено критическому разбору теории и практики управления персоналом. Руководство кадрами является одной из важнейших функций менеджмента, ибо рабочий, трудящийся был и остается основной производительной, творческой силой, несмотря на все достижения в области технологии и автоматизации.

Проблема управления персоналом включает в себя многие аспекты. К ним относятся найм и расстановка кадров, система заработной платы, производственное обучение, социально-бытовые мероприятия. Больше усилия японского менеджмента направлены на то, чтобы обосновать интеграцию целей капиталистической корпорации и отдельной работающей личности, представить их якобы полностью совпадающими. Автор убедительно показывает, что практическое объединение этих целей в условиях частного предпринимательства невозможно. Причиной тому — антагонистические противоречия между трудом и капиталом, и, пока они сохраняются в экономике капитализма, объединение интересов предпринимателей и рабочего класса лишь несбыточная иллюзия. Суровая капиталистическая действительность современной Японии свидетельствует о полной неосуществимости этого социального идеала. И тем не менее теоретики и практики менеджмента выискивают различные аргументы, чтобы затушевать, скрыть это основное антагонистическое противоречие и вместе с тем изыскать новые способы усиления эксплуатации трудящихся.

В интересах повышения эффективности производства в Японии первостепенное значение придается «человеческому фактору», так называемой «теории человеческих отношений», получившей немалое распространение и в западных буржуазных теориях менеджмента. Идеальный арсенал этой теории включает положение о преимуществах «неформальной» структуры и организации, ставит акценты на создании благоприятного социально-психологического климата в малых группах и т. д.

Разработка социально-психологических стимулов воздействия на поведение наемных рабочих и служащих преследует цель побудить их активно участвовать в обеспечении роста и процветания капиталистического предприятия.

В монографии исследуются специфически японские методы использования наем-

ных рабочих и служащих, которые во многом весьма эффективны и вызывают интерес западных специалистов к японскому опыту управления. Одним из традиционно японских методов кадровой политики является «пожизненный» найм, при котором рабочий или служащий трудится в одной и той же компании всю жизнь, с момента поступления на работу и до выхода на пенсию. Эта система применяется в основном на крупнейших и крупных предприятиях.

В рецензируемой монографии обстоятельно анализируются истоки и социально-психологические аспекты системы «пожизненного» найма. На примере деятельности крупных промышленных фирм автор убедительно показывает, что «пожизненный» найм — это специфическая для Японии форма использования рабочей силы, сохранившая многие характерные особенности традиционной феодальной системы патернализма. Персоналу всячески внушается мысль о том, что принадлежность к клану промышленного предприятия — это большая честь, которая не только накладывает на него высокую ответственность, но и возвышает его над рабочими других предприятий. Японские предприниматели целенаправленно пропагандируют у наемных рабочих и служащих «фирменный патриотизм», активно внушают им мысль о том, что только «их» фирма способна позаботиться об их благополучии, оградить от неблагоприятных воздействий враждебного внешнего окружения. Таким образом, им внушается иллюзия о благотворных намерениях капиталистического предприятия, о том, что именно фирма для наемного персонала может стать гарантией его устойчивого социального статуса (с. 45).

В книге приводятся данные исследования, которые наглядно свидетельствуют о живучести системы «пожизненного» найма. Эта устойчивость объясняется не столько влиянием традиционной морали или патриархальных обычаев, сколько материальными стимулами, стремлением предпринимателей заинтересовывать наемный персонал различного рода податками.

А. Курицын обоснованно делает вывод о том, что японские предприниматели, используя систему «пожизненного» найма, привязывают значительную часть рабочего класса к своим фирмам, опутывая их моральными обязательствами и материальной зависимостью, обеспечивая таким образом более высокую степень эксплуатации. Эта система выгодна бизнесу, она служила одной из причин, которые обусловили в послевоенный период рост японской промышленности. При помощи системы «пожизненного» найма японским предпринимателям удается, закрепляя квалифицированную рабочую силу, усиливая долговременные связи занятых со «своей» компанией и целенаправленно воспитывая дух «соучастия», весьма успешно эксплуатировать не только усердие и трудолюбие японского рабочего, но и творческий потенциал отдельного работника и коллектива в целом. «Пожизнен-

ный» наем позволяет в известной степени затушевывать антагонистический характер отношений между трудом и капиталом, а иллюзорный лозунг «предприятие — родной дом» еще держит в плену многих трудящихся, реально воплощаясь в конечном итоге в росте эффективности производства (с. 51).

Японские монополии активно придерживаются принципа «пожизненного» найма, ибо он дает возможность создавать у наемных рабочих и служащих дух лояльности компании, высокую трудовую дисциплину, заинтересованность в росте производительности труда и позволяет сохранять традиционные отношения патернализма.

Значительный интерес представляют разделы монографии, посвященные проблемам заработной платы, подготовки персонала, должностного продвижения. В японских монополистических фирмах определяющим принципом заработной платы является ее зависимость от возраста, стажа работы и семейного положения. Подобная система в условиях «пожизненного» найма стимулирует долговременные связи рабочего персонала с компанией. Как показывают сравнительные данные, уровень зарплаты японских трудящихся ниже, чем, например, американских или западногерманских, а норма эксплуатации продолжает оставаться высокой. Именно этим можно объяснить относительно низкий уровень издержек производства общественного продукта на японских предприятиях. Периодически повышая зарплату, применяя разного рода надбавки и бонусы, предприниматели создают видимость заботы о материальном благополучии наемных рабочих, а в действительности до предела взвинчивают интенсивность труда, повышают норму эксплуатации.

В монографии четко выявляются противоречивые тенденции в системе заработной платы наемных рабочих и служащих в ведущих отраслях промышленности Японии. В условиях научно-технического прогресса, активного внедрения фирмами новейшей техники и технологии происходит процесс удорожания стоимости рабочей силы. Эта объективная тенденция обуславливает учет в оплате наемного персонала показателей квалификации, образования, степени ответственности и т. д. Осуществляется вынужденная модернизация системы заработной платы. Однако масштабы этой модернизации ограничены, ибо японский монополистический капитал заинтересован в сохранении и консервации традиционного принципа «оплаты по старшинству» (нэнко сэйдо). Основная суть этого принципа сводится к замораживанию зарплаты, к уравновешиванию доходов, а также служит целям эффективного управления персоналом (с. 62—64). Однако, по нашему мнению, автору следовало бы более широко показать нарастающее социальное сопротивление японского рабочего класса устаревшим принципам оплаты труда, которые обрекают его на низкий уровень жизни, на интенсификацию его труда. Известно, что за последние годы японский пролетариат все

чаще и организованнее выступает против монополистической политики замораживания зарплаты, борется за свои коренные интересы.

Особенностью японского менеджмента является практика подготовки и обучения рабочего персонала. Относительная ограниченность рынка рабочей силы и дефицит отдельных профессий заставляют предпринимателей заботиться о том, чтобы каждый работник освоил как можно больше специальностей. Именно благодаря универсализму японского рабочего капиталистическим корпорациям удается удовлетворить потребности в квалифицированной рабочей силе за счет собственных ресурсов. Это обстоятельство обуславливает также заметную миграцию рабочей силы внутри фирмы, особенно возрастающую во время перестройки технологических процессов, создания новых видов продукции. При этом маневренность в использовании кадров имеет целью, кроме прочего, обеспечить более тесной связи их с фирмой. Автор критически рассматривает различные виды обучения и методы социального воспитания рабочих, служащих и администраторов. В частности, он правильно указывает, что упор на «неформальные контакты» и общение во внеслужебное время по сути своей ориентированы на расширение влияния монополистической фирмы на рабочий персонал. Целям воспитания «фирменного патриотизма», наиболее полной зависимости трудящихся от интересов крупного бизнеса служат также традиционные методы опеки и покровительства молодым кадрам со стороны управляющих и мастеров (с. 70—72).

Одно из центральных мест в управленческой теории и практике в Японии занимает процесс принятия решений. В основе традиционной японской методологии принятия решений лежит так называемая система «ринги». Принципиальное значение в ней придается тщательному и детальному обсуждению возникшей проблемы, выяснению цели, и лишь после этого вырабатываются способы ее достижения. При этом в подготовке решения используется метод группового обсуждения, опроса мнений возможно большего числа членов организации. Принятое таким образом решение считается коллективным, добровольным, оно по замыслу должно способствовать устранению конфликтов внутри организации и стимулировать энергию участников в реализации поставленной цели.

Анализируя процедуры и формы принятия управленческих решений в современных японских корпорациях, А. Н. Курицын обоснованно отмечает их классово-аполитическую суть. В книге подчеркивается, что практика принятия решений, использующая «групповой дух» и «корпоративную солидарность» наемного персонала, направлена в конечном счете на максимализацию прибылей монополий, на предотвращение социально-классовых коллизий. Представляют интерес соображения автора относительно трансформации методов и приемов выработки управленческих решений в зависимости от степени неопределенности об-

становки, в которой приходится функционировать японским промышленным фирмам на современном этапе. Эти замечания, однако, носят несколько общих и беглый характер (с. 98—99).

Проблемы и перспективы автоматизации управления рассматриваются в специальной главе. Япония занимает ведущее место в мире по автоматизации расчетных операций (около 70 % общего объема вычислительных работ уже в начале 70-х годов выполнялось с помощью ЭВМ). Внедрение электронно-вычислительной техники наряду с повышением уровня обобществления производительных сил еще более обострило конфликт между трудом и капиталом, увеличило число безработных среди служащих и инженеров, во многом превратило обслуживающий персонал в придаток ЭВМ. Однако эти социальные последствия проявляются в Японии не столь резко и явно, как в других развитых капиталистических странах. Благодаря традиционным методам воздействия на персонал их удается частично сглаживать и в значительной мере затушевывать. В главе, посвященной вопросам автоматизации управления, содержится обширный фактический материал, который позволяет автору сделать важные выводы относительно социальных аспектов внедрения ЭВМ, особенностей методологии, проектирования и эксплуатации информационно-управленческих систем в японских промышленных компаниях.

В монографии большое внимание уделено критическому разбору проблем управления качеством продукции. В Японии эти проблемы стоят более остро, чем в других странах капиталистического мира, ибо японская промышленность находится в сильной зависимости от импорта сырья, топлива, продовольствия, причем с ростом производства эта зависимость возрастает. За последние годы Япония сумела поднять уровень качества многих видов промышленной продукции, что явилось одной из причин ее успехов в конкурентной борьбе на рынках сбыта с другими империалистическими державами (например, в «автомобильной войне» с Соединенными Штатами).

Растущий уровень качества японской промышленной продукции основывается прежде всего на широком внедрении в производство достижений науки и техники, использовании зарубежного опыта, совершенствовании методов организации труда и управления. Значительная роль в этом принадлежит японскому правительству, которое в послевоенные годы последовательно проводит соответствующую экономическую политику. Суть ее сводится к принятию законодательных мер по контролю за качеством, проведению организационной реформы государственно-монополистического регулирования, расширению системы подготовки кадров. Эта политика стимулировала

и поощряла деятельность частных компаний в области улучшения качества выпускаемой продукции.

Автор обстоятельно исследует различные системы стандартизации критериев определения качества, рациональные и эффективные методы контроля. Особо отмечается значение «кружков контроля качества», которые в Японии получили широкое распространение. Эти кружки объединяют группы рабочих под руководством мастера, бригадира. Сфера их деятельности носит разносторонний характер: устранение причин брака, совершенствование технологических процессов, модернизация инструмента и оборудования, повышение трудовой дисциплины и улучшение организации труда и т. д. Активность рабочих в повышении производительности труда, качества продукции усиленно поощряется морально и отчасти материально. Таким способом монополистический капитал пытается убедить трудящихся в непосредственной причастности к интересам фирмы, к управлению ее делами. В монографии вскрывается классовый смысл упомянутых нововведений. Он состоит в усилении производительной эксплуатации под флагом «повышения качества трудовой жизни», в стремлении монополий переложить на плечи рабочего класса основные тяготы экономических неурядиц и трудностей.

Заключительная глава посвящена рассмотрению различных аспектов активного влияния японского менеджмента на теорию и практику управления в США, а также в других странах капиталистического мира. В ней исследуются особенности японских методов управления наемным персоналом, варианты их сочетания с западными приемами менеджмента, вопросы изучения рынков сбыта продукции, расширения ее экспорта. К сожалению, в монографии не получила достаточного раскрытия японская практика управления рыночной деятельностью. Известно, что в капиталистических странах Запада большой бизнес давно имеет на вооружении так называемую службу маркетинга, занимающуюся изучением и подготовкой сбыта товаров. Теоретические положения и организационные принципы, лежащие в основе механизма маркетинга, в последние годы активно исследуются учеными разных стран. Вопрос о том, располагает ли японский менеджмент каким-либо эквивалентом западной концепции управления рынком сбыта, остается в книге без ответа.

В целом монография А. Курицына представляет собой актуальное исследование, которое, несомненно, будет способствовать научной критике буржуазных концепций менеджмента.

А. И. Самсин,
кандидат философских наук

Экономическое проникновение Японии в Латинскую Америку*

Вопросы внешнеэкономических связей Японии занимают важное место в советской печати, освещающей международные экономические проблемы. До последнего времени наибольшее внимание уделялось отношениям Японии со странами Азии, особенно Юго-Восточной Азии. Меньше освещались вопросы экономической экспансии Японии в Латинскую Америку. Тема же эта представляет значительный интерес, так как проникновение японских монополий в страны латиноамериканского региона отражает важные закономерности современного капитализма: неравномерность развития и, как следствие, обострение противоречий между развитыми и развивающимися странами, модернизацию форм и методов эксплуатации стран «третьего мира», тенденцию к перемещению в эти страны трудоемких, материалоемких и энергоемких мощностей, а также производств, загрязняющих окружающую среду.

Проникая в Латинскую Америку, японские монополии нередко выступают лидерами капиталистического мира в применении усовершенствованных методов подчинения экономики развивающихся стран, с учетом местных условий.

За послевоенные годы Япония превратилась в одного из ведущих торговых партнеров стран Латинской Америки. Автор отмечает, что в 1978 г. Япония занимала «третье место после США и ФРГ в экспорте латиноамериканских стран и второе место после США в их импорте» (с. 7). Возрастает экспорт капитала в Латиноамериканский регион. Японские монополии неуклонно теснят позиции США, Англии и ФРГ. Эксперты Экономической комиссии ООН для Латинской Америки определяют связи региона с Японией как наиболее динамичный сектор внешнеэкономической деятельности региона Латинской Америки и прогнозируют значительную активность ее в будущем.

Латиноамериканская буржуазия стремится использовать деловые отношения с Японией как противовес экспансии США. В правящих кругах латиноамериканских стран внимательно изучают японскую модель экономического развития, рекламируя ее как наиболее приемлемую для стран «третьего мира», а также как способ выхода из перманентного социально-экономического кризиса.

Серьезность затрагиваемых проблем говорит об актуальности монографии В. О. Кистанова, в которой рассматриваются не только вопросы японо-латиноамериканских отношений, но и широкий спектр внутренних экономических проблем как Японии, так и Латинской Америки.

* В. О. Кистанов. Экономическое проникновение Японии в Латинскую Америку. М., «Наука», 1982, 174 с.

На фоне всестороннего анализа внешнеэкономических связей Японии в целом автор выделяет то место, которое в них занимают страны Латинской Америки. На обильном фактическом материале прослеживаются тенденции развития японо-латиноамериканских отношений в области внешней торговли, рассматриваются динамика изменения товарной структуры и пути проникновения японских товаров на латиноамериканский рынок, вскрываются формы и методы деятельности японских монополий, обусловивших завоевание прочных позиций для Японии во внешней торговле многих государств региона. В. О. Кистанов подчеркивает, «что на протяжении 70-х годов во внешнеторговом товарообороте стран Латинской Америки удельный вес всех развитых капиталистических государств имел ярко выраженную тенденцию к снижению, причем снижение произошло главным образом за счет стран ЕЭС и частично за счет США. В то же время доля Японии не только не уменьшилась, но, наоборот, несколько возросла» (с. 8). Это объясняется, в частности, тем, что «Япония — по ряду причин — гораздо более привлекательный торговый партнер для государств Латинской Америки, чем другие капиталистические страны» (с. 11). В отличие, например, от США она не выступает на мировых рынках как поставщик конкурирующего с латиноамериканской продукцией сырья, а в отличие от стран ЕЭС не связана системой особых отношений с рядом развивающихся стран, товары которых в результате облегченного этой системой доступа на рынки Западной Европы составляют конкуренцию аналогичным товарам из стран Латинской Америки.

Интенсивному наращиванию японского экспорта в Латинскую Америку содействовал и осуществлявшийся с начала 70-х годов широкий вывоз капитала в различные страны региона, проложивший дорогу японским товарам на те рынки, доступ на которые ранее был затруднен. «...К 1980 г. практически каждый шестой доллар, вложенный Японией за рубежом, находился в Латинской Америке, — говорится в книге, — причем инвестиции направлялись большей частью в отрасли обрабатывающей промышленности, что повлекло за собой экспорт необходимых для этих отраслей машин и оборудования» (с. 15). Этому же способствовало и наблюдаемое в 70-е годы наращивание японским правительством финансовой и технической помощи развивающимся странам, которая явилась серьезным подспорьем в расширении экспансии японских монополий. Быстрый рост японского экспорта в Латинскую Америку, отмечает автор, связан и с тем, что в последние годы японские товары встречаются все большие ограничения на таких традиционных рынках, как рынки США, Западной

Европы и Юго-Восточной Азии. Это заставляет японских предпринимателей изыскивать новые рынки сбыта и переориентировать на них значительную часть своего растущего экспорта. Не случайно в настоящее время вывоз из Японии товаров на такие считающиеся нетрадиционными рынки, как Ближний и Средний Восток, Латинская Америка и Африка, увеличивается быстрыми темпами.

Серьезное внимание автор рецензируемой книги уделяет исследованию протекционистских мероприятий Японии в сфере импорта, что способствует разоблачению разного рода мифов японской пропаганды о том, что Япония во имя укрепления «дружеских отношений» с развивающимися странами готова идти на всевозможные уступки последним. Наряду с высокими пошлинами «очень серьезным препятствием на пути расширения латиноамериканского экспорта в Японию являются нетарифные ограничения, которые Япония активно использует, опираясь на сложный механизм государственного регулирования экономики, и под действие которых в той или иной степени подпадают практически все виды ввозимой продукции» (с. 48). Сюда автор прежде всего относит систему импортных квот, а также многочисленные скрытые барьеры, основанные на различных японских и иностранных стандартах и технических требованиях, санитарных норм, нормативов маркировки и упаковки товаров и т. д. Все это дало основания на конференции Межамериканского экономического и социального совета в 1979 г. заявить, «что Япония проводит самую жесткую протекционистскую торговую политику среди развитых капиталистических стран» (с. 49). С ссылкой на журнал «Ориентал экономист» В. О. Кистанов отмечает, что в одном лишь 1976 г. экспорт латиноамериканских стран в Японию смог бы увеличиться на 28 %, если бы не было ограничений в торговле (с. 49).

Подытоживая рассмотрение торговых отношений Японии со странами Латинской Америки, автор указывает на ее большие резервы и тенденции к расширению. Однако отчетливо обозначившийся в 70-е годы дефицит во внешней торговле стран Латинской Америки с Японией, затруднение доступа их готовой продукции на японский рынок, а также дискриминационные методы в отношении ряда традиционных сырьевых и продовольственных товаров, по мнению автора, будут препятствовать стабилизации доходов латиноамериканских стран от внешней торговли, смягчению их валютно-финансовых трудностей.

Значительное место в монографии занимает всесторонний анализ экспорта японского частного капитала в латиноамериканские страны как основной формы японской экономической экспансии в регионе. Автор рассматривает этот вопрос во взаимосвязи экспорта товаров и экспорта капиталов, детально разбирая причины и побудительные мотивы быстрого роста японских частных инвестиций в латиноамериканском регионе в последние годы. Как от-

мечает В. О. Кистанов, «в основе стремления японских монополий вкладывать крупные капиталы в странах региона лежат традиционные факторы, составляющие суть внешнеэкономической экспансии империализма: поиски рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала. Но действие этих факторов серьезно модифицировалось и обострилось вследствие ряда глубоких кризисов, потрясших мировое капиталистическое хозяйство» (с. 55). Успешное же вступление Японии в межимпериалистическую конкурентную борьбу за рынки приложения капитала стало возможным благодаря тому мощному потенциалу, который был накоплен ею в ходе ускоренного развития в послевоенный период. В результате усиления экономической экспансии японские заграничные инвестиции на март 1980 г. составили 31,5 млрд. долл. (с. 56). Сегодня Япония — один из главных мировых центров экспорта капитала.

Обострение энергетической, сырьевой и продовольственной проблем, определенный рост заработной платы, которого добились японские рабочие в упорной классовой борьбе, что, естественно, привело к удорожанию японских товаров и, как следствие, падению их конкурентоспособности на внешних рынках, обострение экологического кризиса в стране, побуждающее японские концерны размещать «грязные» и энергоемкие производства за пределами страны, — все это обусловило рост интереса японских монополий к развивающимся странам.

Помимо указанных факторов общего порядка, автор выделяет особые причины, побуждающие Японию расширять экспансию именно в Латинской Америке. Одна из таких причин — рост антияпонских настроений в странах ЮВА, вызванных неокolonналистскими методами действий японских монополий. «По мнению японских бизнесменов, — пишет В. О. Кистанов, — отсутствие у Латинской Америки колониального прошлого, связанного с Японией, служит залогом того, что на продвижении японских компаний в этот район мира не скажутся факторы, характерные для ЮВА» (с. 57). Значительный по сравнению со странами Азии и Африки индустриальный прогресс также делает их более привлекательной сферой для инвестирования японского капитала в обрабатывающую промышленность. Ряд стран Латинской Америки, в первую очередь Бразилия, Мексика, Аргентина, рассматриваются японскими бизнесменами и как относительно более стабильная в социальном отношении зона инвестиций, чем, например, ЮВА, где в последнее время крупных успехов добились силы национально-освободительного движения.

В рецензируемой работе подробно рассматривается структура японских инвестиций в Латинской Америке, их распределение в регионе по странам и группам стран. Вполне обоснованным представляется более подробное рассмотрение экономического проникновения Японии в Бразилию, которую «японские правящие круги рассмат-

ривают как плацдарм, закрепившись на котором можно с большим успехом проникать в другие латиноамериканские страны, а в более отдаленной перспективе — на рынки США, Европы и даже Африки» (с. 66).

Необходимо подчеркнуть, что автор диалектически увязывает проблемы японского экономического проникновения в Латинскую Америку с экспансией других ведущих империалистических государств, показывая, что, с одной стороны, это проникновение является частью общей неокOLONналистской политики мирового империализма в латиноамериканских странах, а с другой, ведет к дальнейшему обострению «латиноамериканского узла» межимпериалистических противоречий в борьбе за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала. В этом плане представляет интерес сравнение деятельности в регионе японских монополий с деятельностью их американских и западноевропейских конкурентов, выявление сильных и слабых сторон японских компаний в их попытках проникнуть, закрепиться и расширить сферу своего влияния. Японский капитал в Латинской Америке прибегает к хорошо зарекомендовавшей себя и в других регионах системе участия в отличие от практикуемого компаниями США и Западной Европы создания собственных зарубежных филиалов. «Менее 0,4 % всех японских капиталов, вложенных в экономику латиноамериканских государств к середине 70-х годов, приходилось на чисто японское предпринимательство, причем, — отмечает автор, — распределение инвестиций в 1975/76 г.г. показывает, что отмеченная тенденция сохраняет свою силу» (с. 97). Зачастую японские корпорации довольствуются в Латинской Америке сравнительно небольшой долей акций в капитале смешанных предприятий (хотя это и затрудняет их самостоятельные финансовые манипуляции в части дивидендных платежей, цен и кредитов), но это позволяет им лучше маскироваться под национальными вывесками и снижает тем самым риск национализации, дает большие налоговые льготы, возможности доступа к государственным займам и субсидиям и повышает шансы на получение государственных подрядов.

Японские вкладчики капитала могут также эффективно влиять на предпринимательскую политику смешанных компаний, используя зависимость последних от импорта из Японии оборудования, «ноу-хау», методов управления. Этому способствует и значительный удельный вес менеджеров-японцев в таких компаниях.

В. О. Кистанов в своей работе внимательно исследует роль так называемой правительственной помощи Японии латиноамериканским государствам, осуществляемой в виде сравнительно незначительных безвозмездных даров и субсидий, именованных займов (главным образом на развитие промышленной инфраструктуры), а также технического содействия, приобретающего все большее значение рычага, с помощью которого японские монополии расширяют и ук-

репляют свои позиции в Центральной и Южной Америке. «Цель японской технической помощи, — справедливо отмечает автор, — заключается в том, чтобы без особо больших финансовых и материальных затрат привязать страну-получателя нитями технической и иной зависимости и в конечном итоге расширить возможности сбыта своих товаров, приложения капиталов, получения источников сырья» (с. 131).

В рецензируемой монографии прослеживается и эволюция отношения латиноамериканской общественности к японскому проникновению от стадии «теплого приема», когда они рассматривались в качестве противовеса американскому и иному воздействию, до резкой критики по мере того как все более очевидной становится империалистическая сущность экспорта японского капитала в страны региона. Автор не ограничивается рассмотрением процессов японской экспансии в латиноамериканских государствах лишь на современном этапе, но делает и попытку прогнозировать масштабы и направления этой экспансии, прежде всего в области вывоза капитала.

Особенно следует отметить, что в монографии рассматривается не нашедшая до сих пор достаточного отражения в советской научной литературе проблема японской эмиграции в Латинскую Америку и роль японской колонии в ней как опоры монополистического капитала Японии в расширении экспансии в регионе (с. 132—146). Новизной отличается также анализ и аргументированная критика попыток японских правящих кругов создать «благоприятный образ Японии» в глазах общественности развивающихся стран с целью замаскировать и «смягчить» неокOLONналистский характер своих отношений с этой группой стран, используя для этого ряд выгодных конъюнктурных моментов. Эти попытки проявляются, в частности, в пропаганде идеи особой «близости» Японии развивающимся странам, восхвалении «японской модели» экономического развития и т. д. Автор прав, утверждая, что стремление «японского монополистического капитала извлечь дивиденды из своего якобы особого положения в отношении развивающихся стран не является в своей сущности оригинальным явлением, а есть не что иное, как неотъемлемая часть общей неокOLONналистской политики мирового империализма, направленной на то, чтобы с помощью системы экономических, политических и идеологических мер удержать развивающиеся страны в сфере своего влияния» (с. 154).

В заключение автор пишет, что «важным условием ослабления зависимости Латинской Америки от монополий США, Западной Европы и Японии может стать дальнейшее расширение экономических связей государств региона с социалистическими странами, так как в отличие от капиталистических государств главными принципами социалистической внешнеэкономической политики являются взаимовыгодность и равноправие.

Ю. Е. Евгенийев

Конференция по вопросам литературы и культуры стран Дальнего Востока

В феврале в Ленинграде состоялась десятая научная конференция «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока», на которую через каждые два года собираются ученые — специалисты по литературам зарубежного Востока. Доклады, представленные на юбилейную конференцию, охватывают большой временной отрезок — от периода мифотворчества до наших дней — дальневосточного региона Евро-Азиатского материка. На этот раз литературоведческие доклады были представлены примерно в равном количестве по китайской, японской и монгольской литературам, а также по тибетской и маньчжурской литературам и по синто-буддийскому взаимовлиянию и взаимопроникновению европейских и восточных литератур.

Конференцию открыл председатель оргкомитета, заместитель директора ИВ АН СССР профессор В. М. Солнцева, выступил также заведующий отделом литератур зарубежного Востока ИВ АН СССР профессор Е. П. Чельшев, определившие перспективы продолжающихся 20 лет и ставших традиционными литературоведческих чтений. В свете идеологического наступления империализма они подчеркнули необходимость усиления методологического и политического аспектов в разработке теоретических проблем литератур зарубежного Востока, активного воздействия на формирование эстетических вкусов в этих странах.

О литературных процессах в Китае последних нескольких лет говорилось в докладах «Современная китайская повесть 1979—1980 гг.» (Б. Л. Рифтин, ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР), «Творчество Ай Цина последних лет» (Л. Е. Черкасский, ИВ АН СССР), а также в докладах сотрудников ИДВ АН СССР: «К вопросу о социальном эффекте в современной китайской драматургии» (И. В. Гайда), «Черты современной литературной сказки в Китае» (Н. Е. Боревская), «Китайская литература в 1981 г.» (В. Ф. Сорокин), «Прижизненная и посмертная судьба Лао Шэ» (А. А. Антиповский).

В названных докладах на конкретном художественном материале прослеживается литературный процесс в стране, выходящей из хаоса «культурной революции».

Китайской литературе 20—50-х годов были посвящены доклады О. П. Болотниной (ДВГУ) «Мир в образах и образы в мире» — о творчестве У Цзюэяна и Н. А. Лебедевой (ИВ АН СССР) «О творческом мето-

де Е Шэнтао» на примере рассказов 20-х годов. С интересным докладом «О жанрах мелодий под барабан («гуцюй») в системе песенно-повествовательной литературы» на примере творчества Лао Шэ выступил Н. А. Спешнев (ЛГУ).

Средневековой и древней китайской литературе посвятили свои доклады Г. Б. Дагданов (Бурятский институт общественных наук СО АН СССР) — «Буддийские гимны Ван Взя. (701—761)», показавший своеобразное отношение поэта к буддизму; Пан Ин (ЛГУ) — «Некоторые результаты анализа текста первой главы романа «Сон в Красном тереме», хранящейся в ЛО ИВ АН СССР»; М. Е. Кравцова (ЛО ИВ АН СССР) — «Некоторые черты китайской пейзажной лирики раннего средневековья», показавшей мотивы потери пути, дуализм китайских мыслителей — вечность природы и смертность человека; Е. А. Торчинов (Музей истории религии и атеизма, Ленинград) — «Главы о правлении истины «У чжэн пянь» Чжан Бодуаня как литературный памятник».

Современная японская литература была представлена в содержательных докладах А. А. Долина (ИВ АН СССР) — «Поэзия гэндайси в период «экономического чуда» и М. П. Герасимовой (ИВ АН СССР) — «Неосенсуализм как явление японского модернизма (к вопросу о ранних литературных опытах Кавабата Ясунари)». В первом докладе на примере наиболее крупных современных поэтов затрагивалась гражданственность как определяющая черта послевоенной японской поэзии, во втором показано сложное явление японского модернизма, представители которого пытались отказаться от национальных традиций и использовать стиль европейской литературы в борьбе против пролетарской литературы.

Некоторые наблюдения в «Поэтике ложноклассицизма в художественных произведениях деятелей «национальной науки» на материале «Повести Западных гор» Такэбэ Аятари, внесшего весомый вклад в создание нового жанра — «книги для чтения» и присущего ему изящного стиля, были изложены в докладе Н. В. Мельниковой (ЛГУ).

Несколько докладов было посвящено дзэнской культуре — явлению, оказавшему большое влияние на формирование японской литературы. Е. С. Штайнер (Издательство «Искусство», Москва) показал это в докладе «Сущность дзэн в любовных стихах

Иккю Содзана», поэта XV в., выступавшего вопреки требованиям монашеского ордена за сближение поэзии с жизнью.

Доклады А. М. Кабанова «Классическая китайская поэзия в Японии и литература «пяти монастырей» и В. Н. Горегляда (оба из ЛО ИВ АН СССР) «Сугавара Митидзанэ при жизни и в легендах» позволили слушателям как бы прикоснуться к истокам этого явления. Нельзя не отметить интересную подачу материала названными докладчиками.

«Проблемам синто-буддийского взаимодействия в традиционной японской поэтике» посвятила свое сообщение Л. М. Ермакова (ВГБИЛ).

Т. Н. Цоктоева (ЛГУ) в докладе «Первый перевод «Свидания» И. С. Тургенева на японский язык» показала взаимодействие русской и японской литератур, влияние первой на становление новой японской литературы на примере творчества Фтабатэя Симэи (1864—1909).

Монгольская литература была представлена четырьмя докладами. Л. Г. Скородумова (ИСАА при МГУ) на примере романа В. Инжиннаша «Красная палата слез» показала некоторые особенности жанра, новации писателя в сюжетном и композиционном построении, языке и стиле, в развитии национальных традиций при использовании изобразительных средств китайской классики.

Исследованию устного народного творчества были посвящены доклады С. Ю. Неклюдова (ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР) — «Эпическое чудовище в монгольском фольклоре» на материале малоизученной восточно-монгольской традиции и К. Н. Яцковской (ИВ АН СССР) — «Песни западных монголов», рассказавшей о своих полевых работах в 1980 г. и пришедшей к выводу о существовании «Изборника» народных песен дербетов (информаторов), зафиксированных для пользования певцов и для будущих поколений в «Синий дэбтэр», по народной версии состоявший, по-видимому, из множества циклов.

В докладе Л. В. Букной «Времена года в поэзии Д. Равжаа и Д. Нацагдоржа» на примере двух ярких представителей монгольской литературы нового времени и со-

временности удачно показано развитие философской мысли в стране — от буддийско-созерцательного отношения к окружающему миру у Д. Равжаа (1803—1856) к оптимистичному и образно-вдохновенному взгляду на вечный вопрос жизни и смерти у Д. Нацагдоржа (1906—1937).

Доклад А. Д. Цендиной (ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР) «„Рассказы Шукасапатаи“ в Монголии» был посвящен показу влияния индийской «обрамленной повести» на монгольскую традицию XVII—XIX вв. на частном примере сборника «Семьдесят рассказов понугая» («Шукасапатаи»), оказавшего пусть не очень заметное, но специфическое влияние на развитие монгольской литературы.

На конференции были представлены нетрадиционные литературы: тибетская и маньчжурская — докладами Е. Д. Огневой (ИВ АН Таджикской ССР, Душанбе) «Трактат о воде» тибетского автора Кончог Даини-донмэ, созданный на основе индийских и тибетских памятников, когда освоение чужого материала и способ его адаптации происходит в привычных для данного культурного ареала пространственных, в данном случае ландшафтных, образах, а также Т. А. Пан, выступившей с сообщением «Состав и содержание маньчжурской хрестоматии «Таньгу мэнен» — «Сто глав».

С заключительным докладом «Наши конференции за двадцать лет» выступил В. В. Петров (ЛГУ) и привел интересные статистические данные о проделанной в Ленинграде работе, которая свидетельствует о профессиональном росте ее участников, углублении изучения проблем зарубежных литератур, расширении региона исследуемых литератур, резком возрастании внимания к литературным процессам самых последних лет и т. д.

Первая конференция (1963) была названа «Алексеевские чтения», вторая — «Жанры и стили зарубежных литератур», а начиная с третьей, конференция получила название «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока».

Таким образом, советские литературоведы, специалисты по зарубежному Востоку, могут констатировать определенные успехи, которых они достигли за двадцать лет.

Александр Маркович Дубинский

11 июля 1982 г. на 77-м году жизни после продолжительной и тяжелой болезни скончался доктор исторических наук, профессор, член Ученого совета, старший научный сотрудник-консультант Института Дальнего Востока Академии Наук СССР, член КПСС с 1928 г. Александр Маркович Дубинский, ученый, внесший значительный вклад в изучение истории международных отношений на Дальнем Востоке и национально-освободительного движения народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

А. М. Дубинский родился 11 февраля 1906 г. Свою педагогическую и научную деятельность начал в 1938 г. в Саратовском университете после завершения учебы в Московском институте истории, философии и литературы. Первые печатные работы его вышли в 1939—1942 гг.

Большой период в жизни А. М. Дубинского — с 1944 по 1967 г. связан с педагогической и научной деятельностью в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

Перу А. М. Дубинского принадлежит ряд крупных монографий, таких, как «Война на Тихом океане» (1945), «Китай. 1918—1949» (1950), «Народная антиимпериалистическая и антифеодалная революция в Китае», «Развитие капитализма в Индии во второй половине XIX в.» и др. Им написана глава «Международные отношения на Дальнем Востоке в период войны на Тихом океане (1941—1945)» для книги «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945)», вышедшей в 1951 г.

А. М. Дубинский участвовал в создании многих глав и разделов в коллективных советских изданиях по истории — «Всемирной истории», «Новейшей истории», «Истории международного рабочего и национально-освободительного движения». Он автор монографии «Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке». В 1980 г. вышла его книга «Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937—1945 гг.», в которой ярко показана помощь Советского Союза Китаю в годы борьбы против японской агрессии.

В течение длительного времени А. М. Дубинский являлся членом Ученых советов Высшей партийной школы при ЦК КПСС и Института Дальнего Востока АН СССР, Научного совета Отделения истории АН СССР по проблеме «Международные отношения и внешняя политика СССР», Национального Тихоокеанского комитета (АН СССР), редколлегии ежегодника «Китайская Народная Республика», авторского коллектива ряда томов «История второй мировой войны 1939—1945», редакционных советов издательств «Мысль» и «Прогресс».

А. М. Дубинского всегда отличали исключительная научная добросовестность и трудолюбие.

В памяти всех, кто знал Александра Марковича, навсегда сохранится образ взыскательного и принципиального ученого и педагога, высококвалифицированного востоковеда, неизменного пропагандиста дружбы и сотрудничества между странами и народами Дальнего Востока.

ЧИТАЙТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЖУРНАЛ
«ПРОБЛЕМЫ
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА»

Основная задача журнала — освещать политику Советского Союза на Дальнем Востоке, направленную на укрепление мира и безопасности в этом районе.

На страницах журнала находят отражение вопросы экономики, политики, идеологии, истории, культуры стран и народов Дальнего Востока.

Значительное место в журнале отводится социалистическим странам Дальнего Востока, их экономическим достижениям и росту их международного авторитета, борьбе СССР и этих стран против политики империалистических государств в данном районе.

Широко освещаются в журнале проблемы Китая.

Издание журнала, который выходит на русском, английском, японском и испанском языках, вызвано растущим интересом советской и зарубежной общественности к проблемам Дальнего Востока.

Вы можете подписаться на журнал в любое время и получить его с очередного номера.

Периодичность журнала — 4 номера в год.

Подписная цена на год — 2 руб. 80 коп.

Индекс 70758

Сдано в набор 6.7.82. Подписано в печать 12.10.82. А12564 Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Бум. л. 4,75. Усл. печ. л. 13,3
Уч.-изд. л. 15,56 Изд. № 36335. Заказ 1680. Цена 70 коп. Тираж 18 531 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области

СПЕЦИАЛЬНО ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ С НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕН-
НЫМИ СТОРОНАМИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВО-
ВЕДЕНИЯ

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

(на англ., исп., нем., порт., франц. языках)

Орган Секции общественных наук Академии наук СССР

Журнал издается редакцией «Общественные науки и современность».

Журнал

— представляет новейшие исследования советских ученых во всех областях науки об обществе: по философии, истории, политологии, социологии, экономике, праву, литературоведению, психологии, этнографии, а также по междисциплинарной тематике, в том числе по проблемам защиты окружающей среды, публикует библиографию новейших работ обществоведов СССР:

— помещает статьи как по коренным проблемам современного мира, включая предотвращение термоядерной войны и укрепление мира, социально-экономическое, политическое и культурное развитие СССР, сотрудничество стран социализма, диалог со странами иной общественной системы в рамках мирного сосуществования, так и о прошлом человеческой цивилизации;

— рассказывает об экономическом, культурном и научно-техническом сотрудничестве СССР с освободившимися странами, нынешнем состоянии международных отношений;

— информирует об участии советских ученых в международных научных встречах, их сотрудничестве с коллегами из зарубежных стран.

Подписка на журнал принимается с любого срока и на любой период:

— в зарубежных странах — фирмами, распространяющими советскую периодику и имеющими деловые контакты с В/О «Международная книга»;

— в СССР — отделениями связи и агентствами «Союзпечать» Министерства связи СССР.

По всем вопросам, связанным с более подробным знакомством с содержанием журнала, с оформлением подписки и уточнением адреса фирмы в Вашей стране, просим обращаться в редакцию «Общественные науки и современность»:

СССР, 121002, Москва, Арбат, 33/12.